

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:

М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)

А. Г. Байбородин (Иркутск)

П. В. Басинский (Москва)

А. В. Кирилин (Барнаул)

В. М. Костин (Томск)

А. К. Лаптев (Иркутск)

Г. М. Прашкевич (Новосибирск)

Р. В. Сенчин (Екатеринбург)

М. А. Тарковский (Красноярск)

А. Н. Тимофеев (Москва)

А. Б. Шалин (Новосибирск)

Михаил Косарев

ответственный секретарь

Лариса Подистова

начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова

редактор отдела художественной литературы

Татьяна Седлецкая

редактор отдела художественной литературы

Михаил Хлебников

начальник отдела общественно-политической жизни

Евгения Акимова

редактор отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Карасёв

редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Н. С. Астанина

Верстка: О. Н. Вялкова

3/2023

Содержание

ПРОЗА

Владимир ЧОЛОКЯН. Оценка для учителя. Роман.	3
Наталья БАКИРОВА. Белый шиповник. Повесть.	70
Юрий СОЛОДОВ. Анжела, которая скитается по станциям. Рассказы.	87
Олег КОЛЕВАТОВ. Река, напои меня. Рассказы.	110
Евгения ЛУГОВАЯ. Сплетни дня. Рассказ.	123
Константин РОЕВСКИЙ. Покупатель роялей. Рассказ.	131

ПОЭЗИЯ

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ. В завитке аммонита. Стихи.	65
Алена БАБАНСКАЯ. Жизнь не всерьез. Стихи.	107
Юрий ТАТАРЕНКО. Десять минут октября. Стихи.	138

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил ЩУКИН. Ему дано было «слышать» народную душу. <i>К 75-летию Геннадия Заволокина.</i>	141
Александр АГАЛАКОВ. Летучий воровской отряд.	151
Олег ПОМОЗОВ. Вольная типография.	159

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сергей Ильченко. Экранные приключения пармского сказителя. <i>Как и почему кинематограф и ТВ полюбили прозу Алексея Иванова.</i>	173
---	-----

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Денир Курбанджанов. Да что вы понимаете в колбасных обрезках? <i>О книге Александра Павлова «Плохое кино».</i>	184
--	-----

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Валерий КОПНИНОВ. Тонкость нерассказанных ощущений. <i>Художник Наталья Красикова о времени и о себе.</i>	187
--	-----

Авторы номера	191
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни» М. Н. Щукин.

Владимир ЧОЛОКЯН

ОЦЕНКА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Р о м а н

* * *

Сергей шел по коридору гимназии немного быстрее обычного. Он опаздывал, но окружающие об этом не догадывались. Просто он всегда старался приходить за пятнадцать минут до урока, а сегодня будет точно ко времени.

Звонок застал его на подходе к кабинету. Электрическое гудение из динамиков эхом разбредалось по школьным закоулкам.

Сергей распахнул широко дубовую дверь.

Класс, чуть помедлив, встал. Двенадцать человек уныло смотрели на учителя, ожидая дежурного приветствия.

— Good morning, children!¹

— Гуд морнинг! — вразнобой ответили ученики и грохнулись на стулья.

Он достал из сумки кипу тетрадей и аккуратно положил на стол. Взял из шкафа нужный учебник и черный громоздкий ноутбук, с трудом держа его одной рукой. На крышке ноутбука красовалась криво прилепленная скотчем бумажка с инвентарным номером.

— Ну что, шестой «Б», как успехи с домашним заданием?² — спросил Сергей и сел за стол. — Трудностей не возникло?³

— Элементарно все, — сообщил невысокого роста паренек со второй парты, прямо напротив учительского стола.

— Приятно слышать, Николай.

— Всегда пожалуйста, — съехидничал тот и поправил свисавшую на правый бок челку.

Несколько человек захихикали, смех получился жиденьким.

— Тогда первым будешь отвечать.

— Да я пошутил, Сергей Павлович! — пошел на попятную Николай.

¹ Доброе утро, дети! (англ.)

По классу снова прошел легкий смешок.
 Придвинув кипу тетрадей к себе, Сергей накрыл ее ладонью.
 — Для начала разберемся с результатами контрольной работы.
 Напомните, когда мы прошли эту тему?
 — В субботу, — ответила девочка с первой парты.
 — А работу писали в понедельник. Неужели за один выходной день у вас совершенно все из головы улетучилось?
 Ученики молчали.
 — Почему даже самые простые вопросы вызывают проблемы?
 Сергей открыл первую тетрадь:
 — Вот, Марков. Простейшие вещи ты кое-как умудрился сделать.
 Остальное совсем печально.
 — А оценка какая? — спросил щуплый мальчик с растрепанными светлыми волосами.
 — Или Вавилов... — Сергей уже листал другую тетрадь, игнорируя вопрос. — Ты в школе на прошлой неделе вообще был?
 — Был, — тихо ответил Вавилов.
 — Полное непонимание темы! Набор слов какой-то. Причем слов, тоже написанных с ошибками!
 Сергей отложил и эту тетрадь в сторону и взял следующую.
 — Кто за тебя работу писал, Ермилин?
 — Настька Седокова!
 Не по годам высокий парень с большим, как у вороны, носом ткнул пальцем в сидящую впереди девочку.
 — Ничего я не делала для тебя, дурак! Сергей Павлович, он врет!
 — Конечно, врет. Ведь это ответы, скачанные из интернета. И ошибки ровно в тех же местах. Вы кого хотите обмануть? Меня?
 — Да, — послышалось с задней парты.
 Говоривший положил голову на учебник и смотрел в стену, поэтому за другими учениками его не было видно.
 — По твоей работе, Кивалов, видно, что ты даже из интернета списать поленился, — заметил Сергей. — Так что себя ты обманул и больше никого.
 — Ну и ладно, — пробубнил тот в ответ.
 Сергей вышел в центр класса и встал под выключенным проектором. Он раскрыл очередную выбранную из кипы тетрадь на последней странице и повернул к классу:
 — Угадаете, чей шедевр?
 Засмеялись все, кроме одного человека.
 — Вот, полюбуйтесь, он и не слышит! — Сергей подошел к последней парте третьего, самого дальнего от учительского стола ряда и положил тетрадь перед учеником, накрыв ею телефон, в который тот чуть ли не уткнулся носом.
 — Да я щас солью из-за вас! — громко возмутился подросток и отпихнул тетрадь в сторону.
 Почти весь текст его контрольной работы был перечеркнут красным. Сергей схватил его мобильник.

— Бокаров! Встань!

— Не буду! — Бокаров, упитанный парень с выбритыми висками, злобно посмотрел на Сергея.

— Что ты себе позволяешь?!
— Хочу и позволяю!

— Посмотри, что ты написал! За это даже два ставить нельзя! Тут места живого нет! — Сергей ткнул пальцем в тетрадку. — И даже половины не сделал!

— Телефон отдайте! — Бокаров все-таки встал.

— Я тебе говорил не играть на моих уроках? Ну, говорил? — разозлился Сергей.

— Мало ли чего вы говорили!

Сергей обернулся ко всему классу:

— Это вам надо или мне, в конце-то концов?
— Отдай! — Бокаров взмахнул правой рукой. — Чмо!

Выбитый из рук учителя телефон прокатился по полу и оказался в проходе между партами среднего ряда.

— Вон из класса! — заорал Сергей. — Без классного руководителя не приходи!

Уже возле двери Бокаров обернулся и заявил:

— Этот телефон дороже твоей жизни стоит!

Сергей нагнулся, подобрал аппарат и вернулся к учительскому столу. При нажатии на боковую кнопку загорелся экран с изображением персонажа какой-то мобильной игры. Видимых повреждений на телефоне не имелось. Отложив его в сторону, Сергей оглядел застывших в ожидании учеников. Затем демонстративно вздохнул и открыл электронный журнал.

— Оценку «отлично» получает только Настя. Есть пара ошибок, я отметил и на полях прокомментировал. Будет непонятно — подойдешь.

Настя молча кивнула, поправляя очки.

— Хорошие результаты также у Потапова, Завьяловой и Пилецкого. Григорий, я приятно удивлен. — Сергей улыбнулся. — Ты не списывал?

— Н-нет, — ответил Григорий.

Он считался в классе чудачком — еще бы, уроки учит! — и сидел за партой один.

— У остальных двойки.

Класс застонал, заперешептывался.

— Скоро конец триместра, так что не знаю, как вы будете их закрывать.

— Можно доклад принести? — спросил Ермилин.

— Нельзя.

— А на других предметах можно! — заметил Вавилов.

— Даже на физике! — поддакнул Марков.

— Вот на другие предметы и носите. А у меня — работайте. Отвечайте на уроке, делайте домашние задания. Время еще есть.

Сергей сложил тетрадки стопкой на краю стола:

— После занятия заберете. А сейчас приступаем к проверке домашнего задания.

Взяв учебник, он потянул закладку и открыл на нужном параграфе.

— Nikolay, would you like to start?..²

Бокаров в класс не вернулся. Сергей, отдав рюкзак и телефон парня его одноклассникам, через пару уроков забыл об инциденте. За недолгую педагогическую карьеру ему уже приходилось сталкиваться с учениками разной степени хамоватости, и в какой-то момент он решил, что нужно просто смириться и воспринимать это как данность. Правда, раньше он работал в общеобразовательной школе в спальном районе, а тут — гимназия с богатой историей в самом центре города...

После шестого урока Сергей сложил в портфель вещи, выключил свет и вышел из класса. От учительской, расположенной в дальней части коридора, ему навстречу двигалась дама средних лет в бирюзовом вельветовом платье, с объемно зачесанными на макушку русыми волосами. Она звучно ступала туфлями по гранитному полу, и в притихшем, лишенном детского шума здании на нее сложно было не обратить внимания.

— Сергей Павлович... — начала дама.

— Да, Анна Константиновна?

— Уделите мне пару минут?

— Конечно, — сказал Сергей и вернулся в кабинет.

Он машинально щелкнул выключателем, и помещение осветилось едким холодным светом, от которого к концу рабочего дня слезились глаза.

— Сегодня вы выставили Марка за дверь... — Анна Константиновна нервно сжимала и разжимала кисть правой руки. — Вам не кажется, что это чересчур?

— Он играл на уроке и игнорировал мои замечания. Плюс ко всему написал контрольную хуже всех.

— И что же? Это повод бросать его телефон на пол?

Сергей оперся на парту.

— Вам он наговорит, конечно... Бокаров сам выбил его из моих рук, когда попытался забрать. Я уже молчу про то, какими словами он выразился в мой адрес! Сколько раз я говорил, чтобы на занятиях никаких...

— Вы вообще знаете, сколько этот телефон стоит? — перебила Анна Константиновна.

— Почему меня должно это заботить? Тем более ничего с ним не произошло.

— Нет, Сергей, вести себя с учениками надо уважительно. Особенно с такими.

— Какими? — уточнил Сергей.

Анна Константиновна недовольно цокнула.

— За сохранность их вещей несете ответственность в том числе и вы. Ведь это произошло на вашем уроке.

— Вас только это беспокоит?

— Как классного руководителя, меня беспокоит все, что связано с детьми из моего класса. Вы наорали на мальчика, выставили за дверь и чуть не испортили дорогую вещь! — отчеканила Анна Константиновна.

² Николай, давай начнем с тебя (англ.).

Сергей возмущенно выпрямился.

— Лучше бы вас беспокоила успеваемость «мальчика». И не только это! Он хамит и ничего не хочет делать. В контрольной за красными чернилами не видно самой работы! Таких ошибок даже специально не наделаешь...

— Да, и по поводу контрольной. — Анна Константиновна сделала полшага вперед и понизила тон. — Мне кажется, что двойка не самая хорошая оценка под конец триместра.

Сергей с негодованием посмотрел на нее.

— Это самая честная оценка. Даже тройку еще надо заслужить. Если Марк не будет отвечать на уроках и выполнять домашние задания, у него и за триместр будет в лучшем случае «удовлетворительно».

— Это невозможно! — Теперь классная почти кричала. — Такие оценки ставить нельзя! Тем более ему!

— Кто вам такое сказал? — тоже повысил голос Сергей. — Школьные правила касаются всех. Пусть учит, на следующем уроке проверим. Кто хочет хороших оценок — тот работает.

— Сережа, вы человек новый, молодой... — Анна Константиновна примиряюще коснулась его руки. — Может, дело все-таки в подходе к ученикам? Во второй группе ни у кого с английским проблем нет.

Сергей выдержал паузу.

— Что вы от меня хотите?

— Постарайтесь, чтобы Бокаров закончил триместр с *хорошей* оценкой.

— Мне надо постараться? — удивился Сергей. — Пусть сам хоть что-то сделает для этого.

— И извинитесь. Если его отец обо всем узнает, то может очень... расстроиться.

Сергей шагнул к выключателю.

— Анна Константиновна, мне кажется, мы закончили разговор.

— Не берите на себя больше, чем сможете унести.

Свет в классе погас.

Анна Константиновна Горбунова, классный руководитель шестого «Б», скрылась в учительской.

Сергей запер массивную дверь кабинета и вышел на центральную лестницу. Огромные окна выходили во двор, откуда на нее падал яркий солнечный свет. На металлических перилах играли искорки, тени от старых деревянных рам лежали на полу вытянутыми прямоугольниками. На проходной Сергей сдал ключи зевающему охраннику. Тот нехотя отвлекся от экрана маленького телевизора, где шла новостная передача, и еле заметно кивнул в ответ на дежурное «до свидания».

Февраль выдался морозным и солнечным. На залитом однотонной синевой небе не было ни облачка, с крыш неказистых домов старинного города опасно свисали замерзшие глыбы снега и льда. Выщербленные фронтоны, грубо замазанные краской декоративные элементы, затянутые в пластиковую скорлупу стены первых этажей превратили некогда роскошные здания в жертвы казенного ремонта, наспех сварганенного для отчетности перед не желающим вдаваться в детали начальством.

На этом жалком фоне выгодно выделялось здание гимназии, окруженное вековыми елями и не растерявшее по пути из прошлого в настоящее своей стати и грациозности. Обрамленный резным каменным орнаментом вход, высокие дубовые двери, просторные коридоры с лепниной на потолке — редкий провинциальный музей мог бы похвастаться подобной фактурой. Когда-то здесь был дворянский институт, выпустивший несколько поколений деятелей, известных всей стране. Имена одних гордо носят столичные улицы и парки; о других же, за давностью времен и по идейным соображениям, не вспоминают даже историки.

Желая немного размяться, Сергей решил пройти пару остановок пешком. Он повторял в голове только что состоявшийся разговор с классным руководителем шестого «Б» и невольно улыбался, жмурясь от яркого солнца. Радовала Сергея не только твердость, с которой он дал отпор просьбам Анны Константиновны, но и само их наличие. Получалось, что не так и огромна пропасть между общеобразовательной школой, где он начинал работать, и главной гимназией города, куда старались попасть многие его коллеги. Сам факт работы в ней уже поднимал человека выше простого учителя, отношение к которому в последние годы было скорее сочувственное, нежели уважительное.

Для классного руководителя естественно бегать за преподавателями и просить дать дополнительное задание очередному прогульщику и лентяю. Оценка остается главным инструментом воздействия на ученика и предметом торга являться не может: ученик должен ее заработать. На новом месте Сергею хотелось произвести впечатление строгого, но справедливого учителя, пускай и молодого, но знатока своего предмета. В Анне Константиновне же излишняя озабоченность дорогими побрякушками и заметная нервозность выдавали человека мягкотелого, заискивающего перед богатыми родителями. Работать с ней в тесной связке не представлялось разумным: на такого «напарника» обопрешься — и рухнете вместе.

Гимназия стояла на холме, а город плавно тянулся вниз, повторяя изгибы рельефа. Быстро идти не получалось: под тонким слоем снега нога то и дело обнаруживала ледяную корку и скользила. Сергей в эту зиму еще не падал и открывать счет не намеревался. Он шел вдоль сплошь обклеенного объявлениями забора из синего профлиста, за которым скрывался от прохожих фундамент очередного «шедевра» точечного градостроения. Город вдалеке выглядел игрушечным, будто здания вразнобой раскидали на старом пыльном ковре маленькие дети. Дымка коптящих в морозном воздухе труб застилала его и делала похожим на мираж. Сергей втянул голову в воротник пальто и ускорил шаг.

К остановке подъехал небольшой автобус. Во всю его боковину была нанесена реклама цейлонского чая со слоганом: «...матный вкус, знакомый с детства». Первые три буквы спрятались в гармошку открывшейся двери. Сергей вошел в полупустой салон, примостился у окна и медленно покати́л домой.

— Горячее хоть?

— Да.

— Точно? Замерз, наверное. Давай еще подогрею.

— Все хорошо, мам, не надо.

Невысокая суховатая женщина пенсионного возраста ходила по кухне туда-сюда. Выглядела она усталой.

— Эта штука у микроволновки не поворачивается, вот и холодное.

На плите, может, разогреть?

— Сядь. Чего ты суетишься?

Мать наконец села за стол.

— Как на работе дела? Привык?

— Сколько ты меня спрашивать будешь? За полгода привык уже.

Сергей водил ложкой по гречневой каше, расплавляя в ней мягкий кусок сливочного масла.

— С кем-нибудь еще познакомился?

— Да не особо. Когда мне? Уроки отвел, и хватит. Чтобы знакомиться, надо в учительской сидеть, а там контингент еще тот.

— Уж всяко лучше, чем в шестьдесят шестой.

— Это понятно, — ухмыльнулся Сергей, отламывая ложкой кусок котлеты.

— А эта учительница физики? Как ее...

— Надя. А что она? У нее кабинет в другом крыле. В столовой иногда пересекаемся или домой едем вместе. Она тоже где-то на правом берегу живет, но выходит раньше...

Сергей махнул ложкой в сторону предполагаемого места жительства Нади.

— По твоим рассказам, милая девушка.

— Ага, как же. Ей тридцатник плюс всем оценки раздает просто так.

Ее никто ни в грош не ставит.

— Зато при деле, а не мотается как неприкаянная.

Подняв голову от тарелки, Сергей укоризненно посмотрел на мать.

— Ну ма! Ты опять за свое?

— Нет, а что? Может, хорошая. Присмотрись получше. Возраст не беда.

— У меня есть девушка, и она мне нравится. Я не понимаю, чего ты ее так невзлюбила?

Уставшее лицо матери сжалось, на лбу собрались морщины. Глаза, подпертые большими темными мешками, выражали недовольство.

— Ребенок она. Не знает, чего хочет. Тут поучилась — бросила. Туда поступала — не взяли...

— И? Она себя ищет, человек творческий.

— Закончила бы хоть техникум — и пускай себе ищет. А так, двадцать два года — и даже курса не проучилась нигде...

— Ты мыслишь как старая бабка.

— А я и так старая бабка почти! Время, оно такое, сынок:хватишь-ся — а уже и нету.

Сергей помолчал, собираясь с мыслями.

— Образование сейчас не путевка в жизнь.

Мать встала из-за стола.

— И это мне учитель гимназии говорит! Умные вы все больно... Так, что я хотела?

— Не знаю. Меня покритиковать.

— Ах, мясо вынуть! Завтра голубцы буду делать.

Поймав ложкой оставшийся кусок котлеты, Сергей закинул его в рот.

— Спасибо.

— На здоровье. У тебя на сегодня какие планы?

— Никаких. Пойду прогуляюсь, — ответил Сергей и добавил: — С Леной.

Мать грустно вздохнула:

— Гуляй-гуляй...

Ткнув кнопку вызова лифта, Сергей ждал его с нетерпением. Лифт, даром что его меняли пару лет назад, работал лениво: двери открывал вальяжно, ехал неторопливо, вибрировал и часто застревал. С седьмого этажа быстрее было спуститься на своих двоих, но Сергей хотел лишний раз заглянуть в зеркало — убедиться в опрятности своего «лука». Он расстегнул пальто, вытащил наружу шарф и намотал его поверх — для поэтичности. В мутноватом зеркале лифта Сергей выглядел хорошо. На выходе из подъезда он остановился у почтовых ящиков — заранее набрать номер, чтобы не доставать телефон на морозе.

— Доброго вечера, молодой человек!

От испуга Сергей дернулся, едва не утратив серьезность лица.

— Молодой человек! — У батареи стоял мужик в затасканной куртке и вязаной серой шапке. — Будь добр... У меня это... просьба...

— Ничего нет, — отрезал Сергей.

— Сколько не жалко, на бутылочку, прямо говорю, — продолжал мужик, хотя его не слушали.

Сергей отошел в сторону.

— Алло? — послышалось из динамика телефона.

— Привет, Лена! Как ты?

— Что-то ты сегодня поздно.

Входная дверь открылась, и в подъезд вошла грозного вида женщина лет шестидесяти, толстая и невысокая. Она тащила полные, противно шуршащие пакеты из супермаркета. Сергей прижался к стене, чтобы женщина могла протиснуться на лестницу. Один пакет ударил его по колену — внутри были банки с консервами.

— Кто тебя сюда снова пустил, колдырь? А ну давай выметайся! — взвизгнула тетка при виде мужика.

Нащупав в карманах перчатки, Сергей вышел на улицу, спасаясь от шума.

— Разве? — Он убрал телефон от уха и посмотрел на время. — Да вроде мы всегда на это время договариваемся...

Следом на улице оказался мужик и быстрым шагом двинул по направлению к детской площадке, подгоняемый криком из еще не захлопнувшейся двери:

— Ментов в следующий раз вызову! И дружкам своим передай!

— Я уже тут, — сообщил голос в динамике. — Почти час вокруг гуляю.

— Чего же ты мерзнешь? Зайди внутрь.

— Не хочу. Тут хорошо!

Сергей прижал телефон ухом к плечу и стал натягивать перчатки.

— Я бегу. Мчусь на всех парах!

— Ха-ха, давай! А то могу не дожидаться.

Лавируя по прокатанной машинами колее, Сергей помчался в соседний квартал. Он периодически подтягивал шарф к воротнику, чтобы холодный воздух не так яростно колот горло: не хватало еще простудиться. Между комфортом и модным внешним видом Сергей обычно выбирал первое, но, идя на встречу с Леной, максимально прихорашивался — ей это нравилось.

В поле зрения появился торговый центр с безыскусным названием «Калейдоскоп», яркие разноцветные вывески выделяли здание на фоне горящих скучными рядами окон многоэтажек. Перед входом творился беспредел: спрятанная под снегом разметка сейчас не регламентировала правила парковки, и машины были хаотично разбросаны по площадке, как на свалке.

Лена, конечно, слукавила. Теплые мягкие руки, бледные щеки ясно свидетельствовали, что в помещении она находилась давно.

Сергей улыбнулся:

— Врунишка!

— Зато как быстро прибежал! Я устала ждать.

— Чего же так рано вышла?

— Это ты поздно позвонил! — Лена ткнула пальцем в грудь Сергея.

Она жила на пути от дома Сергея к торговому центру и, если бы не привередничала, могла бы встретиться с ним около своего подъезда. Но выбрала прийти раньше и разыграть комедию.

— Как только, так сразу. Ты что будешь?

— Я уже все за нас решила. Сегодня я попробую ежевичный пирог, а ты — чизкейк с «рафаэлками».

Сергей приобнял Лену за талию и придвинулся ближе.

— Ого! Чем же обусловлен такой выбор?

— Красный и белый. Это как две стихии, два взгляда на мир.

Импульсивность и взвешенность, страсть и покой, любовь и...

— И?

— Сам додумай, не знаю. Просто я люблю ежевику, а тебе всегда без разницы.

Улыбнувшись, Сергей поцеловал Лену.

— Я шучу, чего ты объясняешь. Пирог так пирог. А кофе — как обычно?

— Без пряного рафа я не засну.

Кафе находилось на втором этаже, отделенное от фуд-корта ширмой из деревянных реек. Дерево доминировало и во внутренней отделке, что вместе с приглушенным мягким светом создавало уютную атмосферу. Вот только от детских воплей и гудения толпы, гулявшей взад-вперед вдоль бутиков и магазинов электроники, было никуда не деться, шум настигал даже в самом дальнем углу зала. Сверившись с банковским приложением, Сергей сделал заказ. Никакого чизкейка он брать не стал, ограничившись обычным американо. Частые визиты в подобные заведения были для него обременительны. На них уходили практически все средства, отложенные со скромной зарплаты. Кроме того, существовали и другие траты, помимо вечерних кофейных посиделок.

— Что делала сегодня? — поинтересовался Сергей.

— Да так, ничего особенного. Добила детектив этот корейский про убийц в детдоме.

— Мы ведь вместе хотели посмотреть!

Лена положила голову на плечо Сергея.

— Я до выходных не смогу ждать. Все равно мне не очень понравилось. Какая-то ерунда!

— Да они все однотипные.

— Кто? — переспросила Лена.

— Сериалы. Да и корейцы, — пошутил Сергей.

— Ой, дурачок!

Оба негромко хихикнули.

— А как у тебя с подготовкой к поступлению? — спросил Сергей.

— Ты хоть меня не дергай! Родаки достали уже.

— К обществузнанию готовишься?

— Бестолковое занятие. Всего не выучишь, так что уж как повезет.

Повернувшись, Сергей внимательно посмотрел девушке в глаза.

— Это тебе не вступительные в театральный колледж. Просто болтовней их не сдашь. Нужно знать формат...

— Я, вообще-то, в курсе, спасибо. Не сдам, и ладно — подумаешь, беда.

— У тебя же это последняя...

— Ты заказ-то забирать будешь? — перебила Лена. — Уже остыло, наверное, все.

Сергей сходил к кассе и принес заказ: пряный раф, ежевичный пирог и американо. Лена сделала вид, что не заметила отсутствия запланированного ею чизкейка.

— Ох, обалденный, конечно, тут раф! — негромко произнесла она, с наслаждением сделав маленький глоток.

— У тебя же последняя возможность в этом году поступить. Потом снова ЕГЭ придется сдавать.

Лена состроила гримасу.

— Серез, ну со мной-то вырубь режим учителя! Не поступлю — и ладно. Пойду в техникум.

— Я все-таки о тебе беспокоюсь, — нежно произнес Сергей и сжал руку девушки.

— Пойду вот баристой работать — и никакого образования не надо. Занимайся любимым делом целыми днями! Плохо разве?

— А что, хорошая мысль, — согласился Сергей, хотя идея ему не понравилась.

Разговоры об образовании затевались им не столько по профессиональной привычке, сколько как способ нащупать тему для беседы. Порой это помогало заполнить тишину или перебить обсуждение какой-то совсем девчачьей ерунды. Больше всего Сергей боялся молчания — точнее, неловкости, что мгновенно его одолевала. Он корил себя за скучный характер и неумение быть интересным собеседником для девушки. Сразу всплывали в памяти ситуации, когда вызывали к доске по невыученному предмету и приходилось молча стоять, слушать противный свист в ушах — очевидно, от нервов, — шарканье ботинок одноклассников по изувеченному линолеуму, чьи-то негромкие смешки и голос учителя — как финальный удар в барабан, — не всегда злой, но строгий и оттого обидный. Умение вместе молчать — это какой-то особый уровень единения, которого они с Леной пока не достигли. Приходилось всеми силами выкручиваться.

— Как в школе? — перевела разговор Лена.

— Да так же всё. Некоторые ученики, конечно, совсем отбитые. Ничем их не проймешь.

— А ты громко на них ругаешься?

— Как получится... Иногда приходится и крикнуть.

— Поругайся на меня!

Сергей смутился:

— Зачем?

— Представь, что я школьница и домашку не выучила!

— К следующему уроку подготовишь.

— Не буду готовить! И учиться не буду! — нелепо пародируя детский голос, запищала Лена.

— Тогда ставлю два, и к директору, — ответил Сергей и поцеловал ее в пряно-ежевичные губы.

— Как-то слабо ты ругаешься, — ухмыльнулась Лена. — Наверное, в классе тебя не боятся.

Сергей хотел засмеяться, но к горлу подступила мокрота, и вместо этого он издал звук, похожий одновременно на кашель и чихание.

— Н-надо, чтобы уважали, а не боялись. Такое еще попробуй заслужи!

— Вот и я тебе о том же.

Лена и раньше с некоторым пренебрежением высказывалась о работе Сергея, но никакого отпора не получала. Сказанное без умысла, ради веселья, за обиду не считается. Вот только в этот раз Сергея как-то особенно кольнула ее совершенно необязательная, беззлая фраза. Он хотел было ответить, но сдержался и решил тему не развивать.

— Сейчас в угол поставлю! — попробовал отшутиться.

Лена развела руками:

— А в угол ставить нельзя, это непедагогично!

Сергею захотелось срочно прекратить этот нелепый диалог.

— By the way³, что вы делаете завтра вечером, мадам? — спросил он, подыгрывая настроению девушки.

— Что вы можете мне предложить, сэ-эр?

— Роскошные апартаменты с видом на... ну с видом куда-нибудь.

Лена оживилась:

— Ты снял хату?

— Да, с субботы на воскресенье. С вечера.

— Круто! — Девушка кинулась Сергею на шею. — А почему не днем?

— Я вообще-то работаю.

— Выходной же!

— Нарочно издеваешься?

Она сложила руки на коленях с важным видом:

— Могу себе позволить!

Сергей смотрел на эти перформансы с легкой грустью, в очередной раз убеждаясь, что Лена еще совсем ребёнок.

Остаток вечера прошел в предвкушении выходных и долгожданного уединения.

* * *

Уроков в субботу было три: пятый класс и два шестых. Дети в этих классах учились в основном спокойные и послушные. Как минимум не слишком мешали ходу учебного процесса, а любые их вольности пресекались обычным замечанием. В таких условиях и работалось плодотворнее. Сергей поймал себя на мысли, что слушает ответы и поправляет ошибки легко, как будто в полуавтоматическом режиме. Наверное, это было зачатком преподавательской мудрости и вожденного опыта, когда можно прийти неподготовленным в любую группу и ориентироваться в материале по ходу дела. Такого, конечно, Сергей позволить себе пока не мог. Зато он хорошо помнил, как выглядит учитель средней руки, не знающий тему. В его школьные годы у них был такой: начинал спрашивать все подряд, прыгая от ученика к ученику, и, найдя слабого, долго пытал его вопросами — тянул время, позоря ребенка на потеху классу.

В кабинет без стука зашла Анна Константиновна:

— Сергей Павлович, вас вызывает Нина Олеговна.

Прозвучало это казенно и слишком официально даже для гимназии.

— Что-то срочное?

Анна Константиновна, не удостоив его ответом, вышла из класса.

— Понятно, — вполголоса произнес Сергей и повернулся к ученикам: — Сидите тихо. Задание у вас есть. Я скоро приду.

«Нина Олеговна Ларюшина. Заведующая учебной частью» — большая темная табличка с именем украшала внушительную деревянную дверь. В дореволюционном здании гимназии все двери были по-своему

³ Кстати (англ.).

красивы, но эту сделали еще солиднее, покрыв лаком и заменив обычную ручку на узорчатую винтажную.

Сергей схватился за нее и почувствовал, что ладонь вспотела от волнения: очень уж не любил он встречи с завучем Ларюшиной.

— Звали, Нина Олеговна?

— Да. Присаживайтесь, Сергей Павлович.

Он сел в кожаное кресло рядом с роскошным столом завуча. Ларюшина бегло просматривала что-то на экране компьютера, но видно было только «яблочный» логотип на тыльной стороне монитора.

— Вы знаете, зачем я вас позвала?

— Не думаю, — ответил Сергей, хотя уже догадывался.

— Я открыла журнал успеваемости шестого «Б». Как вы можете объяснить то, что я здесь вижу?

— Что именно вас смущает?

Ларюшина отвлеклась от экрана и внимательно оглядела Сергея.

— В конце триместра у половины класса выходят тройки, а у некоторых — и того хуже!

— Таковы объективные результаты. Ученики ленивы, ничего не учат, за что и получают соответствующие оценки. Контрольная это подтверж...

— Контрольная, Сергей Павлович, это отдельная история.

Сергей непроизвольно сжался, борясь с негодованием.

— Я не понимаю, к чему вы клоните.

Завуч резво выпрыгнула из кресла и встала у стола. Она была низенькая, коренастая и очень подвижная. Особенно для своих шестидесяти с лишним лет.

— Проставьте всем четверки. Бокарову можно пару пятерок. А контрольную работу вообще вычеркните и не вспоминайте о ее существовании.

— Так она же и в тетрадях есть, и в систему внесена! Ваше указание несколько противоречит правилам...

— Тетради не трогайте, а в систему результаты контрольной еще не вписаны. Вот и не вписывайте.

Сергей был точно уверен, что вносил все результаты в систему.

— Я не собираюсь ставить оценки просто так. Ученики должны их заслужить, а потакать раздолбаям вроде Бокарова ради какого-то отчета за триместр я не буду! — Сергей встал со стула и посмотрел в лицо завучу. — В конце концов, такое их поведение — это и ваша вина.

Лицо Ларюшиной налилось даже не красным, а лиловым. Она явно готова была выплеснуть на зазнавшегося сопляка все эпитеты, которые мгновенно родились в ее голове. Однако Сергей, предвидя масштаб назревающего скандала, молча вышел в коридор и быстро зашагал к себе в кабинет. Он опасался преследования, но, оглянувшись на лакированную дверь кабинета завуча, понял, что никто за ним не идет, и немного притормозил.

Было понятно, что, заняв столь принципиальную позицию, он серьезно рискует. Однако на его стороне была справедливость и тот факт, что с формальной точки зрения он вел себя безупречно: сдавал все отчеты,

вовремя приходил на работу, всегда выглядел опрятно, как и подобает учителю гимназии (вернее, как он сам рисовал себе этот образ). Плюс ко всему без отмашки директора завучи ничего сделать не могли. Даже Ларюшина. На директора, откровенно говоря, и была главная надежда молодого учителя.

В отсутствие Сергея с детьми в классе сидела Анна Константиновна и явно скучала. Ученики же во весь голос общались, тыкали пальцами в телефоны и только что не бегали по кабинету. Увидев, как быстро Сергей вернулся, Анна Константиновна гадко улыбнулась и вышла, так ничего и не сказав. Посмотрев на часы, Сергей понял, что устанавливать рабочую дисциплину уже не имеет смысла, записал на доске домашнее задание и оставшиеся восемь минут урока готовил материалы к следующему. Дети, однако, в его присутствии вели себя намного спокойнее.

Последним в расписании был урок в шестом «Б». Проведя стандартную процедуру переключки, Сергей заметил, что не хватает Бокарова. Не став спрашивать причину его отсутствия, он спокойно начал урок:

— Children, what have you prepared for today? Does anyone want to correct their marks?⁴

Руку подняла Настя, потому что она всегда поднимала руку. И Пилецкий — точно зная, что его спрашивать не будут. Остальные сидели молча и чего-то выжидали.

— Сергей Павлович! Выйдите на секундочку.

Голос завуча Ларюшиной был ровным и спокойным. А лицо — белым, как стены подсобного помещения столовой.

— У меня занятие, Нина Олеговна.

— Иди в учительскую! — бросила завуч фамильярно.

Сергей догадывался, в чем дело. Но от кабинета до двери учительской было недалеко, и разрозненные мысли не успели собраться в единую картину.

Учительской называли, по сути, обычный кабинет с тремя окнами и длинным столом в центре, где проводились общие совещания. Сергей с порога увидел Марка. Тот сидел в кресле около бойлера с водой, где преподаватели обычно пили чай и сплетничали, и, как всегда, играл в телефон. Рядом с ним стоял мужчина и разглядывал фотографии классов на стене.

— Анатолий Викторович, вот учитель английского, — объявила завуч Ларюшина и закрыла дверь.

Сергей остановился в центре учительской. На мгновение повисла тишина.

— Здравствуйте, — сказал он первым и сел в самом конце длинного стола.

— Встань! — громко сказал мужчина, повернувшись.

Он был маленького роста, лысенький и непропорционально толстый, как мешок картошки.

Сергей машинально встал, не понимая зачем. Очень уж убедительно звучал голос.

⁴ Дети, каким было домашнее задание на сегодня? Кто-нибудь хочет исправить свои оценки? (англ.)

Мужчина подошел к креслу и подтянул серые штаны.

— Это — мой сын, — ткнул он пальцем в Марка.

— Я уже понял, — кивнул Сергей.

— Ты выбил из рук моего сына дорогую вещь и выгнал его из класса.

Это, по-твоему, должен делать учитель?

Набрав воздуха в грудь, Сергей как можно спокойнее ответил:

— Ваш сын не учит уроки и нарушает дисциплину.

Сзади послышалось цоканье завуча Ларюшиной.

Мужчина не заметил слов Сергея.

— Твоя задача — учить его... Чему там он учит? — обратился он к завучу.

— Английскому, — подсказала та.

— Вот, — продолжил мужчина. — И, судя по оценкам, с этой задачей ты не справляешься.

Сергей опешил от этого неожиданного выпада в свою сторону:

— Я не справляюсь?! Анатолий... как вас там... учиться — это задача вашего сына, а не моя. А он ничего не делает! Может, мне за него контрольные сдавать?

— Сережа... — еле слышно произнесла откуда-то появившаяся Анна Константиновна.

Слетаются на представление, как вороны.

— Вы отдали своего сына в гимназию, так будьте добры соответствовать уровню учебного заведения! Не знаю, как у других, а на моих уроках оценки просто так не ставятся. И если кто-то из ребят не работает — это его вина.

Мужчина медленно пошел вдоль стола. Сергей почувствовал, как злость комом подступила к горлу.

— Вместо того чтобы приходиться по пустякам в школу, всыпали бы ему хорошенько и усадили за уроки! А разводить болтовню...

Стараясь совладать с возмущением и говорить связно, Сергей не придал значения приближению мужчины. Поэтому, когда тот врзал ему со всего размаху по лицу, не успел даже зажмуриться. Удар пришелся по щеке, чуть выше челюсти, но онемела вся голова, из глаз брызнули слезы. Сергей схватился за стул, но не смог удержать равновесия и рухнул вместе с ним. Он отчетливо видел, как на светлый ковер учительской упала кровавая капля.

Сергей поднял голову. Серые штаны, с натугой застегнутые на огромном пивном животе, голубая рубашка с потеками пота, круглое обрюзгшее лицо, неряшливая щетина... И глаза. Маленькие, широко посаженные, но такие, посмотрев в которые сразу все понимаешь. Наверное, примерно такое выражение глаз у охотника, делающего контрольный выстрел в раненное, но еще дышащее животное. Высшая степень презрения.

«Кто ты, черт возьми, такой?» — только и подумал Сергей.

— Если ты не поставишь пятерку моему сыну, я тебя уничтожу. Слышишь? Не то что в гимназию — тебя в сельскую шарагу для даунов никогда не возьмут. Ты меня понял?

Изображение начало двоиться, а голова, отойдя от первоначального шока, страшно болела. Хотелось закрыть глаза и не открывать, пока все

не придет в норму. Вместо этого Сергей взялся за виски и сжал их, пытаюсь сдерживать распространение боли.

— Ты меня понял, чучело?

Черные замшевые ботинки стояли рядом с головой Сергея. Ожидая очередного удара, он зажмурился и уткнулся в ковер лицом, но ботинки потоптались на месте и вышли из учительской. Только теперь к Сергею подбежали завуч и Анна Константиновна, чтобы помочь подняться.

Сергей отпихнул их в сторону и встал сам.

— Идти можете? Надо в медпункт, хоть повязку сделают, — сказала завуч Ларюшина.

Или не она? В учительской был кто-то еще. Сергей не вполне ориентировался в пространстве, и все звуки доносились до него глухо, как из колодца.

— Да что вы стоите, помогите ему!

За шкафом с учебниками был спрятан умывальник. Сергей открыл холодный кран и наскоро умылся. Затем подставил голову под струю воды и некоторое время стоял так, осторожно двигая челюстью. Мир постепенно обрел привычное звучание.

«Вроде ничего не сломано», — оценил Сергей.

Растолкав кучку сочувствующих, он вышел из учительской и направился в кабинет. Весь шестой «Б» бесцельно мотался по коридору: кто-то их уже отпустил, хотя, по школьным правилам, ответственность за учеников несет учитель, чей предмет в данный момент у них в расписании.

Забрав верхнюю одежду, Сергей направился к выходу. На лестнице он встретил Гришу Пилецкого и Настю. Поймав взгляд последней, он стыдливо отвел глаза.

«Как неудобно!» — подумал он и ускорил шаг.

Зимний воздух быстро привел Сергея в чувство. И с каждым шагом, удаляясь от здания школы, он все яснее понимал, что произошло. Никогда еще ему не выпадало получить по роже. Даже самые сложные дворовые разборки, в которые хоть раз в жизни оказывается вовлечен любой подросток, не заканчивались для Сергея мордобоем и всегда решались с помощью ораторского мастерства, дипломатии или просто бегства. Ничего зазорного в последнем Сергей не видел и считал, что ввязаться в драку при явном неравенстве сил куда хуже, чем попытаться ее избежать. Пускай кому-то это и казалось проявлением трусости. Но чтобы так, в школе, среди белого дня, прилюдно получить по лицу от отца ученика — этого он и представить себе раньше не мог.

Только уже стоя на остановке, переминаясь с ноги на ногу, Сергей понял, что забыл переобуться, — черные остроносые туфли, оставшиеся еще с выпускного в университете, нещадно скользили по льду тротуара. Тонкая подошва пропускала холод от промерзлой земли так, будто и вовсе не было никакой обуви.

Когда в квартиру вошла мать, Сергей лежал на диване и смотрел телевизор. Он не помнил, когда в последний раз так делал, потому что считал такое времяпрепровождение праздным и для современного человека

вредным. Только для новогоднего поздравления президента можно было сделать исключение.

— А ты почему в туфлях, Сережа?

— Забыл переобуться.

Мать заглянула в зал.

— Что-то случилось?

Сергей постарался замазать след от кулака детской присыпкой, но вид у него был все равно неважный. Потерянный взгляд ничем не замажешь.

— На работе проблемы?

— С чего ты решила? Все нормально.

— М-м-м... — От матери ничего не скроешь, как ни пытайся.

По телевизору шел субботний концерт звезд эстрады: ряженные в цветастые костюмы до жути надоевшие люди кривлялись, плясали и пели песни, которые каждый знает наизусть против своей воли. Но Сергей смотрел сквозь экран, и там творились вещи еще более жуткие. Он видел свое будущее, причем ближайшее, и картина эта внушала ему такую тоску и омерзение, что хотелось отвернуться к спинке дивана, закрыть глаза и провалиться в небытие. Но тело под тяжестью пережитого позора отказывалось слушаться, и на мгновение даже почудилось, что Сергей вообще перестал его контролировать.

— Ты почему не ел? — слышалось с кухни.

Он не ответил. Больше всего не хотелось говорить. Ведь за разговором придется что-то объяснять, а это невозможно. Как объяснить то, что никак не выразить словами? Это можно только увидеть. Сергей видел. И не только он — Анна Константиновна, завуч Ларюшина, еще один человек, вошедший в учительскую в самый неподходящий момент. Или не один?

И Бокаров-младший. Ох... От этой мысли Сергея пробил озноб. Худшее, что он мог вообразить, — это ударить в грязь лицом перед классом. А после такого «представления» не только класс, но и вся гимназия вмиг узнает о случившемся. Наверняка уже узнала — этот сучий сынок позаботился. «Мальчик», — вспомнил он слова классного руководителя. Вот вам и «мальчик». А если еще и с видео...

Спина Сергея резко напряглась, и он вскочил с дивана так быстро, что в глазах замельтешили красные точки. Кинувшись в свою комнату, включил ноутбук и залез в социальную сеть. Стал просматривать страничку Бокарова и группу класса. Только бы не видео...

Ничего. Пока ничего.

— Сынок, объясни, что случилось...

Мать стояла в дверях, нацепив фартук. Только пришла с работы — и сразу к плите. Сергей прошел мимо, в коридор, и достал из кармана пальто телефон. Убедившись, что в «Инстаграме» тоже ничего нет, он выдохнул: хоть так...

— Эта дурочка тебя все-таки доконает. Сколько раз я говорила! — сказала мать, возвращаясь на кухню.

Сергей ахнул, причем сделал это довольно громко. Он посмотрел на часы — было почти шесть. Через полчаса он должен забрать ключи от

съемной квартиры у хозяйки, а через час — встретиться с Леной. Все это совершенно вылетело у него из головы.

— Извини, мам, я это... сегодня с Леной буду ночевать. Я вроде говорил.

— Шли ты эту Лену подальше! Ничего путного из нее не выйдет. Я по твоему лицу вижу, что она тебя изводит!

— Тьфу... При чем тут она? — удивился Сергей. — Ладно, я побегу.

— Ты обувь хоть поменяй, любовничек! — буркнула мать.

Сергей посмотрел на полку в прихожей. Кроме летних кроссовок, у него совсем ничего не было. Единственные зимние ботинки он забыл в школе. Час от часу не легче! Достав теплые стельки, он наспех засунул их в кроссовки.

— Нагнуться лень? Чего на полку ставишь ноги?

Быстро накинув пальто и обернув шею шарфом, Сергей выбежал из квартиры.

* * *

— Круто! — только и сказала Лена, прогулявшись по комнате.

Удивляться было чему. Однокомнатная квартира находилась в здании, в котором еще лет двадцать назад размещалась администрация завода «Электромеханика». Огромные потолки, толстые бетонные стены и окна от пола до потолка. В объявлении это называлось модным словом «лофт», но Сергей избегал англицизмов в речи, считая их жуткой безвкусицей.

— Да, неплохой чердачок.

Они находились на пятом, самом верхнем этаже, а если судить по высоте от земли — скорее на восьмом. Минималистичный ремонт, простая функциональная мебель — и очень много свободного пространства. Казалось, от плиты до кровати можно бежать, а то и ехать на скейтборде. Конечно, чувство это было обманчиво и объяснялось привычкой к захламленному виду обычных квартир.

Поначалу такое количество не занятого шкапами, столами, сервантами и коврами места немного смущало. Словно ты в демонстрационном зале строительного магазина, и сейчас из-за угла появится охранник с грозным: «Молодой человек, мы закрываемся!» Одним словом, авантюра со съемом этой квартиры своих денег стоила. Пускай и только на ночь.

— Доставай, что там у тебя, — прервала тишину Лена.

Обычно она ни на минуту не замолкала, но сейчас видно было, что Сергею удалось произвести на нее впечатление. Он опорожнил рюкзак: извлек две бутылки красного полусладкого вина «Псоу», два контейнера с роллами «Калифорния» и «Морской рай», а также нарезку «литовского» сыра, произведенного где-то на подступах к Ростову.

— Отличная получится поляна, — улыбнулась Лена.

Сергей тоже улыбнулся. Он купил все это добро в ближайшем сетевом магазине, потому что на изыски не было ни времени, ни денег. Да и какая, в общем-то, разница?

Нажав на выключатель, Сергей оставил лишь маленькую светодиодную подсветку вдоль окна, что придавало всему убранству крайне интимный вид, и молодая парочка уселась заниматься своими романтическими делами.

Выждав подходящий момент, Сергей презентовал Лене беспроводные наушники, чего та точно не ожидала. Он откладывал деньги на их покупку три месяца.

— Да ладно! — только и произнесла она. — Ты сумасшедший!

Аккуратная белая упаковка задрожала в ее руках. Об этих наушниках Лена давно мечтала.

— С днем рождения! — радостно произнес Сергей и крепко обнял подругу.

Вечер обещал быть отличным. Удивительным образом Сергею удалось на время отвлечься от мучивших весь день мыслей. И только ближе к полуночи волна ужаса накрыла его с новой силой.

— Чего молчишь? — спросила Лена, проводя носком ступни по его голени.

Было так жарко, что даже под тонким покрывалом, похожим скорее на скатерть, лежать оказалось невозможно.

— А ты? — перенаправил вопрос Сергей.

— Наговорилась.

Сергей через силу засмеялся:

— Неужели?

— Ах, я болтушка, по-твоему?

Лена несколько раз ударила его в плечо. Сергей в ответ бросился ее целовать и вдруг отпрянул. Ему показалось, что ее губы похолодели.

— Ты чего дрожишь?

Сергей не знал. Ему чудилось, что жарко не в помещении, а он сам источник тепла, как огромная батарея. И тепло это болезненное.

— Накройся, холодно же! — Сергей швырнул в Лену покрывало.

Получилось грубо, но она не придала этому значения.

— Ты куда?

Было одно дело, которое предстояло решить.

— Ноутбук возьму.

— Зачем он тебе?

— Оценки проставлю, — поколебавшись, сказал Сергей.

— Ну ты даешь! Даже сейчас о своей работе думаешь.

Сергей оставил упрек без ответа.

— Я его куда-то дел. Не видела?

— Нет, — обиженно сказала Лена и повернулась на другой бок.

Ноутбук лежал возле плиты, куда Сергей машинально его положил, доставая из рюкзака ингредиенты романтического ужина. Пока ноутбук включался, Сергей вытер со стола и даже умудрился помыть бокалы — лишь бы занять руки и поменьше думать. Наконец он подключил с телефона интернет и открыл поисковую страницу.

— Бокаров Анатолий... как там его?

Интернет знал все. Первая же ссылка вела на сайт известного на всю область строительного холдинга.

— ...Викторович. Генеральный директор строительной компании «Стройлюкс».

Каждая вторая новостройка города возводилась этой компанией.

Далее открылась новость: «Почетный гражданин города А. В. Бокаров вместе с губернатором и мэром принял участие в открытии памятника работникам тыла». Видео прилагалось.

«В годы ВОВ, — Бокаров-старший так и сказал, — наши предприятия, в особенности электромеханический завод имени Кирова, давали Родине по сто тысяч взрывателей в день...»

— Хм...

Сергей глянул на кровать, благо квартира просматривалась насквозь. Судя по блику на стене, Лена была занята телефоном. Хрен с ней.

Третья ссылка вела на сайт местного отделения «Комсомольской правды»: «По словам владельца сети кинотеатров “ФильмОК” А. В. Бокарова, повышение цен на билеты связано с политикой кинопрокатчиков и ростом стоимости аренды помещений...»

— Ох...

Пролистав пару страниц поисковых запросов, Сергей остановился на довольно интересной статье: «Как негласный владелец города Бокаров обанкротил электромеханический завод». Читать всё не хотелось, поэтому Сергей прыгал от строчки к строчке, цепляя самые интересные фразы: «рейдерский захват», «при молчаливом согласии чиновников», «снос под жилую застройку», «гордость советской оборонки»...

— Кто ты, черт возьми, такой? — произнес Сергей вслух.

Фраза как-то сама соскочила с языка, вопреки желанию. Он снова посмотрел на Лену. Кажется, уснула.

Статья была опубликована на непонятном ресурсе под названием «Журналистика без границ, или ЖБГ».

«Альтруисты-правдорубы», — усмехнулся Сергей. Он не очень любил всяких оппозиционеров, потому что политикой интересовался мало и ему они всегда представлялись в образе дурачков-провокаторов, лезущих на баррикаду безо всякого весомого повода.

Наконец он открыл портал электронного дневника, ввел логин и пароль и перешел в раздел оценок. Результаты контрольной действительно исчезли из системы! Вся последняя неделя оказалась пустой, будто и не учился никто. Сергей вел английский у множества классов, начиная с пятых и заканчивая одиннадцатыми, и заполнял журнал поэтапно, потому что в один присест такую работу не осилить. Не только шестой «Б» показывал плохие результаты — в гимназии многие учились спустя рукава. В этом плане от обычной школы она ничем не отличалась.

Единственное правило, которое Сергей твердо уяснил за время работы: оценки надо ставить только в соответствии со знаниями и никак иначе. Стоит раз уступить — и тебе сядут на шею. Запрягут, как вола. А у тебя не будет инструментов, чтобы этому противостоять, потому что учитель, который ставит оценки просто так, — и не учитель вовсе. Так, клоун, пришедший скрасить детям скучные школьные будни. В других классах были те же проблемы, что и в шестом «Б». Даже выпускной одиннадцатый «А» заканчивал триместр с кучей троек.

«В конце года им подрихтуют статистику без моего ведома», — подумал Сергей.

Насчет старшеклассников он не волновался: они без пяти минут студенты. Кроме того, предыдущие годы их вел другой учитель. Таких уже не переделаешь.

Встав из-за стола, Сергей прошел мимо кровати со спицей Леной и остановился у большого, панорамного окна. Ему нравились такие окна. В американских фильмах о супергероях или больших дельцах главные персонажи обычно стоят около них, смотрят вдаль и строят грандиозные планы. А мы видим лишь их отражение в идеально отполированном стекле или спине, пока камера медленно крадетсЯ по специальным, заранее проложенным рельсам.

Сергей испытывал странное чувство. Это была доселе неведомая ему смесь злости и страха, которые трудно было отделить друг от друга. Обычно человеку свойственно переживать что-то одно, ведь чувства эти почти противоположны, находятся на разных концах шкалы эмоций. Сергей понятия не имел, существует ли такая шкала. Зато он точно знал, что существует Бокаров — бизнесмен, благотворитель, почетный гражданин. Бандит, очевидно, — иначе и быть не могло. В общем, солидная единица. И существует он, Сергей, начинающий учитель английского, живущий с матерью на окраине, считающий каждую копейку. При этом строящий из себя невесть что: честного, принципиального. Но если разобратЬся — ноль.

Вот такая арифметическая формула рисовалась гуманитарным умом Сергея, который вновь живо представил, что его ждет. Позор. Просто и лаконично. Отныне он объект насмешек со стороны учеников, фальшивого сочувствия — со стороны коллег и бесконечного осуждения — со стороны матери.

— Я не ноль! — произнес вслух Сергей и сжал кулаки.

Через дорогу, раскинувшись на многие гектары, тихо ржавели и гнили останки завода «Электромеханика». Разбитые окна корпусов щерились в ночь, как разверстые пасти обезумевших от боли животных. Еле заметное свечение фонарей отмечало путь до еще действующих зданий, где размещались склады или очередная компания по производству корпусной мебели. То тут, то там темнели бетонные коробки разобранных, но еще не снесенных цехов. Стояла на тонкой кирпичной ноге старая водонапорная башня. И над всем этим, чуть поодаль, дышала огромная заводская ТЭЦ, испуская густой пар, который стелился в морозном воздухе ровным слоем, как облако накрывая всю округу. К ТЭЦ были подключены несколько районов, что обезопасило ее от посягательств застройщиков.

Сергею вспомнилась почему-то физичка Надя и ее всегда грустное, немного отрешенное лицо. У Нади проблем на работе не было: ученики ее ни в грош не ставили, их родители не знали о ее существовании, а администрация школы иногда ее даже хвалила. Работники, подобные Наде, были по-своему ценны, потому что ни на что не влияли, но при этом заполняли кадровый вакуум и учитывались в статистике министерства.

«Интересно, она тоже будет тихо злорадствовать?» — подумал Сергей.

Он достал из рюкзака свой блокнот с заметками, вернулся к ноутбуку и начал выставлять оценки. «Что заслужили — то и получите», — думал он, нажимая кнопку «Опубликовать» рядом с фамилией каждого ученика. Постепенно, с каждым нажатием, страх отступал, не в силах бороться со злостью и красным полусладким вином. Злость переполняла Сергея до такой степени, что вдруг затряслись руки и потемнело в глазах.

«Вы думали, я вам кто? Мальчик? Безвольная туша, которую можно свалить на пол и пинать, как куклу?!»

На фамилии «Бокаров» курсор мыши остановился. Пощупав рукой потный лоб, Сергей закрыл ноутбук и завалился спать. Другим классам он решил выставить оценки в следующий раз.

* * *

Воскресенье, единственный полноценный выходной, обычно тут же заканчивается, едва начинаешь им наслаждаться. Однако это воскресенье для Сергея было тягостным и текло еле-еле, как подстывший гудрон. Вызвав Лене такси и отправив ее домой, он ждал, когда придет хозяйка квартиры с проверкой. На удивление ничего страшного она не нашла и, проведя беглый осмотр самых важных мест (кровать, раковина на кухне и туалет), сообщила, что всё в порядке.

Сергей с интересом разглядывал женщину, вчера на это не было времени. Высокая, русоволосая, в мешковатой спортивной одежде. Вроде не толстая. Что за мода скрывать хорошую фигуру, одеваясь как попало?

— Все понравилось? — поинтересовалась хозяйка.

Может, избегает излишнего мужского внимания? Гладкая кожа, аккуратные брови, легкий макияж...

— Да, отлично. Спасибо.

Улыбнувшись, она протянула пятитысячную купюру:

— Держите залог.

Руки выдают возраст женщины, каким кремом ни мажь. Этой было, наверное, лет сорок, хотя по лицу сошла бы за студентку-заочницу старших курсов. А хозяйка ли она вообще?

Сергей зачем-то думал об этом, бредя к остановке. Откуда у человека в принципе может быть такая квартира, чтобы позволять себе не жить в ней, а сдавать ее посуточно черт знает кому? Не от хорошей жизни? Или совсем наоборот, от излишне намащенной?

— А, черт! — произнес вслух Сергей. В последнее время он все чаще стал замечать за собой, что проговаривается, как старый дед. — Это ведь риелтор!

И действительно. Она просто наемный работник. Стал бы хозяин такой недвижимости лично кататься ко всем, кто соизволит провести там одну ночь? Вопрос, не требующий ответа.

Вернувшись домой, Сергей помог матери с уборкой квартиры. Если она все делала сама, то к вечеру выглядела настолько уставшей и

измотанной, что сыну становилось стыдно. Поэтому самые сложные вещи он брал на себя. Сергей ожидал расспросов и удивился, что мать не допытывалась больше, что с ним случилось. Даже в сторону Лены не прозвучало ни единого выпада. Хотя по глазам было понятно, что мать от своих слов не отказывается и лишь терпеливо выжидает удобный момент.

Вытирая пыль с шифоньера, балансируя на хлипкой табуретке, Сергей вдруг осознал, что у него нет больше сил держать мысли в себе — надо с кем-то поделиться. Вариантов было не так много.

— Олег, здорово! Как жизнь? Ага... Да тоже так себе... Слушай, как насчет опрокинуть по пинте? Ну оставь дома, что ему будет... Да, в общем-то, случилось... Отлично, давай!

Посмотрев на часы, Сергей понял, что у него в запасе еще полтора часа, а уборка почти завершена. Надо было чем-то себя занять. Не желая оставаться в квартире, он выбрался на улицу и пошел нарезать круги по району. Погода стояла на удивление хорошая. Небо затянуло плотным слоем туч, зато были приятные минус десять градусов и без ветра. Ветер зимой может испортить даже самый прекрасный солнечный день.

Морозный воздух приятно покалывал лицо в месте удара, где за ночь проступили красные пятна.

Как и подобает семейному человеку, Олег опоздал почти на час. С появлением ребенка это стало для него обычным, хотя школьный друг Сергея и раньше не отличался педантичностью. Работа в полиции была ненормированной и накладывала свой отпечаток на всю его жизнь.

Устав бродить без дела и замерзнув в кроссовках, Сергей зашел в бар и заказал себе темного разливного лагера.

Бар был расположен в подвале старого доходного дома конца девятнадцатого века и, судя по состоянию, примерно с того же времени не ремонтировался. Иные заведения ради придания себе такого, запущенного и несколько захолустного, вида тратят сотни тысяч на дизайнеров, а владельцы «Экстренного торможения» просто решили ничего с помещением не делать. Вековая кирпичная кладка, слои штукатурки из разных эпох, на совесть сложенный когда-то арочный вход, диковатое чередование камня, плитки и дешевого линолеума на полу... Никто не помнил, что было в этом подвале до бара, но затхлость и скрип вековой пыли на зубах остались поныне.

— Чё с рожей? — спросил Олег сразу, как только появился.

— Так я второй бокал уже почал. Пока тебя дождешься...

Вряд ли пол-литра пива могли сильно изменить физиономию Сергея.

— Не, тебе съездили по морде, — констатировал Олег и хитро улыбнулся.

Сразу видно, профессионал. Ничего от него не скроешь.

— Да это долгая история... Заказывай, щас расскажу.

Олег был ростом под метр девяносто, со стриженными черными волосами. Брился он неаккуратно, поэтому его вытянутое лицо постоянно украшали следы порезов. Когда-то худой, за время семейной жизни он заметно расширился по горизонтали и стал похож на гранитную заготовку,

из которой только предстояло выточить хорошую фигуру. Простота и прямолинейность Олега могли сойти за глупость, но нет — человеком он был умным, довольно начитанным и эрудированным. Сергею с ним было легко, и как они сдружились в седьмом классе, так и продолжали по мере возможности поддерживать отношения. До их первой встречи Олег жил на другом конце города, ходил там в школу, и детство его, судя по рассказам, было типично дворовым и богатым на приключения.

— Ну ты даешь, братан! — резюмировал Олег, выслушав сбивчивый рассказ Сергея о случившемся в школе.

— Я даже не смог ему ничего ответить. Растерялся, да и выглядело это... Короче, охренел и слился, даже ботинки там оставил.

— Это тебя просто по роже не били никогда. Больно доверчивый. Не знаю, как можно пропустить мужика, идущего к тебе явно не руку пожать.

— Я находился в учительской, причем там были свидетели! Ты и сам бы не ожидал подобного исхода, — оправдывался Сергей.

— Может быть. Какая теперь разница... Чё делать будешь?

Сергей повернулся в сторону бара. Две молоденькие девушки, вчерашние школьницы, разодетые в кожанки и по-модному рваные джинсы — для зимы совсем уж опрометчиво, — показывали бармену паспорт и брали какой-то светлый напиток. Видимо, банановый милкшейк. Это и пивом-то трудно назвать.

— М-м-м? — напомнил о своем вопросе Олег.

— Не знаю, — признался Сергей. — У меня вариантов немного.

Прикончив вторую пинту лагера, он собрался за добавкой и, приняв вертикальное положение, понял, что уже достаточно наикадася: тело обрело легкость, в голове приятно размякло, а разбросанные по закоулкам сознания мысли будто собрались наконец во что-то понятное и очень простое.

— Можно молочный стаут?

— Пинту или ноль три? — уточнил бармен.

«Хороший вопрос», — подумал Сергей. На самом деле хватит и маленького бокала. Тут главное — не переборщить и не перейти ту тонкую грань, за которой приятное опьянение неизбежно влечет тошноту и головную боль наутро. С другой стороны — повод железный. Не каждый день такое случается. Да и времени еще много в запасе: Олег, может, себе тоже закажет...

— А ты чего прохлаждаешься?

— Я еще этот не добил, — сказал Олег, болтая на дне бокала еле заметные остатки, похожие больше на слюни.

— У меня два варианта, — вернулся к теме разговора Сергей, — и их выбор зависит от того, хочу я дальше быть учителем или нет.

Олег удивленно посмотрел на друга. Его маленькие, глубоко посаженные глаза были внимательны и трезвы.

— А куда ты без преподавания денешься?

— Значит, — помолчав, вздохнул Сергей, — вариантов у меня нет.

Понимаешь, если я сейчас дам заднюю и пойду на поводу у этой мрази,

то на этом моя преподавательская карьера закончится, едва начавшись. Чем я буду лучше всех этих физичек и других горе-учителей, над которыми сейчас потешаюсь за их бесхребетность? Специалисты ли они? Не знаю. Может быть, и специалисты, раз столько лет работают. Учителя ли они? — Сергей отпил из бокала стаут и поморщился. — Нет, и близко нет! Для них оценка — это так, цифра. Главное, мол, знания — вот и весь их ответ. Но я тебе так скажу, братан: чушь все это! Они так говорят, потому что хотят себя оправдать. Чтобы было не стыдно по утрам на себя в зеркало смотреть.

Олег слушал, барабанил указательным пальцем по деревянному столу.

— Но ты отдаешь себе отчет, что за мужик тебе вломил?

Сергей сделал вид, что не слышал вопроса. А может, и правда не слышал — слова, словно заняв во рту очередь, нетерпеливо ждали возможности выйти.

— Я в гимназии работать не смогу, потому что это будет позор! Уверен, что все, от родителей начальных классов, где я даже не веду, до распоследней уборщицы и сторожа Андрухи, знают о случившемся. Ведь слухи о таких событиях разлетаются быстрее любых вирусов.

— Так ты чего хочешь? Выставить честно оценки? — спросил Олег.

— Да. Всё как есть. Что они мне сделают? Лишат надбавки молодого специалиста? Зарплата и так невысокая. Если еще и без надбавки, там не наберется прожиточный минимум. А это нарушение закона. Захотят уволить? Я никаких косяков не допускал, почти не опаздывал, плюс нагрузка у меня нехилая. Кому они сбегрят мои классы посреди года? Вообще, я рассчитываю на нашего директора. Женщина она вроде толковая. Правда, я с ней контактировал, только когда устраивался. По коридорам она редко ходит.

— Этот папик сказал, что, если не сделаешь, как он велит, тебе конец. Его ты не воспринимаешь как угрозу?

Держа бокал перед лицом, Сергей задумался. Пахло кофейными зернами и чем-то кислым. Он сделал глоток и сморщился снова. Очень уж крепкий оказался стаут.

— В следующий раз я буду готов к встрече с ним. Но, думаю, этой встречи не случится. Прикинь сам: неужели директор заводов и почетный гражданин станет тратить время на какого-то учителя? Скорее, они там, на уровне министерства образования, подправят цифры в базе данных — и будут одни отличники. Пусть делают что хотят. Главное, что не моими руками. В таком случае совесть моя будет чиста.

Олег поднялся, взял себе маленький бокал самого дешевого светлого пива и снова вернулся за стол. Перед рабочей неделей он старался не пить, потому что от большого количества алкоголя у него тряслись руки. В народе сотрудников полиции и так считают, по старой памяти, распоследними алкашами. Соответствовать этому стереотипу Олег не желал. Кроме того, у стражей порядка работа нервная. Поводов заложить за воротник всегда найдется с избытком.

— Серега, мне все-таки кажется, что лучше не связываться. Выставь ты этому Бокарову нужную оценку и живи спокойно. С другими поступай как знаешь, а этот... Хрен с ним! Пусть подавится.

Прозвучавшая фамилия привлекла внимание посетителей бара. Сергей увидел боковым зрением, как несколько голов повернулись в их с Олегом сторону. Он заговорил, но уже тише:

— Я не для того шел работать учителем, чтобы за те подачки, что они называют заработной платой, свои принципы попирать! Это прецедент. Если я сейчас отступлю, то и другие родители начнут требовать хорошей оценки своим детям, даже если те тупее этого угла.

Сергей ударил по краю барного стола, и бокалы с пивом дрогнули.

— Видишь ли, получается, ты эту оценку выставяешь не сынку богатого папика. — Олегу, по-видимому, нравилось это слово. — Раз ее все равно можно исправить через министерство. Ты эту оценку себе ставишь, потому что папику твоя несговорчивость явно не понравится. И кто потом тебе поможет?

Вот за это Сергей и любил друга. Иногда Олег выдавал фразы, к которым трудно было что-то добавить. Метафора с оценкой Сергеем очень понравилась. Страшное, но очень емкое описание ситуации, в которой он очутился.

— Ты драматизируешь.

— Надеюсь, — ответил Олег. — Но все-таки подумай хорошо.

Вообще говоря, Сергей хотел услышать от него слова поддержки и немного успокоиться. А вышло, что ему, наоборот, пришлось отстаивать свою позицию. Но так даже лучше. Проговорив все аргументы еще раз вслух, Сергей окончательно укрепился в правильности выбранного решения. Чему быть, того не миновать.

С этими словами он вернулся домой, открыл ноутбук и выставил Бокарову всё, что тот заслужил. Получилась красивая картина, при которой «мальчику» гарантировалась тройка по итогам триместра. Не двойка, так что какой может быть повод для беспокойства?

«Ну и ерунда! — думал Сергей. — Кого могут всерьез волновать оценки шестиклассника, когда до настоящих экзаменов еще несколько долгих учебных лет?»

Потом он вспомнил, как мать приходила с очередного родительского собрания и последовательно и резко высказывала все, что думала по поводу его успеваемости по алгебре, химии, физике и даже по физкультуре, на которой в их классе было принято вообще не появляться. Под воспоминания о собственном школьном опыте, кружащиеся хмельным водоворотом, Сергей отключился.

* * *

Спал Сергей на удивление хорошо, но вот утро не задалось с самого начала. Во-первых, как и всегда в понедельник, оно было тяжелым. Во-вторых, голова казалась свинцовой, желудок вхолостую молот желчь, а тело как-то нездорово ломило. «Последняя пинта все же была лишней», — решил Сергей, глядя на свое помятое лицо в зеркале ванной комнаты. След от удара уже не был заметен, если не разглядывать пристально. Но при прикосновении щека все еще побаливала.

Мать оставила на кухонном столе бумажку со списком покупок. Была там, впрочем, привычная мелочь вроде хлеба, молока и полуфабрикатных куриных голеней. Откусив от сырного тоста маленький кусочек, Сергей почувствовал, что еда просится назад, и решил ограничиться крепким чаем. Ехать на работу требовалось ко второму уроку, но он, подперев подбородок рукой, зачем-то излишне долго разглядывал точку между холодильником и чугунной батареей, где летом всегда селились пауки, и едва не опоздал. В сложившейся ситуации опоздание было совсем ни к чему, и Сергей для скорости вызвал такси. Впопыхах неточно указав, куда подать машину, он минут пять крутился возле подъезда, пока не додумался набрать номер водителя. Тот сообщил, что ждет с другой стороны дома.

— А можно ехать побыстрее? — не грубо, но настойчиво попросил Сергей.

Водитель, не отводя взгляда от дороги, возразил:

— Куда я поеду, если все стоит?

Добираться на другой, левый берег реки утром было трудно. Проблема эта, давно известная, с годами лишь обострялась пропорционально росту числа автомобилей. Новых развязок и мостов не строили, поэтому все привычно стояли в пробках, грустно пялясь в окна соседних транспортных средств в расчете увидеть там хоть что-нибудь интересное. Сергей решал эту проблему просто: закладывал лишнее время на дорогу и выходил из дома заранее, чтобы приехать ровно за пятнадцать минут до звонка. Почему-то ему казалось, что раз такси стоит дороже, то оно и едет каким-то особым, недоступным автобусу маршрутом и поэтому должно добираться быстрее. К счастью, сразу за мостом плотный поток чудесным образом рассосался по второстепенным артериям, и Сергея доставили к зданию гимназии вовремя.

Возле входа, занимая одну полосу движения, стояли на аварийке дорогие внедорожники тех родителей, которые привезли детей ко второму уроку. Часом ранее автомобилей была целая колонна, на любой, самый изысканный вкус: от уже примелькавшихся кроссоверов BMW и квадратных, непременно черных Land Cruiser до удивительных англо-итальянских Range Rover, диковинных электромобилей Tesla и даже Rolls-Royce. Демонстрируя амбиции и достаток владельцев, они мешали проезду общественного транспорта, создавали препятствие для грузовиков, везущих товары в соседние магазины, и раздражали остальных жителей города, для большинства из которых стоимость одной такой машины равнялась совокупному доходу семьи лет за десять.

С попаданием в школу у Сергея неожиданно возникли затруднения. Когда он приложил карту пропуска к турникету, на экране высветилась надпись: «Недействителен».

— Что значит «недействителен»? — спросил у охранника Сергей.

Тот в ответ недоуменно пожал плечами.

— У меня урок уже начался!

Знавший его в лицо охранник без лишних вопросов разблокировал турникет, и Сергей, перепрыгивая через две ступени, взлетел вверх по лестнице. Открыв дверь своего кабинета, он увидел, что занятие уже

ведет Игорь Владимирович — заслуженный учитель, ветеран преподавательского фронта с сорокалетним стажем, среднего роста полный мужичок с вечно взъерошенными кудрявыми волосами, от которого постоянно несло потом. Он любил рассказывать истории о своей жизни в Англии (где побывал в рамках какой-то практики в девяносто втором), цыкая на каждой шипящей и свистящей согласной.

— Да, слушаю?

— Спасибо, что посидели с детьми.

Игорь Владимирович замотал головой:

— Там изменения в рацпизации, Цергей.

— Быть такого не может.

Дети, обрадованные появлением Сергея, стали рассказывать, что подготовили домашнее задание — написали памятку по незнакомым выражениям — и что он обещал сегодня поиграть в игру, где загадывают слова. Пятиклассников легко увлечь какой-то, на первый взгляд не связанной со школьными делами активностью, хоть они уже не маленькие. Кому хочется изо дня в день бесконечно выполнять скучные упражнения?

Выйдя из кабинета, Сергей устремился в учительскую. Картина недавнего инцидента живо стояла перед глазами, но, уверенный в своей правоте, он двигался легко и даже непривычно нахально.

В десятке шагов от двери учительской его перехватила Ларюшина.

— О, Сергей Павлович! — расплылась в кривой улыбке завуч. — Как самочувствие?

Еще вздумала спрашивать!

— Почему мне не сообщили об изменении в расписании?

— Вы сегодня как-то невнимательны, друг мой. Проверьте хорошенько.

В учительской не было почти никого — как-никак середина урока. Из знакомых Сергею лиц присутствовала лишь физичка Надя и еще молоденькая практикантка с факультета начального обучения, но как ее зовут, Сергей, конечно, не помнил.

На стене висело актуальное, согласованное расписание всех классов. Срочные изменения вносились поверх напечатанного текста, иногда даже маркером. Сергей бегло просмотрел прямоугольник, озаглавленный «Понедельник». Затем изучил всю неделю, уже с большим вниманием. В третий раз он уже присматривался к каждому символу в надежде найти где-то карандашную пометку. Пометок не было. Как и его фамилии.

В учительскую заглянула Анна Константиновна, но, увидев Сергея, сразу ретировалась. Он хотел было догнать ее и допросить, но она быстро скрылась в кабинете математики. Да и что она ему скажет?

Постепенно Сергей стал понимать смысл происходящего, и его это ужасно разозлило.

— Ну держитесь у меня! — прошипел он себе под нос и двинулся прямо к директору.

Входу в кабинет предшествовала своеобразная буферная зона — «предбанник», где восседала секретарша и стоял принтер, с помощью которого учителя делали ксерокопии материалов к урокам.

— Куда это вы? — спросила, оторвав взгляд от компьютера, секретарша лет сорока с крашенными в черный цвет волосами, напояженная так, будто пришла на свадьбу.

— Хочу поговорить, — ответил Сергей, дергая дверь директорского кабинета.

— Алия Саитовна уехала в министерство. Можете задать вопросы мне.

Сергей планировал беседовать исключительно с директором. Лично.

— Пожалуй, я подожду ее возвращения.

— Я почти уверена, что ваш вопрос может быть решен и с моей помощью. Так что, вы говорите, у вас случилось?

В отражении стеклянного шкафа за спиной секретарши виден был экран компьютера с открытой страницей соцсети. Игнорируя вопрос, Сергей отвернулся и стал разглядывать фотографии на стенах: известные выпускники, директор в окружении депутатов и членов местного правительства, церемония открытия нового спортзала... Алия Саитовна руководила гимназией почти тридцать лет, то есть застала на этом посту самые разные времена. Во многом высокий статус учебного заведения был ее персональной заслугой. Не каждый директор добивался в министерствах дополнительного финансирования. Далеко не каждому удавалось привлечь муниципальные гранты и выбивать субсидии на закупку необходимого оборудования.

— Вы ведь Сергей? Сергей... Павлович, так? — напомнила о себе секретарша.

— Да, верно.

— Так бы и сказали, что по поводу заявления.

Сергей повернулся лицом к столу.

— Какого заявления?

— Вот же. Алия Саитовна утром всё подписала. Держите.

На красивом, гладком бланке заявления об увольнении стояло две подписи: директора и... его. Не желая верить тому, что видят глаза, Сергей непроизвольно швырнул заявление на пол.

— Я никакого заявления не писал! Это ошибка... даже не ошибка, а... диверсия! — не найдя лучшего слова, заявил он. — Дайте мне номер телефона Алии Саитовны, я ей позвоню.

Секретарша резко сменила тон. Ей не понравилось, что учитель в ее кабинете разбрасывается бумагами.

— Это невозможно. Все звонки проходят через меня. И вообще, поднимите документ, не надо тут истерить!

— Кто истерит? Вы вообще понимаете, что происходит? Это уголовная статья. Подделка подписи! Давайте сюда все копии, я их уничтожу.

— Оригинал уже в бухгалтерии, да и само заявление внесено в базу. Раньше надо было думать. Семь пятниц на неделе.

Сергей понял, что теряет самообладание.

— Думать?! Думать! Да вы тут все под суд пойдете за такое! Понятно вам?

Он поднял заявление с пола.

— В обход директора гимназии проворачиваете всякие мутные схемы! Подписи подделываете!

Не услышав звука приближающихся шагов, Сергей понял, что они в «предбаннике» не одни, только по изменившейся физиономии секретарши. Обернувшись, он почувствовал, как помещение наэлектризовалось: воздух стал таким колким, что зачесался нос. Перед ним стояла высокая грузная женщина в годах, с осунувшимся, но не потерявшим былую четкость линий лицом.

— Как вы сюда попали?

У Сергея мгновенно пересохло в горле. Все, что он хотел высказать директору, все то возмущение, которое уже начал изливать на секретаршу, куда-то вдруг пропало, рассеялось, исчезло. Потому что тон, которым заговорила директор, не предполагал никаких возражений.

— Катя, позвони охране. Чтобы его сюда никогда больше не пускали. И скажи охраннику, что, если еще раз такое повторится, он вылетит следом!

Дверь в кабинет громко хлопнула. Сергей продолжал стоять на месте, сбитый с толку.

Секретарша очень вежливо, почти заигрывающим голосом сказала:

— Мне кажется, вам пора.

Урок еще продолжался, и Сергей, не желая мешать его ходу, стоял под дверью своего кабинета, разглядывая мраморные узоры на полу. За исключением нескольких незнакомых ему учителей, которые прошли в «предбанник» за ксерокопиями, никто больше в коридоре не показывался. Сергей в тишине дождался звонка. Выбежавшие из класса дети не заметили его и устремились каждый по своим делам. В основном они бежали в буфет занять очередь за пищей, зная, что на всех ее не хватит.

Игорь Владимирович спешно складывал учебники в свой рыжий портфель.

— Вы разобрались в цем дело, Сергей?

— Можно и так сказать.

— Это хорошо. Ключи вам оставить?

Сергей тяжело вздохнул.

— Нет, возьмите с собой. Я ухожу. Совсем.

— Давайте я вац подожду.

Надев зимние ботинки и положив кроссовки в темный пакет из супермаркета, Сергей бегом осмотрел полки и стол. Его вещей тут почти и не было. Только начал обживаться, а уже погнали в шею.

Спускаясь по лестнице, Сергей глядел в огромные окна и видел там тучи. Они нависали над внутренним двором гимназии, надутые, предвещавшие снегопад. В обрамлении старых деревянных рам зрелище походило на картины советских пейзажистов и само по себе навевало тоску.

— Драсьте, Сергей Павлович!

Ученики из самых разных классов привычно здоровались с ним. Когда работаешь, этому быстро перестаешь придавать значение, но сейчас Сергей понимал, что видит этих ребят в последний раз, поэтому каждое приветствие по-особенному отпечатывалось в душе.

На выходе охранник посмотрел на него косо:

— Что же вы меня подставляете?

Сергей даже не обернулся. Выходя из школы, он хотел было хлопнуть дверь, но та оказалась оборудована доводчиками и не поддавалась.

«Вот и отстоял свою позицию», — думал Сергей, шагая к остановке. Надежда на руководство не оправдалась. Как можно было не подумать о том, что директор главной гимназии города за тридцать лет обросла связями во всех, не только властных, кругах и что при малейшей опасности для себя и своей вотчины она, не задумываясь, выбросит за борт любого неугодного кому-то из *этих!* *Этих...* Ох уж эти *эти!*

С неба начали падать мелкие, едва ощутимые крупинцы снега, но постепенно к ним добавлялись снежинки побольше, и через несколько минут за шиворот валялись уже целые хлопья. Поправив шарф, Сергей укрылся под крышей остановочного павильона и погрузился в томительное ожидание автобуса, интервалы движения которого в такую погоду были непредсказуемы.

Он не сразу заметил, что напротив стоит физичка Надя. Острые, некрасивые черты ее лица, длинный тонкий нос, вечно поджатые губы и прищуренные внимательные глаза раздражали Сергея. Вид у Нади всегда был такой, словно она несла в себе скорбь всех времен и народов.

Сейчас Сергей ощущал на себе ее пристальное внимание, но стоило ему повернуться, как она начинала рассматривать дорогу или забитую пивными бутылками урну. Его это разозлило, и он, рассчитав, намеренно поймал ее взгляд.

Надя словно только этого и ждала, как условного сигнала, сразу подошла:

— Мне очень жаль.

— Что-то ты рано сегодня закончила, — заметил Сергей, тут же подумав: «Кто бы говорил...»

— Не надо было этого делать.

— Да?

Надя встала еще ближе. Она говорила очень тихо:

— Это гимназия. Тут такие родители... Ты им ничего не докажешь.

— Что я должен был делать?

— Подумаешь, оценки! Разве оценками определяется уровень знаний?

Сергей удивленно воскликнул:

— А чем же?

— Это комплексная вещь. Ученик может хорошо разбираться в предмете. Но контрольная — это особый формат. Не все в него вникают сразу...

— Чушь полная! Ты пытаешься оправдать безделье и элементарное невежество.

Сергей нарочно говорил громко, чтобы все на остановке его слышали.

— У этих детей и так уже все в жизни устроено. Поэтому они... немного иначе подходят к процессу обучения.

— Так пусть, может, тогда вообще не учатся? — закричал Сергей. — Это же не частный лицей! Есть правила, и в них исключений быть не может.

Надя немного помолчала. Потом спросила:

— Ну и к чему привела твоя принципиальность?

— К тому, что я могу смотреть на себя в зеркало по утрам и...

Не дав ему закончить фразу, Надя перебила:

— Видеть синяк от удара?

Сергея это задело.

— Откуда ты знаешь?

— В смысле?

— Кто тебе сказал про случившееся?

Немного смутившись, Надя сообщила:

— Я же все видела.

Теперь Сергей понял, что кто был третьей фигурой в учительской. Даже удивительно, каким незаметным может быть человек!

— И ты разболтала?

Лицо Нади немного дернулось, но не изменило своего обычного от-
решенного выражения.

— Нет. Это Анна Константиновна всем рассказывала.

— Могла бы и промолчать, хотя бы ради приличия.

— Куда уж там! Она у нас главная сплетница. — В этом Надя была права. — Но и без нее бы тоже все узнали. Такая информация быстро разлетается. Чудак ты, Сергей. Тебе это надо было?

Подъехал автобус. Надя с Сергеем кое-как протиснулись в битком набитый салон и, подпирая двери, поехали на другой берег реки. Поистертый стикер гласил: «Не прислоняться!» — но в транспортной давке это предостережение воспринималось как издевка. Время было обеденное, однако снегопад внес в ритм городской жизни свои коррективы, и народу в транспорт набилось будто в пятничный час пик. Окна быстро запотели, стало душно и влажно, как в бане. Только благодаря тому, что каждую остановку учителям приходилось выходить наружу, выпуская других пассажиров, они могли ориентироваться, где едут, и даже успевали немного освежиться, принося на себе обратно в салон снежные хлопья.

Надя вдруг спросила:

— Что теперь будешь делать?

— Не знаю. Но так просто я не сдамся.

Она усмехнулась. Возможно, впервые Сергей увидел на ее лице хоть какую-то живую эмоцию.

— Кому и что ты хочешь доказать?

— Всем. Себе... И тебе.

— Мне-то зачем? Я все понимаю.

— Вот и понимай дальше.

Не отрывая взгляда от Сергея, Надя сказала:

— На твоём месте я бы устроилась в другую школу и тихонько там работала. Через некоторое время инцидент забудется, и ты сможешь вернуться в гимназию. По-моему, это самое правильное решение.

Теперь уже усмехнулся Сергей:

— Вот уж что-что, а «тихонько» не будет! Это я обещаю.

Вскоре Надя вышла на своей остановке. Сергею предстояло проехать еще две. На самом деле он понятия не имел, что будет делать, но уверенность в своей правоте и желание восстановить справедливость не давали ему покоя. Плохо знакомый с устройством городских органов управления, он даже не знал, куда обращаться в первую очередь. Министерство образования, суды, администрация — для него все это были просто слова, которые десятки раз на дню слышит каждый человек. «Придется разбираться», — решил Сергей.

Но прежде всего предстояло объясниться с матерью.

До самого вечера он собирался с мыслями, пытаясь придумать, как понятнее и, главное, мягче подать причину своего увольнения. Можно было сказать, что не справился с нагрузкой. Но это вранье, и чушь к тому же. Сократили преподавательский состав? Звучит жалко, а жалости ему не хочется. Не понравилось и ушел сам? Это из гимназии-то, куда сразу после университета метил! Смех, да и только.

Пока Сергей перемалывал в голове варианты предстоящего разговора, мать вернулась домой. Хлопнула дверью и почему-то сразу, только сняв верхнюю одежду, проследовала в его комнату. Все понимает и чувствует. Инстинктивно.

— Сережа, ты сам не свой эти дни... Что случилось?

Поддавшись, он решился рассказать матери все как есть, утаив единственную деталь — прилетевший по роже кулак. Упомянуть это было ни к чему, да и признаваться в таком позоре лишний раз не хотелось. Мать, видимо, ожидавшая услышать о разочаровании сына в Лене или, на худой конец, о Лениной беременности, оказалась шокирована новостью, но не в той мере, как следовало бы.

— Чудной ты, Сергей! Оно тебе надо было?

— Я учителем пришел туда работать, а не подхалимом!

Она сочувственно посмотрела на сына.

— Ты забыл, в какой стране живешь?

— Да в какой?! — взвыл Сергей. — Что за страна такая, где неучу шестикласснику нельзя поставить двойку, потому что он чей-то сынок? Ничего не стоит такая страна!

Мать молчала.

— И вообще, они там на пару статей дел наворотили. Подделали мою подпись, не уведомили заранее, оклад за отработанные часы не выплатили... Любой суд встанет на мою сторону, потому что это абсурд!

— Ох и тяжело же тебе жить будет...

— Вот пойду в суд, и все решится, — заявил Сергей. Затем уже спокойным тоном спросил: — Кстати, ты знаешь, в какой надо идти?

— Возвращайся-ка в шестьдесят шестую, пока не поздно.

— Да ты издеваешься надо мной? — Он снова повысил голос. — Я так просто не сдамся! Это раз. Лучше вообще нигде не работать, чем в этот притон возвращаться. Это два. На моей стороне...

— То есть снова на шее у матери сидеть будешь, как в институте?
Как всегда, единственное, что она выделила из его сложной мысли, это касающуюся лично ее ерунду.

— При чем тут это! Я утрирую. В городе полно школ. Сейчас главное — постоять за себя и уведомить о случившемся все необходимые инстанции.

— А Лена?

— Что Лена?

— С ней ты когда завяжешь?

Сергей ахнул:

— А она тут при чем?

— Не слушаешь меня, отсюда и все проблемы.

Есть такой тип родителей, с которыми о чем бы ни заговорил, какой бы важной проблемой ни поделился, все равно разговор в итоге придет к одному и тому же. Это как рассказывать бабушке о поездке в другой город или страну, делиться впечатлениями о людях, архитектуре, культуре, а в конце услышать вопрос: «А ел ты там что?» или совет: «Одевайся тепло, уже не лето на улице». Любая сложная конструкция такими людьми упрощается до элементарных, понятных им вещей, потому что так проще жить...

— Ты почему не ел ничего? — послышалось из кухни.

Сергей схватился за голову.

* * *

На следующий день Сергей немного успокоился и принялся планировать дальнейшие действия. Позадавав поисковику в интернете глупые вопросы о судах и о том, куда в его случае следует обращаться, он решил начать с министерства образования. Расписав суть своих претензий в виде текстового заявления и оставив сверху поле для «шапки», Сергей загрузил получившийся документ на флешку. Сверился на сайте министерства с часами работы и правилами приема граждан, взял паспорт и отправился в путь. По дороге к остановке пришлось зайти в копировальный салон.

— Сколько копий делать? — устало спросила его девушка, которую он отвлек своей просьбой от важного занятия — пролистывания картинок в телефоне.

— Давайте десять... — Сергей бросил взгляд на прейскурант и опешил. «Пожалел денег на принтер, вот теперь страдай», — поругал он сам себя и тут же поправился: — Хотя нет, пяти штук хватит.

Ехать снова предстояло через реку, но поскольку торопиться было некуда, то проблемы это не представляло. Улицы плотно замело вчерашним снегопадом, и если дороги хоть медленно и понемногу, но чистили, то тротуары походили на узкие лесные тропы. Иногда проще было двигаться по краю проезжей части, вызывая законное недовольство водителей. Сергей не знал, как выглядит министерство образования, поэтому, когда карта привела его к нужному зданию, посмотрел на него с недоумением.

— Какое здание, такое и образование...

Унылая трехэтажная коробка, построенная, скорее всего, в семидесятых годах прошлого века, стояла на пустыре, в небольшом отдалении от жилых домов, не менее унылых. С правого бока ее подпирали забор гаражного кооператива. Все остальное пространство пустыря, очевидно, использовали местные жители, выводя сюда гадить домашних животных и в немалой степени подгаживая сами. Всюду валялись не только привычные уже бутылки, но и целые мусорные пакеты, слегка припорошенные снегом. Только в непосредственной близости от министерства было более-менее чисто.

«И вот сюда с важным видом постоянно ездит Алия Саитовна!» Сергея это рассмешило.

На входе ему долго пришлось объяснять цель своего визита.

— Молодой человек, скажите, кто конкретно вам нужен! — Вахтерша в годах, наряженная в бирюзовую рубашку, с круглыми очками на тонком и изогнутом, как крючок, носу глядела на Сергея недоверчиво и даже немного жалостливо. Она искренне не понимала, чего он от нее хочет.

— Я же говорю. Тот, кто занимается вопросами трудоустройства в школы. Меня незаконно уволили, хочу написать заявление.

— Так в школу и обращайтесь. Здесь-то вы что ищете?

— Есть тут у вас человек, который курирует работу местных школ?

— Много кто есть. Я не могу вас пропустить, пока вы не скажете конкретно, кто нужен.

Немного подумав, Сергей сказал:

— Министр образования области мне нужен. Так лучше?

Вахтерша усмехнулась:

— Все к ней рвутся. Она сейчас в отпуске. Есть только заместитель.

— Пусть будет заместитель. Я могу пройти?

— Вы записывались на прием?

Какой глупый вопрос!

— Нет, не записывался.

— Без записи не принимают.

Терпение Сергея заканчивалось.

— Пустите меня хоть куда-нибудь, я там разберусь сам!

— Как же я вас просто так пущу?

— Тогда запишите сейчас.

«Ох уж эти правила!» — раздраженно подумал Сергей.

Устав спорить без толку, вахтерша сняла трубку и куда-то позвонила. Затем с облегчением сказала:

— Поднимайтесь на второй этаж. Двадцать седьмой кабинет.

Выяснилось, что заместителя министра образования области тоже на месте нет. Зато была секретарша — на удивление приветливая девушка лет двадцати трех, худая брюнетка с жесткими, как веник, волосами и круглым лицом. Типаж угадывался безошибочно. Такие обычно хорошо учатся в школе, выполняют все-все требования учителя, а после выпуска не знают, куда себя деть. Окончив какой-нибудь филфак, они оседают во всевозможных канцеляриях и офисах, где на них сваливают выполнение скучной, рутинной работы. А они и рады.

Случай Сергея явно выбивался из рутины, однако девушка взялась ему помочь оформить заявление. Поправив на компьютере текст в принесенном Сергеем файле и добавив нужные должности и фамилии, она распечатала его, не взяв за свою работу ни копейки.

— Все готово. Распишитесь вот тут... И еще тут.

— А когда я получу ответ?

— Заявления рассматриваются в течение тридцати рабочих дней.

Сергея это озадачило.

— Ого! А раньше никак?

Девушка развела руками:

— К сожалению, такие правила. И еще надо ксерокопию трудовой книжки.

— Вот об этом я не подумал.

— Можете завтра занести. Только сразу скажите, к кому вы идете, чтобы пропустили.

Девушка улыбнулась. Сергей, ради приличия, тоже.

Поблагодарив секретаршу за помощь, он вышел из здания министерства и задумался, куда двигаться дальше. Возвращаться в школу ради трудовой книжки ему крайне не хотелось, и он корил себя, что не додумался взять нужные документы вчера. «Заявление об увольнении тоже неплохо бы иметь на руках», — размышлял Сергей. Провести экспертизу подписи, или как там это называется. Знал он о такой процедуре больше из фильмов. Да и закорючку, что называлась его подписью, мог подделывать даже первоклассник.

Следующим пунктом маршрута решено было сделать областную администрацию. Как это принято, она занимала почетное место на площади Ленина. Сам Ильич стоял к ней спиной и показывал рукой куда-то вдаль. Шутники утверждали, что на запад, но Сергей прикинул, что все же на юг. Также неплохо: кто не любит теплой погоды?

В центре всегда было многолюдно, независимо от времени года, дня недели или часа суток. Только совсем уж отвратительная погода могла помешать жителям города снова туда-сюда по единственной пешеходной улице, соединяющей торговый центр и здание театра. В середине дня здесь ожидаемо гулял народ. Сергей всегда задавался вопросом, откуда берется столько празднующихся людей в будни, почему они не на работе. Но теперь он тоже стал частью этой массы и, быть может, предметом осуждения какого-нибудь другого горожанина. Впрочем, вряд ли все эти гуляки были незаконно уволены и пришли искать справедливости у руководства города.

Какое-то время Сергей тоже бродил вдоль здания, не понимая, как попасть внутрь. Большие дубовые двери парадного крыльца оказались закрыты. Вход же нашелся сбоку, в совсем неприметном месте.

Внутреннее убранство областной администрации было выполнено в богатом и помпезном ключе: лепнина на потолке, стены, отделанные панелями из полированного дерева, красные ковры на лестницах, массивные люстры, освещавшие коридор приятным теплым светом. Со времен

коммунистов тут, похоже, ничего глобально не меняли. Были еще картины, но Сергей видел только их красивые резные рамы, потому что стоял к ним под неудачным углом, а пройти дальше поста охраны ему не удалось. Без пропуска или предварительной записи на прием никто с ним не стал даже разговаривать. Сухой, в преклонном возрасте охранник лишь нехотя поднял руку, показывая, где дверь на выход. Сергей знал это и без него.

И-да, а чего он ожидал?

На площади перед администрацией происходило интересное. Небольшая группа, человек пятнадцать, громко и требовательно что-то скандировала, подняв самодельные, вручную нарисованные плакаты. Обращались эти люди к одному из окон, где, очевидно, сидел самый важный слушатель. Но не только. У здания администрации разместился оператор с видеокамерой на треноге. Невысокая девушка в желтой куртке с капюшоном и в розовых ботинках держала микрофон перед полной женщиной лет за пятьдесят и вежливо кивала, пока та, активно жестикулируя, излагала ей суть претензий:

— Полное бездействие и безразличие властей! Сколько порогов мы должны обить, чтобы на нас обратили внимание?

Сергей подошел ближе.

— У нас по стенам трещины с палец! Из крана течет не вода, а ржавчина одна! Теперь еще и отопление отключили! Что нам делать?

Лицо женщины было багровым от мороза и переизбытка эмоций.

— Скажите, пожалуйста, обращались ли вы к компании-застройщику?

Вопрос журналистки вызвал шквал негодования со стороны толпы. Сергей теперь оказался почти рядом с оператором и продолжал слушать.

— Плевать они хотели на всех с десятого этажа! Если кто и может помочь, то только областная власть. А они и внутри нас не пускают!

Журналистка тихим голосом отдала какую-то команду оператору. Тот неожиданно повернул камеру на здание. Сергей оказался в прицеле его объектива.

Чтобы не мешать, он отошел и встал рядом с только что выступавшей женщиной. Она тяжело дышала, сердито осматривалась и по инерции продолжала что-то бубнить.

Сняв капюшон и расстегнув куртку, журналистка спросила:

— Готов?

— Поехали! — махнул рукой оператор.

— У здания областной администрации сегодня проходит митинг с требованием привлечь к ответственности недобросовестного застройщика в лице ОАО «Стройлюкс», допустившего к сдаче многоквартирный дом по улице Кулакова, пять, с множеством нарушений. Трещины в стенах, плохие коммуникации, отсутствие отопления — вот лишь малый список проблем, с которыми столкнулись новоселы. Напоминаем, что строительство дома проходило в рамках федеральной программы расселения ветхого жилья. Представители пиар-службы компании от комментариев отказались. Попасть на прием к губернатору у собственников также не

получилось. Мы продолжим следить за развитием событий. Валентина Строльнова, журналистика без гра...

Не успел Сергей до конца переварить услышанное, как ему заломили руки за спину и потащили его в сторону. И когда подобралась? Вокруг завопили на разные голоса, ругаясь и пытаясь отбиваться. Смотреть Сергей мог только в пол и видел свои ноги и чьи-то берцы, семенящие следом. Когда он наконец поднял голову, всех участников собрания уже грузили в полицейский «газон». Будка автомобиля быстро заполнилась, и он тронулся.

Крики негодования и возмущенные возгласы не смолкали до самого участка. Сергей теперь внимательно рассмотрел митинговавшую публику и подметил, что это были в основном женщины и девушки. Лишь один мужик, стоя в центре, громко поливал матерками всех, кого только мог вспомнить, да еще два парня сидели в углу и что-то поспешно набирали в телефонах.

— Куда нас везут? — спросила журналистка.

— А то не знаешь! — пробубнил сквозь шлем полицейский.

— Пятый или второй отдел? — уточнила она.

Немного подумав, один из полицейских неохотно сообщил:

— Второй.

Журналистку ответ устроил.

— Вы за это ответите! — пригрозила полицейским одна из девушек, поправляя растрепанные светлые волосы. Она стояла почти рядом с Сергеем, и он видел, как трясутся у нее руки.

— Ага, как бы не так, — грустно сказала полная женщина, та, которая выступала перед камерой.

Судя по всему, ей все так надоело, что даже слова находились с трудом. Если остальная публика громко обсуждала свое задержание, скандалила или просто перебрасывалась репликами, то эта женщина молча смотрела в одну точку и, кажется, готова была разрыдаться. Видимо, все ее силы ушли на интервью, которое теперь, как она подозревала, не выйдет.

Двое полицейских, которые непонятно зачем залезли в будку и стояли около дверей, до самого конца поездки вынуждены были выслушивать все, что о них думают. Когда машина резко затормозила, стражи порядка молча открыли двери и всех выпустили.

— Еще раз увижу — будет штраф, — сказал мужчина, вышедший из синего «УАЗ Патриота», который всю дорогу ехал следом за «газоном».

Этот человек не скрывал лица. Он был средних лет, пухлый и какой-то иссиня-бледный, словно ему постоянно не хватало кислорода. Покрасневшие глаза безразлично смотрели на привезенных с площади людей, которые вышли и стояли у входа в полицейский участок.

— Ироды, черти! — крикнула из толпы пожилая женщина.

— Ну-ну, мамаша! За оскорбление сотрудника полиции можно на пятнадцать суток сесть, — пригрозил начальник.

— Ты поугрожай мне еще, гнида!

Сергей старался держаться рядом с журналисткой и оператором, высоким коренастым мужиком лет сорока со сплюснутым подбородком,

близко посаженными глазами и широким, как ложка, носом. Такого бугая просто так не свалишь и в машину не затолкаешь. Видимо, он не особо сопротивлялся.

На Сергея никто не обращал внимания.

— Надо позвонить Кириллу, пускай нас заберет, — сказала журналистка.

— Да брось! Доедем на автобусе.

— Нам еще бараки на Огородной надо снять. Ты не потерял?..

Оператор остановился, нагнулся к ботинку и достал из носка синюю карту памяти.

— Сегодня не шмонали даже.

— Молодец, — отреагировала журналистка и достала телефон. — Тебе чего? — Только теперь она заметила, что рядом стоит незнакомый человек.

Сергей не знал, чего ему. Слишком много всего произошло, и мысли в голове спутались, как провода наушников.

— Кирилл? Нет, мы снова рядом со вторым участком. — Журналистка подышала в свободную ладонь. — Лучше быстрее, тут холодно. И возьми термос с моего стола, я забыла.

— Что это было вообще? — дождавшись окончания телефонного разговора, спросил Сергей.

Журналистка поморщилась:

— Звонила нашему водителю. Или ты о чем?

— Ну... демонстрация эта... всех повязали... За что?

Тут встрял оператор:

— Им повод не нужен. Позвонили из администрации — и готово. Чтобы глаза чиновникам не мозолили.

— Вас, жильцов с Кулакова, особенно сильно прессуют. Потому что вы пробивные и стучите во все двери. Другие бы уже сдались и тихонько мерзли в своих новостройках.

— Да я не жилец... В смысле, не с ними.

— А с кем? — поинтересовалась журналистка.

— Сам по себе. У меня дело было к администрации, но охранник не пустил.

Оператор перевесил штатив на другое плечо и засмеялся:

— То есть тебя еще и просто так замели?

— Это хорошо, что смена Канькина была. Майор, конечно, тот еще фрукт, но хотя бы свой, не конченный. Другой на его месте всех бы повел оформляться, а особо горластых на пятнадцать суток бы закрыл. Ладно, бывай! Нам работать надо, — закончила журналистка.

Сергею не хотелось прекращать разговор. От обилия новой информации его распирало, а эти двое словно были той нитью, потянув за которую он сможет начать распутывать клубок собственных проблем. Так ему казалось.

— Погодите. «Стройлюкс»... Это же Бокаров?

На него посмотрели как на идиота.

— Нет, Есенин! Как его... Сергей Александрович! — съязвил оператор.

— Я тоже Сергей. Учитель английского из гимназии. Мне надо вам кое-что рассказать.

Немного сбивчиво и прыгая от одной мысли к другой, Сергей поведал новым знакомым обо всем, что с ним произошло. В этот раз он не утаил факт удара по физиономии. Наоборот — описал его в красках, будто нутром чувствуя, что журналистка от этой детали придет в восторг. Так и оказалось. Довольно быстро приехал старенький «соболь» белого цвета, забрал их и покатил в сторону улицы Огородной, хрипя прогоревшим выхлопом. Заканчивал рассказ Сергей уже в машине.

— Об этом надо обязательно написать! — радостно сообщила журналистка Валя, сподобившаяся наконец представиться. Хотя Сергей и так запомнил ее имя.

— Если уж он такое творит, то и сказать нечего! Одно слово только на ум и приходит, — заявил оператор, но слова не назвал.

Сергей был рад произвести впечатление, но статья героем статьи ему не импонировало.

— Может, как-то анонимно про это написать? А то, если я там буду...

Журналистка не дала ему договорить:

— Анонимные статьи им только на руку. Всегда могут сказать, что мы это сами придумали. И крыть будет нечем. Реальный человек с настоящей биографией — вот что на них подействует!

— Я боюсь, что это может плохо отразиться и на...

— А что ты планируешь делать? Сходить на прием еще к какому-нибудь заместителю заместителя?

— В министерстве образования у меня приняли заявление. Сказали только трудовую занести.

— Ну занеси. Как ты не поймешь, что им самим «занесли»! И давно. Всем на тебя плевать. Тем более учитывая, с кем ты вздумал конфликтовать, — подытожила Валя.

Сергей немного подумал.

— Хорошо.

«Соболь» свернул во дворы, угодил колесами в наезженную колею и тяжело поехал вперед, то и дело прыгая на ямах и ухабах, которые даже выпавший накануне снег не смог выровнять. Весь салон при этом дергался, а водитель Кирилл чиркал макушкой о низкую крышу кабины.

Через пару минут Сергей почувствовал, что его укачивает, и порадовался, что не успел пообедать.

— Слушай... А ведь в гимназии у вас все оборудовано по самому хай-теку? — спросил оператор, заметно оживившись.

— Смотря что имеется в виду. Компьютеры везде, проекторы и интерактивные доски почти в каждом...

— Брось, я не о том! — перебил его оператор. — Камеры наблюдения стоят?

— Ну... Наверное, стоят. Я как-то не замечал.

Валя смекнула, к чему клонил оператор.

— Если бы удалось получить видеозапись инцидента, — продолжил оператор, — то это был бы реально туз в рукаве! Публикация такого

материала подставила бы смачную подножку нашему «почетному гражданину».

— И «меценату», — добавила Валя. — У тебя есть какие-нибудь подвязки в школе?

Сергея позабавила формулировка. Можно подумать, он какой-то местный воротила, чтобы за полгода пребывания в должности учителя английского стать со всеми на короткой ноге.

— Я не так долго там работаю, чтобы по щелчку пальцев получить у охраны видеозапись с камеры. Не уверен, что записи там вообще долго хранятся.

— Обычно файлы отправляют на удаленный сервер. Но в школе такая перестраховка, может, и не действует.

Машина тормознула возле двухэтажного деревянного барака. Стены его были черными от копоти, а немногочисленные целые окна затянуты изнутри ледяной коркой. Отодвинув заедающую дверь «соболя», Сергей вышел на улицу и увидел, что половина барака была обитаемой. Левая его сторона сгорела, и из снега до сих пор торчали обломки шифера, а вот справа как ни в чем не бывало стояли припаркованные машины. Вход в уцелевший подъезд был даже с кодовым замком и вполне свежий на вид.

Валя с оператором живо закрутились по двору, выбирая ракурс по-эффектнее. Кирилл курил неподалеку, разминая ноги. Завидев камеру, к дому стали стягиваться зеваки и представители дворового актива, готовые поделиться своей бедой с прессой и помянуть перед объективом телекамеры.

Сергей посмотрел на часы. Он думал зайти за своими документами после занятий, когда в школе нет лишних людей, лишь в некоторых классах проводятся факультативы. Заодно можно будет узнать в бухгалтерии о зарплате, хотя особых надежд на последнюю он не питал.

Но как добраться отсюда до гимназии? Сергей слабо представлял, куда его привезли. Несмотря на то, что он родился и прожил всю жизнь в этом городе, далеко не каждая трущоба в нем была ему знакома. А находился он теперь именно в трущобе. Сергей решил подождать и посмотреть, что будут делать его новые знакомые.

Журналистка Валя уже начала опрашивать публику, а оператор, взяв один удачный ракурс, вертел головой в поисках следующих, изредка заглядывая в видеоискатель.

Работа у журналистов, при кажущейся легкости, была довольно нервная. Заставить людей говорить по делу и не хором оказалось трудно. Мимо то и дело с грохотом и треском проезжали машины. В кадр лезли дети, строили рожи, а один умник даже решил зарядить в журналистку снежком, за что был жестко осажен кем-то из взрослых.

Суть претензий сводилась к тому, что власти перенесли обещанное жильцам расселение на пять лет и решением комиссии даже признали сгоревший барак пригодным для проживания «после выполнения ремонтных работ». Работы эти ограничились покраской фасада и заменой входной двери. Женщина в распахнутой голубой куртке и со спутанными темными волосами яростно тыкала пальцем по направлению этой двери,

доказывая, что таким образом городские власти лишь скрыли плачевное состояние подъезда и в особенности лестницы.

Сергею, безусловно, было жаль жителей этого барака, но очень скоро нескончаемый галдеж утомил его. Он сел в «соболь» и погрузился в свои мысли.

Съемки сюжета заняли почти час. На обратной дороге выяснилось, что Сергею с журналистами не по пути, так что его высадили на остановке, находившейся минутах в пятнадцать неспешного шага от барakov. «Только время потерял», — подумал Сергей, но очень быстро пришел к выводу, что так даже лучше.

Еще час на автобусе — и школа предстала перед ним в совсем сонном состоянии. Сергею несказанно повезло, что смены на вахте чередовались и за монитором у входа сидел другой охранник. Поначалу он тоже не хотел пускать Сергея без пропуска, но, когда тот объяснил, что идет за заявлением и трудовой книжкой, все же открыл турникет, предварительно посоветовавшись с кем-то по телефону. Интересно, с кем?

В школе стояла тишина, похожая на ту, которая царит, когда на всех этажах уроки в самом разгаре. Но днем, проходя мимо кабинетов, Сергей слышал бы доносящееся из них приглушенное бормотание, а в дальнем конце коридора обязательно хоть раз хлопнула бы дверь туалета. Теперь же было по-настоящему тихо. Где-то едва слышно проводились факультативы, куда ходили только мотивированные ученики или те, кого родители не могли забрать домой пораньше. Работая в шестьдесят шестой школе, Сергей даже сам вел факультатив, но из-за особенностей местного контингента это было ужасно: уставшие к концу дня дети вели себя так, что никакие педагогические приемы не могли восстановить дисциплину. Крайние меры применять не стоило из соображений не только этики, но и здравого смысла: воспитанные улицей девятиклассники могли с легкостью навалить молодому учителю.

В бухгалтерии Сергею без проблем отдали трудовую книжку, сделали ксерокопию заявления об увольнении и даже сообщили, что ему будет выплачена зарплата за неполный месяц. Оригинал заявления, конечно, не дали.

Решив свои дела минут за пятнадцать, Сергей не смог просто взять и уйти из школы, понимая, что другого повода сюда вернуться у него не будет. Но вела его не меланхолия, а совсем наоборот — вещи сугубо практического свойства.

Заглянув в пустую учительскую, он окинул взглядом потолок и увидел, что над бойлером, в самом углу, торчала камера. Она ритмично по-маргивала красным, сигнализируя о работоспособности. Чтобы не вызывать подозрение у охранника за монитором, Сергей вышел в коридор и потихоньку двинулся к лестнице. Теперь он замечал камеры везде: каждый угол здания просматривался как минимум с двух сторон. Вряд ли с поста охраны одновременно можно наблюдать за всеми ракурсами, а значит, данные куда-то записывались. Иначе в чем смысл?

Он уже вышел из ворот школы и неторопливо зашагал вдоль забора, как вдруг его окликнули:

— Сергей Павлович!

У калитки стояла молодая женщина в красном пальто и высоких черных сапогах.

— Здравствуйте! Я мама Полины Голицыной.

Сергей не мог знать всех родителей в лицо, тем более в пятом «А», где занятий не вел, — это был класс заслуженного учителя Игоря Владимировича, которого он пару раз подменял, — но девочку, которая стояла рядом с мамой, помнил.

— Чем могу помочь?

— Мне вас посоветовали как хорошего педагога, умеющего найти подход к ребенку. Вы, к сожалению, у нас не ведете, но... Не могли бы вы позаниматься с Полиной дополнительно?

— А что не так?

— Ой, она как-то совсем не тянет материал! Домашние задания даются тяжело, и с каждой темой всё хуже...

— Оценки-то у меня хорошие! — обиженно сказала Полина.

— Они тут у всех хорошие. Ты потом как в Англию поедешь поступать?

— Не хочу ни в какую Англию!

Сергей не знал, что и сказать.

— Мне кажется, в пятом классе детям лучше усваивать программу самим. Дополнительные занятия могут привести к тому, что пропадет интерес к школьным урокам.

— Вот программой и позанимайтесь! Хотя бы объясните ей те правила, что они проходят. Этот Игорь... как там его...

— Владимирович, — подсказала Полина.

— Да. Он, по-моему, совсем плохо объясняет. Мямлит что-то себе под нос, вы уж извините за прямоту.

С характеристикой бывшего коллеги Сергей молча согласился, не сдержав улыбки.

— Я не знаю, как у меня со временем...

— Будет очень здорово, если удастся найти. Нам удобно вечером: Полина еще на факультатив по информатике ходит. Сами видите, поздно из школы приходится забирать. А вы ведь решили из гимназии уйти? Я так поняла, как раз ради репетиторства?

— Ну... В общем-то, да.

Сергей почувствовал себя глупо. Незнакомый человек, а уже знает об увольнении. Новости распространяются быстрее, чем можно представить.

— Запишите мой телефон. Я думаю, три раза в неделю для начала будет достаточно?.. Ну это вы уж сами решите.

— Да, посмотрим.

— Я Катерина.

Женщина протянула руку. Сергей неуклюже взял ее и хотел было пожать, но вовремя одумался. Рука была гладкая и холодная.

— Записал. Очень приятно.

— Жду звонка, как определитесь со временем. — На ее лице промелькнула улыбка. Сложно было сказать, кокетливая или просто благожелательная.

Припаркованная поперек тротуара красная BMW X6 моргнула аварийкой, и Катерина с дочкой двинулись в сторону машины. Сергей пошел в противоположную, к остановке.

Мысли о камере видеонаблюдения не отпускали его до самого вечера. Он живо представлял, как круто было бы заполучить ту запись из учительской и насколько сильно она могла бы подпортить жизнь Бокарову-старшему. Жаль, что это было лишь наивной мечтой. Способа, с помощью которого Сергей мог бы получить доступ к хранилищу записей, не существовало. Да и кто гарантирует, что нужный файл не удалили в тот же момент или днем позже? Не стоит недооценивать почетного гражданина города. Просто так подобные звания не раздают. Одно было ясно: время играло против Сергея. Видеозапись его позора проваливалась все глубже в недра виртуальной памяти, а он сам оставался безработным неудачником, проблемы которого волновали разве что его мать. Впрочем, не совсем безработным...

Праздные размышления прервал звонок Лены:

— Разве мы не договаривались сегодня встретиться?

— Гм... Вроде нет.

— Мы всегда по понедельникам ходим в кино!

Местный кинотеатр в начале недели делал ощутимые скидки на фильмы, прокат которых завершался, и Сергей старался этим пользоваться.

— Что же ты раньше не позвонила?

Голос Лены звучал ниже обычного. Это означало, что она обиделась.

— Я ждала, что ты позвонишь!

— Извини. На работе задержался.

Сергей взглянул на часы — полдесятого вечера. Долго же ей пришлось ждать.

— Такая работа, с ума можно сойти! Все до обеда учатся.

— Я же не учусь, а учу. Завтра сходим, хорошо?

— Ничему ты не учишься! — подытожила Лена и бросила трубку.

Это была обида, но не сильная. До следующего дня максимум. Как и подобает ребенку, Лена постоянно требовала внимания и очень расстраивалась, когда его не получала или получала недостаточно. Сергей нисколько на этот счет не переживал, но на всякий случай поставил в телефоне напоминание.

* * *

Когда Сергей проснулся, было еще раннее утро. Он смотрел в потолок, и его воображение рисовало там бессмысленные узоры и странные геометрические фигуры. Стоило немного отвлечься, как мозг мгновенно стирал тщательно нарисованную картину, и приходилось выдумывать всё заново. Каждый следующий раз получался непохожим на предыдущий. В зависимости от хода мыслей появлялись то просторные деревенские

пейзажи, то многоногие животные с непропорционально большими головами, то чьи-то едва различимые лица, вроде даже знакомые.

В соседней комнате щелкнули дверцы шкафа — мать собиралась на работу. Значит, время около семи.

Дождавшись, пока она приготовит завтрак и уйдет, Сергей нехотя встал и выглянул в окно. Как и положено зимой, было темно. Тучи цвета мокрого асфальта сгрудились над городом, готовясь в любой момент сотворить очередную бурю. Без солнца улицы выглядели настолько уныло, что хотелось снова залезть под одеяло и не вылезать до весны.

Поддевятиго. Сегодня Сергей следил за часами с особым вниманием. Он пытался угадать, во сколько можно позвонить занятой даме, чтобы не выглядеть вульгарно. Несколько раз открыв и закрыв контакт с именем «Катерина», все же дотерпел до девяти и набрал номер.

Приятный голос ответил практически сразу. Договорились, что занятия можно начать с завтрашнего дня, то есть со среды. Обговорив кое-какие детали, Сергей положил трубку и радостно выдохнул. Как-никак у него появился источник дохода. Правда, стоимость занятий он обсудить забыл, да и последующее расписание они с Катериной толком не уточнили. «Вроде поговорили, а о чем — непонятно, — подумал Сергей. — Ничего, завтра решим».

Для учителя подрабатывать репетитором считается не только нормальным, но даже обязательным. Учитывая, какую смешную сумму принято называть зарплатой педагогов, репетиторство остается единственным способом хоть как-то сводить концы с концами. Но Сергей не любил индивидуальные уроки и считал, что хороший учитель должен всего себя отдавать школе, не расплываясь на сторонний «калым». Исключением были лишь занятия со знакомыми или родственниками. Так, мать настояла, чтобы он взялся подтянуть своего двоюродного брата Вадика. Это был сын младшей сестры матери, тети Оли.

Дети бывают очень разные. Кто-то умен, но бесконечно ленив и раздражает своей ленью всех вокруг. Бывают прилежные, делающие задания от и до, но при этом не одаренные природным интеллектом дети, которые по настоянию родителей упорно бьются головой о гранит науки, но только расшибают лоб. Десятилетний Вадик вобрал в себя худшее от обоих типов. Привыкший к деревенской вольнице, он и в городе оставался шалопаем, не выражая даже отдаленного желания чем-то заниматься. Ветер у него в голове гулял такой, что, казалось, дай Вадика любое поручение — он на полпути просто встанет посреди улицы и не вспомнит, куда и зачем шел. Заниматься с ним было сущей каторгой, и Сергей не раз корил себя, что повелся на уговоры матери.

Родители Вадика были людьми хоть и простыми, но далеко не глупыми. Тетя Оля окончила экономический колледж. Дядя Петя, правда, даже из школы выпустился со скрипом, но Сергей отказывался верить в генетическую предрасположенность и объяснял глупость брата исключительно крайней избалованностью. После года жизни в городе у каких-то родственников, которых Сергей толком не знал, Вадика откомандировали обратно в деревню, в единственную школу, где его принимали таким, как есть...

Сергей вдруг обнаружил, что не взял контакты журналистки Вали. Как же тогда она собралась писать про него статью? Непорядок! Забив в поисковик нужные слова и найдя сайт «Журналистики без границ», он списал контактный номер и позвонил. Первый раз звонок сбросили, последующие же просто шли в никуда. Слушать гудки было занятием бесперспективным, поэтому Сергей решил, что лучше наведается в редакцию лично, отыскал на сайте адрес и сверился с картой города. Заодно посмотрит, где обитают «последние честные журналисты региона», как гордо именовали себя сами авторы.

Редакция находилась в неприметном старом доме в самом центре города. На первом этаже в одном крыле располагался салон красоты «Примадонна», а в другом — магазин мебели, у которого все окна были завешаны выцветшими баннерами с изображениями диванов, шифоньеров и кроватей. Посередине была арка, ведущая на какие-то задворки, куда человек в здравом уме никогда не зайдет.

Маленькая вывеска с аббревиатурой «ЖБГ» была приколочена к стене у железной двери. Сергей несколько раз постучал. Никого. Попробовал дернуть за ручку — ничего не произошло. Странная редакция, если там в будний день пусто...

Бесцельно покружив по двору и не найдя ничего, кроме гор строительного мусора и заброшенной трансформаторной будки, Сергей двинулся прочь. Наверное, адрес редакции чисто формальный и в реальности журналисты квартируют в другом месте. А если все же это и есть редакция, то деньгами она явно не избалована.

Под аркой его едва не сбил знакомый уже «соболь».

— О, а вот и ты! — сказала Валя, выпрыгнув из машины. — Пошли!

Она открыла ключом железную дверь и прошмыгнула внутрь здания. Сергей пошел за ней по плохо освещенному коридору. По пятам за ним топал оператор, неся штатив, камеру и большую черную сумку. Слева мелькнула деревянная дверь подвала.

Скоро они оказались в небольшой вытянутой комнате.

В редакции все же кто-то был. Три неприметные личности — две девушки и парень — сидели за компьютерами и усердно работали, ритмично стуча по клавиатурам. В дальнем углу разместился длинный стол, возле которого на стене висела доска. «Прямо как в школе», — отметил Сергей. Рядом был стол поменьше, занятый двумя мониторами.

Валя прыгнула в потертое кожаное кресло и, выглядывая из-за мониторов, крикнула оператору:

— Скидывай материал на сервер! — А потом одной из журналисток: — Маша, как там с обманутыми дольщиками?

Маша подняла голову. Это была невысокого роста полноватая девушка с красными волосами и маленьким, почти игрушечным носом. Руки ее тоже были словно взяты у другого человека — короткие, с детскими ладонями.

— Делаю, — ответила она односложно.

— Через час надо сдать уже. Макс, ты всё?

— Да. Я уже про яму на Комсомольской пишу.

Макс выглядел типичным студентом журфака: худой, модная прическа с зализанными назад светлыми волосами, явно из барбершопа, квадратные очки на квадратной же физиономии и кофейного цвета рубашка в клетку. Сергею такие «хипстеры» казались излишне претенциозными. Пишут в кофейнях всякую ерунду с умным видом. Только место занимают.

— Сейчас посмотрю. — Валя замолкла и полминуты глядела в монитор. — А ты почему опровержение от администрации района не добавил?

Макс удивленно вскинулся:

— А надо? Они же всё всегда опровергают.

— Я же сказала, что надо. Потом с ними судиться придется.

— Ладно, — неохотно согласился Макс.

Глаза Вали бешено металась по рабочим столам: реальному и двум виртуальным. Она то и дело вертела в пальцах шариковую ручку, иногда почесывая ее тыльным концом висок. И, видимо, периодически путала стороны, потому что на правом виске виднелись две маленькие полоски синих чернил.

Сергей сел рядом и молчал, чтобы не нарушать заведенного порядка.

— Всё, скинул! — сообщил оператор.

— Душ с Аней на прорыв у Прилесного парка.

Не отрывая взгляд от экрана компьютера, Аня спросила:

— Опять? Вчера же писали про это.

У нее были длинные темные волосы и приятное лицо с восточными чертами и мечтательным, немного рассеянным выражением. Словно она видела своими большими карими глазами не затхлую конуру подпольной редакции, а огромное помещение лондонской The Times или, на худой конец, столичного глянцевого журнала.

Валя пояснила:

— Не опять, а снова. Там полрайона без отопления, коммунальщики не знают, что делать. Всё перерыли. Пора полноценный сюжет снимать. Кирилл в машине ждет.

— Цас термос обновлю.

— Брось, я сделаю. Одевайся пока, — сказал оператор.

Аня пошла к вешалке и сняла длинный серый плащ. Ростом она оказалась почти с Олега.

«Такой только на “соболе” разъезжать», — усмехнулся про себя Сергей.

Валя отъехала на стуле к стене и уперлась его спинкой в плакат с изображением карты города. Красный флажок был воткнут в точке нахождения редакции. Логику расположения остальных флажков Сергей понять не мог.

Журналистка схватилась за голову, закрыла глаза и какое-то время так сидела. Сергею подумалось, что удобно иметь такие волосы, как у Вали: едва касающиеся плеч и очень послушные. Можно раз утром причесать и целый день ходить, не особо заботясь о внешнем виде. Лена же постоянно, возле каждого зеркала, тщательно причесывалась, словно выискивала блох. И все равно прическа рассыпалась, как солома, от малейшего прикосновения...

— Так, давай с тобой теперь, — сказала Валя, повернувшись к Сергею. — Когда тебе Бокаров вмазал? В субботу?

Журналисты, как по сигналу, повернулись, услышав знакомую фамилию. Аня, уже одетая и готовая покинуть комнату, заинтересованно спросила:

— О, так это про тебя история? Жест!

И вышла в коридор, пригнувшись, чтобы не стукнуться о притолоку.

— Что, прямо тут рассказывать? — поинтересовался Сергей.

Ему не очень хотелось, чтобы вся редакция грела уши, слушая о его позоре. Тем более что основную информацию он вчера уже выдал.

— А где? — удивилась Валя. — Ну пошли на кухню.

Кухня отделялась от остального пространства редакции скромной гипсокартонной перегородкой, которая выполняла функцию сугубо декоративную. Слышно там было точно так же. Возле стола колдовал оператор, переливая чай в термос. Скоро он вышел. Валя сообразила растворимого кофе и вытащила из шкафа корзинку с печеньем. Сергей для приличия попробовал печенье на зуб — им впору было колоть лед. Кофе он в принципе не очень любил, тем более такой крепкий. Но в процессе беседы незаметно для себя выпил всю чашку. Валя вначале задавала какие-то вопросы, но скоро Сергей и сам разговорился и рассказал то, чем, может, делиться и не следовало:

— Какого черта я должен менять оценки, если дети их заслужили? Что это за прецедент будет для остальных? И так каждый второй учитель в этой гимназии заполняет журнал от балды, всем пятерки ставит, лишь бы не трогали...

Преподавательская гордость журналистку волновала мало. Если разговор уходил в сторону, она аккуратно возвращала его в нужное ей русло.

— Были ли у тебя подобные конфликты с другими родителями?

— Нет! — громко ответил Сергей. Затем подумал и добавил: — Разве что в старой школе, но по другому поводу. Дети там учатся простые, у них и проблемы свои. С их родителями говорить очень трудно, особенно когда им самим ничего в жизни не надо... Впрочем, к нашей теме это не относится.

Валя одобрительно кивнула. Она еле заметным движением руки делала пометки в потертом блокноте, ухитряясь при этом поддерживать с собеседником визуальный контакт. Сразу видно, журналист с опытом.

В какой-то момент Сергей понял, что его унесло не туда, и резко замолчал.

Валя задала последний вопрос:

— Думаешь, Бокаров запомнил тебя?

— Не знаю. Может, и нет. Кто я такой?

— Тоже верно.

Сергей мимоходом задумался, кто же он. В сравнении с почетным гражданином города, конечно, ничего выдающегося. Даже немного обидно.

— Ну, достаточно. На самом деле я накидала заметки еще вчера, когда ты рассказывал. Сейчас останется детали скорректировать.

— Когда ждать? — спросил Сергей.

— Новый номер мы сдаем сегодня в ночь. Постараюсь заверстать в него, но если нет, то на следующей неделе.

— Все-таки меня тревожит, что я там буду фигурировать с полным именем.

Валя поправила его:

— Почему же, без отчества.

— Ах, ну тогда нет повода для беспокойства, — грустно отшутился Сергей.

— Не переживай. Наоборот, хорошо. Поднимем резонанс — может, и увольнять передумают. Худшее для тебя в любом случае позади.

За стенкой зазвонил телефон. Это был другой аппарат, потому что один Валя держала при себе на протяжении всего разговора. Она быстро вернулась к своему рабочему месту и скрылась за мониторами.

Сергей вышел из редакции с ощущением некоторого облегчения. Все-таки правы психологи: проговаривание проблемы дает ключ к ее решению. Теперь предстояло выбрать, в какую школу пойти устраиваться. Логичнее всего — в ближайшую к дому, чтобы не тратить время и деньги на транспорт. Но Сергей хорошо знал ее репутацию и вязываться в очередную авантюру не хотел. В любом случае выбирать надо на их, правом берегу реки. Ради гимназии, пожалуй, можно было бы трястись в автобусе каждое утро, поблизости гимназий не было. Только кадетская школа и коррекционная. «Даже не знаю, что лучше», — язвительно подумал Сергей.

* * *

Выйдя на две остановки раньше своей, Сергей свернул во дворы в поисках школы. Всё равно какой, потому что все общеобразовательные школы в спальных районах были почти идентичны. Хорошую от плохой отличал не внешний вид, а педагогический состав и репутация. И о них можно было узнать только по сарафанному радио.

Сергей, насколько он помнил, ни разу в жизни в этой части района не был. Но это не мешало ему прекрасно ориентироваться, уверенно маневрировать в лабиринте одинаковых панельных параллелепипедов — серых, в грязных потеках и открытых всем ветрам. Они были похожи на гигантские холодильные камеры из рассказов тети Оли о ее работе на мясокомбинате.

Мимо просвистела разрисованная фирменной графикой машина такси, разбрасывая в стороны комья коричневого снега, смешанного с песком. Водитель словно не видел, что по узкой полоске тротуара идет человек...

На том месте, где, по всем правилам, должна стоять школа, была проплешина частного сектора. Это даже вызвало у Сергея небольшой интерес. Все окрестные дворы, в том числе и его, были частью типового проекта микрорайона и выглядели одинаково. Настолько, что незнакомый с особенностями советской застройки гость мог серьезно заплутать. Сергей знал, что в округе как минимум три одинаково распланированных

участка и размещены они подряд. И только тут вместо школы и гаражей был этот кусок старой, всеми забытой жизни.

Присыпанный снегом, он выглядел спокойно, даже в чем-то уютно, напоминая Кучмазово, родную деревню матери, куда Сергей иногда ездил летом. Деревенский уклад жизни его не прельщал, а воспеваемые поэтами красоты полей, рек и лесов проигрывали в конкурентной борьбе городу из-за туч комаров, злющих ос и отсутствия элементарных бытовых удобств. Огороженные бетонными громадами многоэтажек частные домишки смотрелись неуместно, а соседствующие с ними коттеджи с высокими заборами из красного кирпича — просто странно. Хотя стремление жить в просторном особняке Сергеем было понятно, сам он вполне комфортно себя чувствовал в панельной коробке. Вот тетя Оля, в конце девяностых променяв было деревенскую жизнь на суматоху города, после пары лет работы на мясокомбинате вернулась в Кучмазово. По ее словам, работа на комбинате была грязной, тяжелой и нервной. Но истинная причина отъезда была для Сергея совершенно очевидна: сельскому жителю город «не по фасону».

Наконец Сергей нашел школу. Стояла она немного на отшибе, рядом с Аллеей Героев, которая представляла собой небольшую, недавно очищенную от снега дорожку с несколькими сломанными лавочками и скромным обелиском в конце. На гранитном камне были высечены имена добровольцев, отправившихся из села со смешным названием Дроздовка на фронт в первый месяц войны, в сорок первом. Забавно: памятник есть, а села давно нет... Интересно, остатки частного сектора — не тех ли времен?

Даже если не знать точного времени, было понятно, что в школе перемена. Младшие классы носились по двору и кидались снежками, старшеклассники кучковались за углом. Некоторые просто блуждали между засыпанных сугробами клумб. В гимназии без особой надобности никого бы за пределы здания не выпустили, а тут — вольная воля. Удивительно!

На входной калитке стоял кодовый замок, и Сергеем пришлось ждать, пока кто-нибудь выйдет и удастся прошмыгнуть на территорию. Чтобы не выглядеть странно, он топтался в стороне, будто разыскивая среди имен бойцов на обелиске знакомую фамилию.

— Ой, привет!

Обернувшись, он увидел, что от калитки к нему идет знакомая фигура. Неприметная, потому и проглядел.

— Надя? А ты что тут делаешь?

— Вообще говоря, работаю.

— В смысле? — не понял Сергей.

— Подрабатываю. Веду дополнительные занятия.

Надя подошла ближе. От нее веяло теплом кабинета, а вечно бледное лицо еще не успело порозоветь на морозе.

— Разве так можно?

— На полставки, — сказала Надя. — А ты чего тут?

— Да вот, ищу, куда устроиться.

Ее губы сложились в едва заметную ухмылку.

— Здесь не так плохо. Дети нормальные. Руководство — тоже.

- Пропустишь? — спросил Сергей, указывая на калитку.
 - Сегодня в отделе кадров никого нет, лучше завтра приходи.
- Сергей вздохнул:
- Ох уж эта бюрократия! Только и бегай за ними.

Теперь Надя улыбнулась по-настоящему. Редкое для нее явление. Даже странно, что в последнее время она такая улыбчивая. «Неужели настолько рада моему увольнению?» — подумал Сергей.

Повисло неловкое молчание. Надя, судя по всему, хотела что-то сказать. А Сергей просто стоял, оглядываясь вокруг. Ему некуда было торопиться.

- Может, это... зайдешь кофейку выпить? — вымолвила она наконец.

- Кофейку мне сегодня хватит, — покачал головой Сергей. — А вот чайку — можно.

Надя жила буквально напротив школы. Поднялись на самый верхний, девятый этаж дома, она отворила дверь в скромную двухкомнатную квартирку. Размера та была вроде бы стандартного, но из-за обилия мебели и разных лишних предметов походила на малосемейку. Приходилось держать руки вдоль туловища, чтобы ненароком не сбить какую-нибудь вазу или корзинку с побрякушками.

От всего в квартирке веяло духом собирательства, начиная с рядов шампуней и гелей в ванной комнате и заканчивая башнями кастрюлек, железных коробочек из-под кофе и тремя витиевато расписанными разделочными досками. Сергей понимал, что собирала это не Надя, но если бы выяснилось обратное — нисколько не удивился бы. Примерно так он и представлял себе жилище физички.

- Тебе просто черный или с бергамотом?

- Давай черный, — ответил Сергей. — А у вас вакансия учителя английского есть?

- Не знаю. Середина учебного года, надо спрашивать...

- На полставки хотя бы. Вряд ли я надолго.

Надя посмотрела на бывшего коллегу вопросительно. Ее жидкие темные волосы свисали с головы, как листья зачахшего в домашней духоте растения.

- Что это значит?

- Может, я скоро в гимназию вернусь.

Старый железный чайник засвистел на плите.

- Не думаю.

- Ненавидят меня там?

- Нет. Вернее, не знаю. Но после... *такого* не вернуться. По крайней мере, не так быстро.

Разлив в бокалы кипяток, Надя насыпала себе две ложки сахара и поглядела на Сергея.

- Одну, — сказал тот.

Сев рядом, Надя стала размешивать сахар в бокале.

- Что ты задумал?

- Я же говорил, что буду бороться. Первый шаг сделан.

— Ты серьезно?

Облокотившись на подоконник, Сергей загадочно произнес, стараясь выглядеть максимально убедительным:

— Я всегда серьезен.

— И что за шаг, если не секрет?

— Если бы ты отнеслась к этому нормально, а не так, то...

— Как «так»?

Сергей попробовал отпить чай. Горячо.

— С усмешкой.

Тут Надя действительно усмехнулась. Сергея это почему-то порадовало. Легкая улыбка хоть немного красила ее тусклую физиономию.

— Вроде я не самый смешливый человек на планете.

— Хорошо, — согласился Сергей. — Я познакомился с журналистами, и выйдет большой репортаж.

— Это и есть шаг?

— Мало? Поднимется резонанс, Бокарову придется как-то выкручиваться.

Сергей посмотрел на холодильник. Тот был увешан всевозможными магнитиками с животными. Из городов присутствовали Анапа, Сочи и Минеральные Воды.

— Я думаю, ты этим только усугубишь ситуацию с гимназией, потому что отвечать будет Алия Саитовна. Бокарова это не затронет.

— Увидим. Осталось недолго.

— А дальше?

От закрытого окна ощутимо тянуло холодом.

— Будет зависеть от реакции.

— Допустим, ее не будет, — предположила Надя.

— Придумаю что-нибудь еще. В любом случае надо устроиться на работу. Чтобы шел стаж и все такое.

Надя шевельнулась на стуле, и тот скрипнул на всю кухню.

— Вот уж не думала, что тебя стаж волнует.

— Не в виде записи в трудовую. Скорее как факт.

— Ну-ну.

Сергей взял из вазы конфету «Коровка» и стал медленно разворачивать. Конфета была размякшая, слой ириса оставался на бумажной обертке.

— Ты на моем месте так бы не сделала?

— Не уверена. — Надя вздохнула. — Не уверена, что оказалась бы на твоем месте. Извини, но все-таки ты сам виноват.

— Я бы на твоем месте тоже не оказался, — отчеканил Сергей. — Как по мне, ставить всем хорошие оценки и любой ценой избегать конфликтов — это не тактика уважающего себя преподавателя.

Лицо Нади скривилось в какой-то странной гримасе.

— Ты думаешь, что один такой умный? Плавали, знаем! В обычной школе тебе надо работать, раз такой принципиальный. Гимназия — это компромисс. В данном случае — между благополучием учителя и спокойствием родителей.

— В образовательном процессе компромиссов быть не может. Ты или учишь, или только проводишь в классе время. Ставя оценки просто так, ты обесцениваешь саму профессию, даешь ученикам возможность тебе на шею сесть.

Сергей откусил конфету, и жидкая начинка капнула на скатерть.

— Ах вот ты как думаешь? — Надя покраснела. — То есть, по-твоему, я плохой учитель?

— Я же не физик, чтобы знать, какой ты учитель. Но когда раздаешь от балды оценки, это характеризует тебя не с лучшей стороны.

— А что я должна делать? Ставить всем двойки? Почти в любом классе от трети до половины учеников ничего делать не хотят. Они ездят к пяти репетиторам в день, а в школе просиживают штаны до совершеннолетия, чтобы получить аттестат и уехать в Москву, Лондон или еще куда-нибудь. В их жизни все уже устроено.

— Ты для этого в педагогический шла? — Сергей вытер скатерть салфеткой. — Чтобы помогать мажорам-тунейдцям отсиживать время до отъезда из страны? Тамадой быть?

Надя замолчала. Фигура ее съжилась, лицо осунулось, а ложка, до этого спокойно болтавшаяся в бокале, оказалась в руке, глухо отбивая по столу ритм.

— Я шла в педагогический, Сережа, чтобы иметь возможность хоть как-то планировать свою жизнь. Чтобы знать, что не окажусь на грани, как в девяностые. Отец уехал за границу и забыл о нашем существовании, а маму из НИИ уволили, и мы ели то, что выращивали в огороде. Ты-то не застал этого времени. А я хоть и была маленькая, но прекрасно помню, как мы стояли на толкучке возле драмтеатра и продавали отцовские вещи, которые он не смог утащить в Америку. И суп этот водянистый, где вместо мяса плавал фарш из консервов. Я костями лягу, но за свое место рабочее буду держаться!

— Не настолько ты меня старше, чтобы помнить... — начал было Сергей, но осекся. — Я не виню тебя. У меня у самого в семье всякое в те годы происходило. Но должна ведь быть на свете справедливость? Если ее и в школе нет, то чего от этих детей в будущем ожидать?

— Ты вроде английский преподаешь, а не философию. Есть вещи, которые мы никогда не изменим. Это не нашего ума дело. Так зачем портить себе жизнь?

Сергею на это нечего было сказать. Его позиция строилась не на чувстве всеобщей несправедливости, а скорее на необходимости доказать окружающим собственную важность. Школа — это место, откуда все начинается. Она должна формировать в человеке скелет, на который затем жизнь нарастит и мышцы, и кожу.

— В любом случае у меня нет выбора. Масштаб влияния Бокарова неизмеримо больше того, что может простой учитель английского. Но если я не попытаюсь, не сделаю все от меня зависящее, то спать спокойно не смогу. Чему я детей-то буду учить, если сам сдамся?

— Ты языку их учишь, а не выживанию. Господи, ну и каша у тебя в голове! Начитался ерунды всякой.

Словно не замечая сказанного, Сергей продолжил:

— Для меня весомым козырем было бы раздобыть видеозапись с камеры наблюдения. В гимназии же каждый закуток просматривается: кто где курит, кто куда ходит... У охранника на компьютере это все хранится или где-то на сервере, я точно не знаю. Но если заполучить запись...

— Это уже тянет на уголовное дело. Даже не вздумай!..

Сергей прервал собеседницу:

— Знал бы, как это проверить, — ни минуты бы не раздумывал. Выкрал бы, взломал... Как угодно! Правда на моей стороне.

Надю от одной мысли о такой аванюре бросило в дрожь.

— Будешь потом об этой правде сокамерникам рассказывать, когда закинут тебя на зону. Мало того что уволили, так еще и в гимназию ночью влез.

— Ну спасибо, поддержала! — подвел итог Сергей, как будто действительно ожидал от этой женщины какой-то поддержки, пускай даже только на словах.

Они сменили тему и поговорили еще минут тридцать. Выпили по второму бокалу чая. Затем Надя сообщила, что скоро должна прийти с работы ее мама. Да и Сергею пора было уходить — хватит болтать.

На улице смеркалось. Тяжелые тучи висели удивительно низко, напирая распухшими боками на бетонные бруски домов. Казалось, с верхнего этажа их можно проткнуть палкой. Может, поэтому и шел снег — мелкий, как пыль. До назначенной встречи с Леной оставалось еще какое-то время, однако домой возвращаться не хотелось, и Сергей сразу двинулся к ней во двор, хотя идти до него было далековато.

Ему понравился этот случайный разговор с Надей. За то время, что они ездили на одном автобусе, ничего похожего между ними не происходило. Она всегда была несколько зажата, говорила туманно и скомканно, словно опасалась лишних ушей. Теперь же, когда было понятно, что Сергей на километр не приблизится к зданию гимназии, Надя успокоилась и могла говорить по-настоящему, как свободный человек, а не боящийся каждого шороха наемный работник. С другой стороны, если раньше она казалась Сергею жертвой системы и вызывала жалость, то после сегодняшнего разговора выяснилось, что это ее осознанная, взвешенная позиция. Сергей не мог с ней согласиться, но его мнения и не спрашивали.

Может, не стоило ей лишнее рассказывать?

Вот и двор Лены. Сергей набрал номер, и она ответила как ни в чем не бывало:

— Уже бегу!

Машина ее отца, старый внедорожник Toyota, стояла припаркованная поперек палисадника, наехав правым колесом на ледяной бугор. Знакомая фигура курила возле подъезда, жадно втягивая в себя дым.

— Здравствуйте, Геннадий Антонович!

— Привет, Сергей! — Мужчина протянул руку. — Ты к нам?

— Пойдем в кино сейчас.

Отец Лены был коренастый, среднего роста, всегда с короткой стрижкой и гладко выбритым узким лицом. Он ходил в темно-синем пиджаке, брюках со стрелкой, выглаженной белой рубашке и черных, начищенных до блеска ботинках. Сергей понятия не имел, где он работает. Да и знать особо не хотел — может, в силовом ведомстве.

— Что-то редко ты к нам заходишь, Серег. Жена постоянно о тебе спрашивает. Может, поднимешься — чайку выпьем?

Сергей избегал бывать у Лены при ее родителях. Не то чтобы они были какие-то неприятные или плохие люди. Вполне обычные. Просто Сергею казалось, что это ни к чему. А учитывая, что ее мать работала ненормированно — или, вернее сказать, почти не работала, — был он в их квартире всего раза три. В том и прятался корень проблемы их с Леной уединения. Приводить же девушку к себе домой Сергею было просто стыдно: не такой уж там хороший ремонт, а его комната до сих пор походила на лачугу пятнадцатилетнего подростка — с постерами супергероев на стенах и старыми игрушками. Поэтому приходилось выкручиваться, снимать чужие квартиры посуточно.

— В другой раз. У нас скоро сеанс.

— Ну смотри.

Бросив бычок в сугроб, отец Лены открыл домофон своим ключом и ушел. Чтобы не застудить ноги стоя на месте, Сергей отошел к пустой детской площадке и двинулся по ней взад-вперед. Мужик с балкона соседнего подъезда что-то громко декламировал в пустоту. Его бессвязная пьяная речь отражалась от стен соседних домов и эхом возвращалась назад. Он словно спорил сам с собой, пытаясь перекричать эхо. Наконец его втащили в квартиру, и на некоторое время двор погрузился в тишину. Лишь редкие машины шуршали по свежему снегу, выезжая со двора на улицу. Зажглись фонари — и вид окрестностей преобразился.

— Мама обиделась, что ты не поднялся, — сходу заявила Лена, прыгая в объятия Сергея.

— Мы так в кино опоздаем.

— Врунишка! Ты просто боишься моего папу.

— Не выдумывай.

Сергей нежно поцеловал девушку в губы.

— Ой, холодный! — отметила Лена. — Как будто весь день тут стоял!

— Идем, а то все места разберут.

До торгового центра «Калейдоскоп» было в прямом смысле рукой подать, но Сергей и этот отрезок пути прошел нехотя, через силу. За день он успел нагуляться, поэтому ноги немного гудели. На парковке был, как всегда, аншлаг. Приходилось лавировать среди машин. Отовсюду кто-то сигналил, моргал фарами — парковался, мешая проходу.

Кинотеатр тоже оказался забит до отказа. На ближайшее время было три сеанса: любовная драма, русская комедия и очередной супергеройский фильм, завершающий прокат. Если раньше Сергей следил за всеми супергеройскими фильмами и знал расписание премьер на полгода вперед, то теперь выбросил эту чушь из головы. Негоже учителю интересоваться подобным вздором.

— Куда пойдём? — спросила Лена. Звучало это как шутка, потому что она уже знала куда.

— На супергероев? — предположил Сергей в шутку.

— Да! Отличная идея.

Сергей ожидал другого ответа. До сеанса супергероев ждать было дольше всего, и он понимал, что столько не выдержит. Поэтому попробовал предложить другой вариант:

— Давай на комедию.

— Издеваешься?

— Нет, — сказал Сергей, смотря на часы. — Может быть уморительная дрянь.

Лена громко возмутилась:

— Да это для идиотов кино!

Очередь подходила к кассе, и парни впереди грозно оглянулись. Их вид явно свидетельствовал о том, что они купили билет на комедию.

— Давай хотя бы на драму, — пошла на компромисс Лена.

Сергей радостно согласился. Это был его излюбленный педагогический прием — создать условия, при которых ученик сам выберет нужный вариант и не будет ощущать, что ему его навязали.

До драмы, правда, тоже пришлось ждать целый час, и Сергей с Леной провели его в кафетерии. Они сели в центре зала, потому что остальные места были заняты. Рядом с ними постоянно шныряли люди с подносами, бегали дети. Отовсюду звучала чья-нибудь речь, долетали обрывки чужих диалогов. Лена без конца что-то тараторила, но Сергею это было настолько неинтересно, что он с куда большим удовольствием подслушивал чужие беседы. Впрочем, те тоже не содержали особого смысла: болтовня о работе, о кредитах, нытье в ожидании весны. Скоро от шума начала гудеть голова, и Сергей уже считал томительные минуты до фильма.

— Ты меня вообще слушаешь? — спросила Лена грозно.

— Да, — ответил Сергей, нащупывая концом трубочки последние капли газировки в пластиковом стакане. — Тут слишком шумно. Пошли.

Битком набитый зал бурлил, как котелок ухи на летнем костре. Кто-то кряхтел, кто-то в соседнем ряду громко комментировал каждый увиденный на экране момент, сзади чавкали и шуршали попкорном. По левую руку целовалась парочка, издавая неприятный, похожий на хлюпанье тряпки по линолеуму, звук. Да и фильм ожидаемо был ужасный. Такой не жалко и пропустить. Сергей вообще не был настроен его смотреть. Мыслями его владели совсем другие вещи: неминуемый выход статьи, завтрашнее занятие с Полиной, устройство на работу в новую школу. Легкомысленная беззаботность Лены, обычно приятная и веселящая, сегодня злила и отвлекала.

— Ну как? — спросила она на выходе из зала.

— Могло быть и лучше.

— А по-моему, здорово! Может, и хорошо, что не пошли на супергероев.

Обняв подругу, Сергей сказал:

— Главное, чтобы тебе нравилось.

На обратном пути они почти не разговаривали.

— У тебя все нормально? — поинтересовалась Лена.

— Да. А что?

— Ну какой-то ты грустный... Это из-за работы?

Немного подумав, Сергей ответил:

— Все навалилось как-то сразу. Да и погода такая... В сон клонит.

— Ой, не говори! Я сегодня полдня проспала!

Лена засмеялась. Сергей тоже выдал из себя смешок. Они подошли к подъезду. Внедорожник Toyota успело занести снегом.

— Люблю тебя! — вдруг произнесла Лена и крепко прижала Сергея к себе.

Они стояли посреди узкой дороги, слушая приглушенный шум соседней улицы и редкий звон посуды из ближайших окон. Фонарь над их головой погас, перегревшись, и они словно растворились в морозном февральском воздухе. Двор пятиэтажного дома тихо дремал, укрывая пару во мраке своих объятий. Идиллию нарушила машина такси: выстрелила лучами фар по их лицам, медленно прокатила мимо и остановилась у соседнего подъезда.

— Пока! — сказал Сергей, и Лена пошла к двери.

Он махнул девушке рукой, когда она мелькнула в окне подъезда. Жила Лена на четвертом этаже, поэтому Сергей видел ее еще в двух окнах. Она каждый раз радостно махала ему в ответ.

В такси села женщина в дубленке до колен, держа за руку укутанного в зимний комбинезон ребенка — непонятно, мальчика или девочку. Такси отъехало, оставляя за собой шлейф дыма, пахнущего продуктами горения бензина. Сергею с детства нравился этот странный химический запах.

Он медленно побрел к остановке.

* * *

— Вы бы еще в мае пришли! — недовольно буркнула крупная женщина в годах, разглядывая Сергея.

— И все же. У вас есть потребность в учителях английского?

— Есть, есть. Что вы, говорите, оканчивали?

Сергей не говорил.

— Педагогический.

— Наш?

— Не знаю, ваш ли. Местный.

Женщина в ответ на замечание Сергея фыркнула с нескрываемым раздражением. Затем сняла трубку, позвонила кому-то и позвала в кабинет.

— А до этого где работали?

— В шестьдесят шестой начинал.

— Сочувствую, — сказал невысокий суховатый мужчина с короткими седыми волосами. Хлопнув дверью, он подошел к Сергею и приветливо протянул руку: — Здравствуйте!

Рукопожатие с ним было вялым, как будто потрогал куриное филе.

— Вот, Андрей Владимирович. Учитель английского. Хочет у нас работать.

— Это похвально, мой друг. Учителя толковые нам всегда нужны.

— Из шестьдесят шестой-то! — усмехнулась женщина. — А потом где были?

Трудовая книжка Сергея лежала на столе, перед ее носом. Закрытая.

— В гимназии.

— Ого! А чего же ушли? — удивленно спросил Андрей Владимирович.

Он стоял рядом со шкафом и зачем-то разглядывал сложенные там папки.

— Не сработался с коллективом.

Женщина пристально посмотрела на Сергея, словно надеясь отыскать там истинную причину. Не вышло.

— Можем предложить пока половину ставки. Летом одна учительница уйдет в декрет, и с осени возьмете ее нагрузку — тогда получится полная ставка.

«К следующему учебному году? Серьезно?» — удивился Сергей. Но вслух сказал:

— Нормально. Мне это подходит.

— Оставьте контактные данные и сходите в бухгалтерию. Они сделают ксерокопии нужных документов и ближе к концу недели позвонят. Или вы сами позвоните. Сейчас проверка быстро проходит.

— А можете рассказать немного о самом процессе? Что за учебники у вас, какая программа?

Вопрос вызвал у присутствующих небольшое смущение.

— Как какая? Школьная. По федеральным образовательным стандартам, — отрезала женщина.

— Тут вам не гимназия. Особого разнообразия не ждите, — добавил Андрей Владимирович. — Впрочем, получше, чем в шестьдесят шестой.

Сергей зашел, куда сказали, и сделал, что требовалось. Отношение к работнику тут, конечно, своеобразное. За полставки еще и разговаривают сквозь зубы. Да и сама школа внутри выглядела грустно, хуже, чем снаружи: вся потертая, двери скрипят, в гардеробе пахнет сыростью и канализацией. Даже окна в коридоре деревянные, отчего без куртки идти по нему зябко. Сергей очень не хотел бы тут задерживаться дольше, чем до лета. Одно его радовало: эти люди ничего о случившемся в гимназии не слышали. Короткие оказались ножки у слуха — через реку не перешел.

Вернувшись домой, Сергей провел остаток дня в радостном ожидании первого занятия с Полиной. Ехать предстояло в коттеджный поселок на отшибе. Это не было городом: поселок находился за кольцевой дорогой, на месте бывших совхозных полей. Даже на такси добираться туда оказалось долго. И дорого. Однако стоимость поездки ему обещали компенсировать. Целый час Сергей разглядывал унылые пейзажи спальных районов и всматривался в заиндеветые стекла автобусов, где мутными очертаниями проступали физиономии уставших людей. Миновав пробку,

такси выехало на кольцевую и заметно ускорилось. Через полчаса Сергей был на месте.

Машина остановилась у шлагбаума — дальше предстояло идти пешком. В обе стороны от шлагбаума расходились ровные линии улиц. На карте территория выглядела клетчатой, как тетрадный лист. Дома не очень отличались друг от друга, как напечатанные на принтере. И в остальном этот поселок был обычным микрорайоном, где вместо высотных «муравейников» построили двух-трехэтажные коттеджи. Узенькие нечищенные дорожки, где с трудом разъедутся две машины, высокие глухие заборы, отсутствие тротуаров — все это производило гнетущее впечатление.

Около ворот нужного дома стояла красная BMW X6. Сергей включил фронтальную камеру телефона и, нащупав рукой шарф, поправил его. Затем позвонил в домофон.

— Здравствуйте, Сергей Павлович!

С самого порога чувствовался нетипичный для дома запах. Была это странная смесь пряностей и цветов. Катерина, одетая в строгие черные брюки, серую блузку и голубого цвета пиджак, радостно улыбалась Сергею, показывая, куда повесить верхнюю одежду и какие тапочки надеть. Видимо, только приехала и не успела переодеться во что-то менее формальное. Тапочки Сергею выделили смешные, с лицом мультяшной не то собаки, не то крысы. Он не разобрал, потому что в этом доме и без того было на что поглазеть.

Со вкусом выполненный ремонт без излишеств, мебель, явно сделанная специально под конкретное место, ровно выкрашенные стены, растения по углам. Если снаружи дом не казался большим, то внутри за счет свободной планировки производил впечатление очень просторного. Каждая деталь интерьера, каждый стул, диван, рама у картины, даже половик на входе — ко всему приложил руку умелый колорист и дизайнер. На таком фоне арендный «лофт» в бывшем заводском корпусе, который так понравился Лене, выглядел дешевой пародией. Да уж, все познается в сравнении...

Сергей несколько растерялся, глядя по сторонам. Катерина это поняла и, легонько коснувшись его локтя, повела к лестнице на второй этаж. Комната Полины была, впрочем, обычной: заставленные куклами и другими игрушками полки, наборы для вышивки и прочего рукоделия, плюшевые звери на кровати... В окно ярко светил фонарь уличного освещения, ровно туда, где находился стол. Единственное, что Сергея удивило, — это отсутствие стационарного компьютера и каких-либо постеров с изображением любимых актеров или музыкантов. Для новых поколений это уже чуждо?

— Если что-то понадобится — я рядом.

Катерина скользнула в соседнюю комнату и прикрыла дверь. Настало время урока. Сергей никогда до этого не бывал в подобных домах, поэтому чувствовал себя тут не в своей тарелке, словно произошла ошибка и его быть в этих стенах не должно.

— Коллекционируешь куклы? — спросил он Полину, стараясь наладить диалог и немного успокоиться.

— Нет.

Сергей вертел головой по комнате. Возле кровати он увидел гриф гитары, торчащий из-за комода.

— А на гитаре играть умеешь?

— Плохо, — ответила девочка.

— М-м-м... Ну, куклы, наверное, всяко интереснее.

Полина недоверчиво смотрела на учителя, не зная, к чему тот клонит. Он и сам не знал — говорил первое, что приходило на ум. Окно пришлось зашторить, потому что фонарь слепил глаза, мешая сосредоточиться.

— Ладно. Расскажи, пожалуйста, какую тему вы сейчас проходите?

Полина открыла учебник и медленно, без особого желания стала показывать пальцем на упражнения, которые они недавно выполняли в школе. Сергею важно было определить ее уровень, понять, насколько тот соответствует актуальной школьной программе пятого класса. Одно дело, если девочка не разобралась с парой тем и ее требуется всего лишь поднатаскать за месяц-полтора. Совсем другое дело, если она давно перестала улавливать то, что делают на уроке, и просто отсиживается, ничего не понимая. Игорь Владимирович хорошо знал свой предмет, но как учитель был слишком снисходителен. Для него «четыре» — уже плохая оценка, а к тройкам он прибежал лишь в крайнем случае. Сергею про это не раз говорили сами ученики: «А вот в той группе Игорь Владимирович двойки не ставит... А вот у той группы домашки на зимние каникулы не было!» Что ж, как говорится, «у каждого педагога своя метода».

Полина отвечала нехотя. Устала за день или стеснялась, но Сергей так ничего толком и не понял о ее уровне английского. Вроде говорит как все, но стоит отойти от формального упражнения хоть на шаг — замолкает. Час прошел довольно быстро. Сергей решил к следующему разу ничего не задавать. Гимназическая нагрузка и так чрезмерная. Наверняка составители программы прекрасно понимали, что ученик все задания никогда не выполнит.

Хороший преподаватель, конечно, приносит с собой дополнительный материал и обязательно задает на дом грамматические упражнения или новые слова, но Сергей ничего не успел распечатать. Даже не вспомнил об этом. Тем более это было вводное занятие. Откровенно говоря, лучше, чем в их основном учебнике, задания вряд ли можно отыскать. Изданный в Англии на прекрасной глянцевой бумаге, с яркими цветными иллюстрациями и современными текстами, такой учебник — отличное подспорье учителю. Он не входил в перечень сертифицированных методических комплексов, но в гимназии по нему занимались с давних времен, с первого по одиннадцатый класс. Министерские проверки на это закрывали глаза. У Али Сайтовны и тут все было под контролем. Да уж, в простой школе учитель лишен такого удовольствия...

После занятия Сергей немного пообщался с Катериной. Спустившись на первый этаж, на кухню, они пили чай с медовым тортом и разговаривали. Она уже была одета по-домашнему, в светлые мешковатые штаны и толстовку с капюшоном, так называемое худи. Говорили не только о Полине — о всяком: системе образования, современных детях, учителях. Разговор плавно перетекал с одной темы на другую.

— Знаете, мне кажется, что современные дети менее способны. Вы так не думаете? — спросила Катерина.

— Нет, что вы! Скорее наоборот. У всех в телефонах скоростной интернет, можно любую информацию найти за секунду.

— Так никто ведь ее не ищет! Гаджеты используют для игр и чтобы видео смотреть. О каком уж тут образовании говорить...

Сергей отделил десертной ложкой кусочек торта.

— Это правда. Я стараюсь пресекать использование телефонов на своих уроках. Всё хорошо в меру и в нужное время.

— Мне кажется, дети сейчас живут в телефонах. Для них даже на полчаса оторваться — уже беда. Руки нечем занять.

— Вы все-таки немного утрируете. Но да, бывает, и на уроках умудряются играть. Некоторые ученики по-хорошему не понимают, — сказал Сергей, отпивая чай из прозрачного стакана с толстыми стенками. — Тем не менее мы о таких возможностях даже не мечтали.

— Мы? Я думаю, вы не намного отличаетесь по возрасту от современного поколения.

Сергей поспешил объяснить:

— Я имел в виду детей девяностых и старше. Когда любой реферат — это несколько часов поисков нужных книг в библиотеке, потом конспектирование, потом надо выучить и рассказать... Сам я этого не застал, но слышал не раз, в том числе от коллег. Сейчас это даже представить сложно.

— Знаете, такого и я уже не застала, — подумав, сказала Катерина.

— Я думаю, вы от моего поколения тоже не очень отличаетесь.

Катерина кокетливо посмеялась. Затем сменила тему:

— А вы никогда не хотели работать за границей? В Британии или США?

Сергея этот вопрос несколько удивил. Он зацепил ложкой еще один кусок торта.

— Кем?

— Ну преподавателем.

— Сомневаюсь, что жители Британии и США нуждаются в преподавателе английского.

Катерина поняла, что сморозила глупость, и поспешила исправиться:

— Ах, ну да! Я не подумала. А если не преподавателем? Кем-то ведь вы мечтали в детстве стать?

— Водителем автобуса. Но вряд ли это хорошая альтернатива. Во всяком случае, имея лингвистическое образование. Хотя бы и за границей.

— Какая необычная мечта, — заметила Катерина.

— А вы, — поинтересовался Сергей, — кем хотели стать в детстве?

— Не поверите.

— Актрисой? Космонавтом?

— Как бы не так! Кондуктором. Помню, как изрезала какую-то тетрадь на полоски и раздавала их соседям в подъезде. Вроде билетов. А потом оказалось, что в эту тетрадь отец долги записывал — кому надо отдать. До сих пор удивляюсь, что меня за это не придушили!

Сергей хотел было засмеяться, но не знал, насколько это будет уместно.

— У нас получился бы отличный тандем. Водитель-учитель и кондуктор... извините, не знаю, чем вы занимаетесь.

— Неважно, — отмахнулась Катерина.

По лестнице затопала Полина.

— Мам, а мы будем смотреть сегодня «Бронзовые костры»?

— Будем, можешь включать.

Полина прыгнула на диван, включила пультом плазменный телевизор и стала выбирать нужный канал.

— Смотрите с дочерью «Костры»? — удивился Сергей. — Это же взрослый сериал.

— Знаете, к ребенку надо относиться как к взрослому, мне кажется. Без этих вот сентиментальностей и сю-сю. Тем более в сериале ничего ужасного нет.

Сергей понятия не имел, что в нем есть. Он просто видел где-то назойливый рекламный баннер.

Настало время уходить. И так задержался. Казалось, что занятие шло меньше, чем они с Катериной болтали. Но часы фиксировали обратное: разговор занял от силы полчаса. Уже в дверях Сергей понял, что не обговорил расписание занятий.

— Давайте три раза в неделю, как изначально договаривались.

— Хорошо. До свидания, Сергей Павлович, — сказала Катерина.

Полина поднялась с дивана и встала рядом с матерью. Видно было, что ради приличия.

— Досиданя, — пробубнила она.

Вызвать такси оказалось огромной проблемой. Никто вечером не хотел ехать по такому странному маршруту, и поэтому заказ без конца отменялся. Простояв у шлагбаума минут сорок, Сергей ооченел до такой степени, что сенсорный дисплей телефона перестал воспринимать его пальцы. Наконец, каким-то чудом найдя в интернете случайный номер, он объяснил диспетчеру свое местоположение и его забрали старые «жигули» седьмой модели без каких-либо опознавательных знаков. Стоимость поездки оказалась даже ниже, чем при заказе через известные приложения. Но за это пришлось выслушивать бредовые разговоры немолодого, тучного водителя, его экспертное мнение о геополитике, климатических изменениях и о недостаточной роли граждан в вопросах распределения ресурсов страны.

Когда Сергей добрался до дома, на него накатила такая усталость, что буквально валила с ног. Наскоро поужинав, он закрылся в комнате, плюхнулся на неразложенный диван и быстро заснул с ощущением радостной легкости и в предвкушении чего-то большого и доброго...

Он даже представить не мог, что его ждет.

Продолжение в следующем номере.

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

В ЗАВИТКЕ АММОНИТА

* * *

Я узнала магию
взгляда синего...
А была оранжевая, колючая.
Умиротворенную,
отнеси меня
в лодку чистого случая.

Оттолкнемся от берега, уплывем
вдвоем.

По течению, бликам солнца и
осененные сводом ивовым...
Листья крутятся веретенцами,
откликаются кроны иволгой.

Чуть покачиваясь на реке —
рука в руке.

Чуть покачиваясь, подрагивая...
Правда — иволга? Иль мерещится?
Синеокая льется магия.
Вместо солнца — мерцанье месяца...

Ни к чему имена, слова...
Просто космоса синева.

* * *

Палатка, зимовье, приют у вокзала,
 утроба плацкарта.
 Кочуя, где только я не ночевала
 от марта до марта.

Засаленной шкурой, кедровой смолою
 и чьей-то печалью
 чудесно пропахло мое изголовье
 на месте случайном.

И двери мне лязгали, пели скрипуче,
 с утра подгоняя, —
 в дорогу, в дорогу, пока не наскучит
 стремиться до края.

Но в том-то и дело... зимовья, палатки...
 одна незадача:
 куда-то лететь налегке, без оглядки —
 в крови, не иначе.

Веление скифской пружинистой жажды
 близко и знакомо.
 И ужас, что где-то настигнет однажды
 предчувствие дома.

* * *

Футболит мир мячом.
 То пла́чу, то плачу́.
 Но есть еще плечо,
 в которое молчу.

Терплю свою тюрьму,
 секреты под замком.
 Но есть еще, кому
 открыться целиком.

Там золото глубин,
 там зелень глаз видна.
 За то, что он один,
 я для него — одна.

* * *

Спроси полярную звезду,
все мировое зло — зачем,
когда вращается на льду
американец Нейтан Чен?

Он виртуоз и чемпион
на языке любых культур,
скользит, шансону в унисон,
поет бессмертный Азнавур.

Спроси, спроси звезду Полярную,
зачем война и прочий мрак?
О, Нейтан Чен, в прыжке застынь,
как вопросительнейший знак!
Но даже Чен не может так.

А кто спросил — упал ничком
иль притворился дурачком.
И над пустынной из пустынь
звезда звезде горит молчком.

* * *

Слопал толпу целиком,
выплюнул тени с моста
поезд — железный дракон
от головы до хвоста.

Персик я (да неужель?).
Вещи повешу на крюк.
Рядом расстелют постель
вишня и старый урюк.

Ящер грохочет-урчит
сквозь чернозем темноты,
и зацветают в ночи
образов чьих-то сады.

Персика пенная взвесь,
вишни резная слюда.
Так и уедешь — не весь,
но неужель — навсегда?..

* * *

Хлеб горячий крошу голубям
на морозе зубастом.
Я прощаю, прощаю тебя.
Все. Отмучилась. Баста!

Птичье море волнуется бездной
цвета валюты.
Я прощаю тебя безвозмездно
и абсолютно.

Это... нет, не праща —
бросить камень вины побольнее.
Не хотела прощать,
но иначе сгую, сатанея.

Вот бы память порвать в лоскуты,
голубиной корочке!
Хлеб закончился, дурень, а ты
все воркуешь, топочешь...

Московская весна

Зацвело на Тверском.
Это повод пешком
воскрешать закоулки и дворики памяти, но —
ни о чем не жалея.

Намагниченный внутренний компас на Лит
сердцу врать не велит.
Маяковско-есенинский воздух игристый разлит
по вечерним аллеям.

И щекочут пузырьки где-то в душе,
в театральной афише опять Бомарше,
трижды Чехов, Шекспир — неизменно клише,
разве что постановки другие.

И другие в обнимку идут... Красота!
Целоваться укромные ищут места,
в омут ночи бросаются, словно с моста,
и выходят на берег нагие.

* * *

Мне нужна твоя нежность, чтоб не умереть,
уцепиться зубами за синюю твердь,
устоять на канате хорошего дня,
что желаешь мне ты, эсэмэской звеня.

Пробежать над руинами снов и страстей,
над чужими руками крапленых мастей,
ни о чем не жалея, не глядя во мрак...
Мне нужна твоя нежность — зеленый маяк.

Мне нужна твоя нежность на той стороне
мира в темном огне.

* * *

Великое в малом сокрыто,
вблизи открывается даль.
Смотри, в завитке аммонита
галактики нашей спираль.

Повесишь на грудь безделушку —
скорей под рубашкой согрей
невзрачную эту ракушку
со дна силурийских морей.

Не зря же она каменела,
вселенскую схему храня,
сквозь времени холод сумела
коснуться живого огня.

Галактик твоих завихренья —
рисунок ее образца.
Одно золотое сечение,
один отпечаток Творца.

Наталья БАКИРОВА

БЕЛЫЙ ШИПОВНИК

Повесть

1.

Марк подкатил на своем пепелаце, потер лысину и сказал:

— Ну что... Интервью твое с Бородиным я прочитал.

За окном у моего стола висела кормушка для птиц, и на карнизе, где слой легкого снега не скрывал клякс помета, перетаптывались голуби. У них был одобрительный вид.

А вот Марка, похоже, что-то смущало.

— Текст, Аня, надо сокращать.

С этими словами он развернулся и отъехал в свой угол. Там тоже было окно, в него скребли и толкались голые ветки яблони.

Опять, значит, снимок не входит. Кто вообще придумал, что у нас приоритет снимков над текстами!

— У нас приоритет качества, — строго сказал Марк.

Прямо как мой отец, чья любимая поговорка — «Гроб надо делать так, чтоб хватило на всю жизнь».

Спорить сейчас было нельзя. Я повернулась к тихо гудевшему компьютеру:

— Сколько знаков убрать?

— Две тысячи хотя бы.

— Две т... — Я закашлялась. — Ладно.

Марк остро глянул на меня сквозь очки:

— Так... похоже, кое-кому от меня что-то нужно.

Когда я рассказала про Башкирию, он опустил голову, выкатился из-за стола и стал ездить туда-сюда, проминая вздувшийся местами линолеум. Колеса противно скрипели. Дважды на моей памяти Марку торжественно вручали современные агрегаты, но Марк оба раза передавал их: один — родителям девушки, попавшей в автокатастрофу, а кому достался второй, даже из наших никто не знал.

— Видишь, Аня... — Марк дотянулся до выключателя, погасил уже ненужный электрический свет. — Что-то я вчера был совсем задолбавшийся... В общем, залез в интернет, путевку взял горящую. В Египет.

Он снял очки, почесал глаз.

— Тебя хотел за редактора оставить. В принципе, дел-то немного, только вот губернатор приезжает. Ты сильно в Башкирию хочешь?

В Башкирию сильно хотел Игорь.

— Уехать бы нам, Анька, — сказал он вчера. — Давай уедем! Куда-нибудь. Где нет твоего Марка, нет этих твоих Бородиных, с которыми ты — часами. Скажи, надо это? Разговаривать часами? Чтобы потом написать полторы страницы?

Ужасное у него все-таки имя. Будто дверь скрипит: «И-и-и-го-орь...» Попробуй договорись с человеком, обращаясь к которому нужно всякий раз скрипеть как дверь!

К вечеру я сварила харчо — настоящий, на копченых ребрышках. Глянцево-черное окно кухни запотело, в воздухе плавали синеватые клочки дыма: я еще и блинов успела нажарить. Теперь на них млело и плавилось сливочное масло.

— Суп? — Игорь, с мокрыми после душа волосами, уселся за стол. — И блины? Ничего себе! Что с тобой сегодня — готовить вдруг начала? И опять ты ходишь в моей рубашке!

— Могу снять... — Я затанцевала перед столом, расстегивая гладкие пуговички.

— Анька! Ну... прекрати... давай хоть поедим сначала... Перестань, наливай давай.

Я, сделав вид, что обиделась, поставила перед ним тарелку супа. Игорь взял ложку.

— А мама завтра эпочмаков настряпает. Я уже звонил, предупредил, что приедем.

Мама Игоря жила одна. Отца своего он не видел и не слышал до семнадцати лет — до того дня, когда, раздобыв номер телефона, набрал этот номер. Не придумав, на «ты» с отцом надо или на «вы», начал осторожно: «Добрый день...» «Добрый!» — согласился чужой веселый голос. «Кто это?» — осведомился. «Э, э! Не молчите!» — приказал. Игорь назвал свою фамилию, имя. И отчество. Веселье голос тут же утратил. «Мой номер забудь. Его для тебя не существует». П-папаша... Ненавижу, когда бросают детей!

— Ты чего? — Игорь, заметив мой взгляд, поднял голову от тарелки. Волосы у него уже просохли и стояли щеткой, лицо от горячего острого супа покраснело.

— Ничего. Ешь давай, ешь.

Мужику всегда надо сначала поесть. Даже Баба-яга — и та сперва накормит-напоит, а уж потом вываливает плохие новости. Мне до Бабы-яги далеко, но я все-таки стараюсь взять ее за образец.

С потолка внезапно спустился на нитке паук. Завис прямо над столом. Я метнулась к форточке.

— И-и-и-го-орь! Лови его, лови!

— Хочешь на мороз бедного паучка? — Игорь облизнул ложку. — Пусть живет с нами. Назовем его Иннокентий...

— Выкинь его, выкинь! Я не хочу оставаться тут с ним одна!

Ой.

— В смысле — одна?

Он выпрямился, скрипнула табуретка.

Забыв про паука, я принялась торопливо наговаривать: мол, Марк в отпуске, я вместо него, отвечаю за выпуск газеты, а к нам тут губернатор с визитом, и надо его встречу с мэром не пропустить, так что к маме завтра один поезжай, да ты ешь, ешь, я тебе добавки сейчас...

Однако Игорь есть не стал.

— Значит, ты уже за меня все решила. Хорошо. Уеду. Могу даже сегодня уехать, зачем ждать. Тебе ведь твой Марк, мэр — кто еще, губернатор? — в общем, левые мужики дороже, я так понимаю?

Через полчаса я осталась в пустой квартире.

То есть не в пустой. Где-то притаился Иннокентий.

* * *

Это просто слишком долгая зима, вот и все. Слишком много холода и темноты. Неизбежно они просачиваются внутрь, через, конечно же, проницаемую границу.

Небо с утра обложено тяжелыми облаками, и на душе тоже тягостно, смутно. В кафе Дворца культуры — никого, верхний свет не включили. И хорошо: нечего Фоминой любоваться моими красными глазами и опухшим носом.

Когда она вошла — высокая, рыжая, в сине-зеленом платье, — мне аж неловко стало за собственные джинсы-трубы, в которых, по выражению Игоря, «семеро умерло».

— Римма Васильевна, вы просто королева!

Она пожала плечами:

— Что еще остается, когда тебе шестьдесят?

Жужжала кофемашина, полутемный зал наполнялся горьковатым запахом. К кофе мы с Фоминой взяли венских вафель с семгой — а он пусть там жрет свои эчпочмаки! Рядом с тарелкой я положила диктофон.

— Конечно, со мной сложно, — говорит Фомина, — у меня — характер. За кулисами я порву всех: и что тихо сказал, и что не вовремя вышел, и что не держит паузу! Я тебе так скажу, Анюта. Самое главное в жизни — найти дело. Найти дело, которое для тебя — страсть. Если это получилось, то вообще все будет получаться. Потому что такое дело заменяет все, лечит от всего — пусть предательство, боль, пусть проблемы какие-то! Но когда спектакль выпущен, наступает минута... Вы, Анюточка, наверное, по утрам коньяк не пьете? Ну а я... Петенька!

Появился официант с умным лицом, подал бокал.

— Ужасная минута! — Фомина выпила и поморщилась. — Труд закончен — и все, ничего нет. Жить не хочется. Начинают одолевать болезни, капризы, неудобства всякие... Пока новая выдумка не придет.

По дороге в редакцию я думала о том, что и у меня своя ужасная минута есть — когда показываешь текст человеку, про кого он написан. Он ведь жил-жил: собаку на прививки водил, покупал обручальные кольца, не мог придумать, что подарить другу на день рождения... А ты про него — полторы страницы. Зато как здорово, если он, прочитав, скажет: да, это про меня!

— Нет, это не совсем про меня. — Бородин смотрит поверх распечатки, глаза у него бледно-голубые. — Вот сами послушайте...

И начинает бубнить, глядя в текст:

— «Из теории управления известно, что любое решение, связанное с инновацией, имеет риски, которые невозможно предсказать. Следовательно, фактор контроля — это кажущийся фактор: на самом деле человек не контролирует практически ничего». — Он отложил лист. — Я ведь говорил не совсем про это. Я говорил, что спонтанные решения тоже заслуживают доверия. Когда ты взвешиваешь, обдумываешь, ты строишь модель реальности, а модель всегда упрощает. А вот если что-то приходит в голову внезапно — значит, сама реальность в тебе отозвалась... В общем, надо еще поработать. Такой текст, по-моему, рано публиковать.

Рано публиковать! А что я в номер поставлю?

Желудок сжался, перед глазами заплясали острые блики.

В пятом классе меня сунули в команду по плаванию. Не то чтобы я хорошо плавала, но остальные плавали еще хуже. И вот мы в бассейне — соревнуемся с командами других пятых классов. Солнце лупит в громадные окна, от воды пахнет хлоркой.

Это была эстафета: проплыл по дорожке, коснулся бортика — прыгает следующий. Я бухнулась в воду, рванула вперед — никого рядом, я лучшая! Но в пяти метрах от финиша кончились силы. Не могу плыть — и все. Уцепилась за жесткий ребристый канат, повисла. Мимо в блеске брызг проносятся и финишируют соперники. На бортике подпрыгивает товарищ по команде в красных трусиках. Слепит расплавленное в воде солнце. Вопят больельщики. Что-то кричит в мегафон судья...

— Надо было ползти по этому канату! — сказал отец.

— Утонуть надо было.

Когда с тобой никто в классе не разговаривает, ты и правда думаешь: ничего хуже в твоей жизни уже не случится.

Послав Бородина ко всем чертям («Хорошо, Евгений Нилович, мы не будем это печатать»), я села к компьютеру. У меня было три часа до отправки газеты в типографию и запись разговора с Фоминой.

* * *

Марк гонял пепелац туда и сюда, скрипел, бряцал, на меня не смотрел. На его лысине, коричнево-лаковой от египетского солнца, горел электрический блик.

— Я вроде справилась? — осторожно спросила я.

Провозилась, конечно, до ночи — уговорила типографию подождать. Хорошо хоть, Фомина согласовала текст, не моргнув глазом. Возможно, потому, что мы опять встретились в кафе, где все еще был на смене умный Петенька...

— Аня, — Марк упорно глядел в сторону, — Аня, а как это вышло, вот то, что у тебя на первой полосе?

На первой полосе был плановый материал, в меру занудный: «визит главы области», «ответственные решения в средних эшелонах власти», «социальная политика региона»...

— Ты же сам, — начала я, чувствуя, что кто-то заменил мне сердце холодным пакетом молока и он жидко шевелится в груди, — сам же ты просил не пропустить встречу мэра и губернатора?

— Я же не просил тебя издеваться над ними!

Я схватила газету. Передовицу украшал большой снимок: мэр наш Сергей Петрович Мальшев и губернатор, сияя выученными улыбками, пожимали друг другу руки. Заголовок над снимком гласил: «Алкоголизм — наша общая проблема».

— Ну и что тут такого?

Игорь вернулся из Башкирии взбудораженный, оживленный, с новеньким казаном. Заявил, что сейчас накормит меня пловом, а когда обнаружилось, что в доме нет риса, как-то неожиданно легко согласился вместо плова готовить гуляш. Я начала мыть картошку, но он оттеснил меня от раковины:

— Пусти, я сам. Ты, когда чистишь, половину срезаешь с кожурой.

Чистить картошку меня учил отец — маме-то было некогда: миллион студентов, и каждому вправь мозги.

— На, лук порежь. — Игорь протягивает мне луковицу. — И не переживай ты насчет этого заголовка! Недосмотры у всех бывают. Тем более Петрович реально алкаш. Помнишь, в каком виде он вышел народ с Новым годом поздравлять?

— В чем и дело! — Я начала шинковать лук. — Осенью выборы. Он может подумать, что это не просто недосмотр.

— Ну и что он тебе сделает? Уволит? Так я давно говорю, бросай ты эту свою редакцию. Домом наконец займешься! Вон какая пылища на холодильнике.

Чертов лук. Как же он глаза щиплет...

Игорь взглянул на меня, бросил недочищенную картофелину в раковину, шагнул, взял за плечи мокрыми руками, притиснул к груди.

— Ну, перестань! Анька! Все будет хорошо, слышишь?

Я шмыгаю носом.

— Пойдем уток кормить, — говорит он внезапно. — Давай, давай, одевайся, гуляш подождет. Батон-то дома есть, я надеюсь? Бери его, и пошли.

Есть такие растения — как их? Высокие, с человека; белые цветы зонтиками, резные листья. У нас они растут на берегах Пышмы в том месте, где зимуют утки. Голые стебли торчат из-под снега, на высохших

зонтиках — маленькие сугробы. Я прикрываю нос варежкой: может, от влажности мороз тут кажется сильнее. Вода в реке черная, от нее поднимается пар, и солнце, которое уже садится, окрашивает его в оранжевый цвет. А уток нет. Улетели?

— Куда они улетят? Плавают где-то. Давай подождем. — Игорь отламывает кусок от батона, жует.

Мы познакомились в гостях у Галки Ошевой. Пили горячий несладкий чай — у Галошевой вечно сахара нет в доме, — вспоминали разные нелепости из жизни редакции. «Весело с вами, девушки!» — говорил Игорь. И улыбался. Лицо у него... Оно суровое скорее. Да и некрасивое, прямо скажем. Отец говорит: морда ящиком. Но вот улыбнется — и все, хочется с ним на край света пойти.

Очень скоро стало ясно: подавить желание ляпнуть Игорю, что я хочу с ним на край света, не удастся — оно само как-нибудь ляпнется. Вскочив, я заявила, что мне пора, и унеслась в прихожую.

Унеслась в прихожую, начала одеваться. Они вышли проводить. Я влезла в пальто — черное, драповое, до сих пор ношу, кстати, — сунула руку в карман за перчатками, но перчаток там не оказалось, а оказалось там что-то гладкое и прохладное, как будто южный камешек, обточенный морем.

Игорь смотрел на меня с непонятым выражением. Галошева тоже.

— Аня, может, ты лучше свое пальто наденешь?

Вот тут боженька взял за несуществующую шкуру мое витавшее где попало сознание и всунул обратно в брэнное тело, которое стояло, приуныв и свесив руки в длинных, ниже кончиков пальцев, рукавах чужого пальто.

— Это мое, — сказал Игорь. — Давай я тебя провожу, что ли, Аня.

Мы вышли из подъезда, и нас подхватил сентябрь. В том году он пришел незаметно, почти не потревожив летнего тепла. Тополя, конечно, всюю облетали, зато шиповник зацвел второй раз, и аптечная ромашка еще достаивала свое. Только по вечерам холодало.

Мы шли через парк, вспарывая ногами кучи тополиных листьев, а в небе — уже потом я узнала, что так выглядит лунное затмение, — в небе висел удивительный месяц: отчетливо было видно, что это освещенный бок шара. И сам шар можно было разглядеть тоже, он выделялся на фоне неба. Явный шар, небесное тело!

— А ты помнишь, — Игоря спрашиваю, — как мы с тобой познакомились?

Он дожевывает кусок.

— Конечно. Я тебя из гостей провожать пошел. Подумал: заблудится ведь еще, рохля!

Делаю зверское лицо, толкаю его в сугроб, — падая, он успевает схватить меня за руку, и мы долго возимся в снегу, словно годовалые бестолковые собаки хаски.

В конце февраля морозы стали перемежаться оттепелями, так что яблоня возле редакции обросла сосульками. Они блестили в свете фонаря

и слегка покачивались от ветра, задевали друг друга. Может быть, даже звенели — мне через окно было не слышно.

— Марк... а что, Петрович сильно злился? — спросила я, глядя на яблоню.

— Сильно. Но я все равно его убедил, что ты не вредитель и не подкуплена конкурентами, а просто дура.

— Ты лучший! — Я отвернулась от окна, подскочила к Марку, зацепившись в полутьме за край стола, и смачно чмокнула в щеку. При этом чуть не свалилась к нему на колени: бокал-то опять был уже пустой.

— Э, э! Держите себя в руках, девушка!

Стихийный праздник начался с того, что хотелось есть, а сходить и поесть было некогда — как всегда в день сдачи газеты. Марк достал кошелек, попросил нашего фотографа и верстальщика Валеру:

— Сгоняй до Сахила, возьми шашлыка, ладно? А я пока — в мэрию.

И он уехал в мэрию, а Валера ходил еще и за вином, потому что есть вещи неправильные и есть вещи некрасивые, а мясо без красного сухого вина — это и неправильно, и некрасиво. А потом он вернулся, Марк, да с чудесной новостью, и я уже сама полетела в магазин...

— Ну — за то, что наша Анька все еще с нами!

А потом мы разговорились.

Разговориться — это как разгуляться: стихия. Мысли врезаются друг в друга, аж звон стоит. Сохранилось в памяти, как я кричу о том, что такое любимое дело. Когда человек лишен возможности заниматься любимым делом, кричу я уже не вспомнить какими словами, — он болеет, вырождается и вообще исчезает с лица земли: от него отворачиваются Бог и природа.

— Не-ет! — говорит Марк. — Дело ни в коем случае не ценно само по себе. Оно нужно... молчи! Сейчас скажу, для чего оно нужно...

— А я знаю! — говорю я.

— Дело, — говорит кто-то из нас, — это способ общения человека с миром.

Откуда мне было знать, что Игорь подменился со смены? Что решил сводить меня на спектакль Фоминой, что купил билеты? Спектакль начинался в девять, и если бы я пришла домой хотя бы к восьми...

В одиннадцать он пришел сам. Прямо в редакцию. Выражение его лица я различала смутно.

— Алкоголизм, — важно сказала я любимому мужу, — это наша общая проблема!

2.

Утром, проводив его на работу, я завариваю кофе. Беру молотый и заливаю кипятком. Потом иду в ванную, включаю душ, открываю шампунь. Зажмурив глаза — а едкая пена все равно в них попадает, — превращаю волосы в белую шапку. Становлюсь под рожок, под горячие струи. А когда отдергиваю занавеску и протягиваю руку за полотенцем, из-под ванны выплывает, покачиваясь, красный пластмассовый тазик.

И так каждый день. Лезут, ломятся в жизнь какие-то бытовые неурядицы, преодолевают проблемы, возникают странные капризы.

Вдруг настигло желание купить ковер. Действительно. Ведь все нормально, все хорошо у меня. Прекрасно просто! Только ковра не хватает.

— Давайте вызову вам такси, — говорит продавщица, прислонив к стене увесистый плотный рулон, в двух местах обвязанный веревочкой. При виде его водитель, подавив вздох, идет открывать багажник.

Мы едем мимо Дворца культуры, перед которым громоздятся невесть откуда взявшиеся вагоны, машины, огромные щиты. Рука тянется за телефоном: позвонить, узнать! — еще успею дать новость в газету... Рефлекс.

— Скажите, — смотрю на водителя, — вам когда-нибудь приходилось отказываться от чего-то, что вам правда нравилось делать?

Игорь о ковре ничего не сказал. Он теперь вообще старается со мной не спорить и от ссор, на которые я то и дело нарываюсь, уклоняется. Водит в кино, в кафе; на Восьмое марта потащил к себе на корпоратив — жалкое подобие наших праздников в редакции! — а сейчас, игнорируя тему дорогой и ненужной покупки, командует:

— Анька! Собирайся. К нам зоопарк приехал. На площади перед ДК — видела, может?

Площадь заполнял густой тоскливый запах зверинца.

Клетки стояли рядами. В одной спал лев, бессильно свесив лапы сквозь прутья. По другой кругами бегал волк. Внутри было тесно, круги от этого выходили мелкие — волк как бы пытался поймать собственный хвост. Верблюд осторожно брал губами с протянутых ладошек крошки попкорна. Я попыталась представить его в песках: палит солнце, тут и там распластались вараны, а он идет себе мерным шагом, и слегка покачиваются горбы...

Хмурый мужик, непрерывно курая, мотался туда-сюда, таская за собой оседланного пони. Кататься на нем никто не хотел.

Игорь протянул мне мороженое.

— Я знаю, чего ты киснешь: торчишь все время дома одна. Взяла бы да Галке Ошевой позвонила! Она ведь тоже, как я понимаю, домохозяйка?

Налетел низкорослый ветер, завертелся под ногами, волоча окурки, обертки, смятые синие билетки — маленькие и жалкие, как обрывки планов на жизнь. Мороженое противно скрипело на зубах, в нем попадались острые льдинки.

* * *

Апрель приходит неожиданно яркий и солнечный.

На Таховском бульваре греются голуби и старушки; на разошедшие спинки скамеек пенной массой наваливается сирень. И мы с Галошевой тащимся: она с фотокамерой, я с двумя пакетами из магазина.

— Хочется, — говорит Галошева, — каких-то перемен в жизни.

Отбегает в сторону и, присев, направляет на меня объектив.

— Как-то все устоялось, понимаешь, — говорит из-за камеры. — Морду сделай попроще. Такой вид, будто ты кого-то убила, расчленила и теперь в пакетах тащишь на мусорку... Раньше думала: вот отучусь в институте. Потом: вот на работу устраюсь! Потом: вот замуж выйду, вот разведусь, вот снова выйду. А теперь вроде и ждать нечего.

Я пожалала плечами. Вернее, попыталась: пакеты были тяжелые.

— А, ладно! — утешилась Галошева. — В конце концов, мы еще не старые. Вся жизнь впереди!

Жизнь была впереди, конечно. Простиралась, как Таховский бульвар. И я шла к своему тридцати-, а потом сорока-, а потом семидесятилетию, волоча пакеты с картошкой, мороженой курицей и пельменями.

Иногда звонил отец. Говорил: «Привет, туняедец! Что делаешь? Суп варишь? Ну-ну». А один раз спросил прямо: «Я так и не понял: почему ты все-таки уволилась из редакции?»

Эх, папа...

— Анька, ты с ума сошла! — сказал Марк. — Я это не подпишу, убери немедленно. Все понимаю, трудности в семье.

При слове «трудности» я отвела глаза, было невыносимо стыдно за тот скандал, который устроил Игорь, за то, что он мне — при Марке! — наговорил.

— Но ведь это пройдет, он у тебя успокоится.

Я смотрела в пол, на то место, где ползала на коленях, собирая осколки диктофона. Молчала. Что тут было говорить.

Работа не хотела отпускать: постоянно кто-то звонил, писал на электронную почту, и надо было опять и опять рассказывать, что я уже не... С каждым рассказом факт укреплялся, тяжелел, становился ношей, которая пригибает к земле.

Пакеты оттягивают руки. От запаха сирени начинает болеть голова.

— Слу-ушай! — вдруг выдает Галошева. — А давай магазин откроем! Цветочный.

Иногда ей просто не знаешь, что сказать.

— Галя... Ты ведь даже не разбираешься в цветах.

— Как это не разбираюсь? — обижается она. — У меня дома фикус есть. Ты думаешь, это так, тьфу? Между прочим, в тропиках растет целая роща из одного фикуса. Ему три тысячи лет. Христа еще не было! А фикус был.

Повертеть пальцем у виска мне мешают пакеты.

— Ничего не получится, — говорю. — Мы с Игорем уезжаем послезавтра.

— Куда еще? — подозрительно спрашивает Галошева.

— В Башкирию, на майские.

Вот говорят: русское гостеприимство. Это те говорят, кто башкирского не испытал. На столах горячий шашлык. Маринованные помидоры обмякли в желтоватом рассоле, а от свежих лепешек такой сытный дух,

что раз вдохнешь — и будто уже поел. Столы вынесены прямо во двор, и мы сидим под солнцем, под цветущими яблонями. Когда налетает ветер, нам в тарелки сыплются их белые лепестки.

— Тимерхан! — кричит мужчина рядом со мной. — Тимерха-ан! Беги, конфетку дам.

Подбегает пухлощекий малыш. Пытаясь затормозить, хватается за мое колено — бездумно, будто это дерево или стул. Худенькая черноволосая девушка, сидящая напротив, смотрит на малыша с улыбкой.

Игорь наливает кумыс.

— Кумыса выпьешь, — комментирует отец маленького Тимерхана, — так можешь ведро водки в себя влить и не опьянеешь. Ну или в туалете весь вечер просидишь, это как повезет.

Мы переглядываемся с черноволосой и одновременно фыркаем.

За дальним столом кто-то играет на курае. Откуда берется мелодия, непонятно: это ведь самая простая дудка, курай. Его вырезают из стеблей растений — кажется, тех самых, с белыми зонтиками, что и у нас растут вдоль реки.

— Башкиры — народ кочевой. В любом месте срезал новую дудку — и веселись.

Отец Тимерхана, видимо, знает все на свете. А сам Тимерхан, умяв конфету, не убежал, запросился остаться: пухлощекий, важный — сидит на отцовских руках, с превосходством поглядывает на всех.

Черноволосая девушка слушает мелодию курая, опустив голову, и водит вилкой по пустой тарелке.

— Ты ешь, ешь, Динка! Тебе теперь много надо есть! — пихает ее в бок соседка-старушка. — Вот, возьми мяска-то кусок пожирнее...

Распахиваются глаза, тонкая рука прикрывает рот — девушка вскакивает из-за стола и убегает. И тут Игорь... мой Игорь встает и идет за ней.

* * *

— «Оазис»! — Галошева, звоня по телефону, сроду не здоровалась. — Анька, слышишь? «Оазис»! Я название для нашего магазина придумала!

— Да ну... что за слово... Как будто кто-то зевнул... И вообще... Знаешь, сколько таких... «Оазисов»...

— Аня? Аня, ты что? Плачешь, что ли? Из-за названия? Да боже мой, я другое сочиню!

Мама Игоря не плакала. Сказала, отводя от меня сухие глаза:

— Не надо было зимой его одного отпускать. Приехал как бешеный, дома не ночевал. Ну, думаю, к друзьям ходит, пусть. Кто ж знал, что не к друзьям. А эта Динара за ним еще в школе бегала...

Я смотрю в ее лицо, вдруг ставшее совершенно чужим, и в голове крутится, что Игорь совсем на мать не похож.

В семейном альбоме есть фотография, где мы с ним на море. В кадре я, он и здоровенный богомол у него на плече. Помню, Игорь скосил глаза, ахнул, взял его на ладонь.

— Надо же! Я про них передачу смотрел...

И долго потом вспоминал эту встречу с настоящим богомолем, которого не чаял когда-нибудь увидеть.

— Это, — говорил, — прямо событие в моей жизни!

Вечер был свежим и ветреным, мы сидели у моря на холодной и твердой гальке. Море дышало и двигалось, раскачивалось, словно готовясь выплеснуться — вечно готовясь, но никуда не деваясь. Пахло водорослями, йодом; в небе висел круг луны. То есть не круг, а шар — небесное тело. И мы сидели на небесном теле тоже. На планете. Мы сидели на планете, и с шумом ходило туда-сюда вечное море.

На той фотографии у нас такие счастливые лица, даже, кажется, у богомола.

Вернувшись домой, я могла разорвать этот снимок, сжечь, могла написать на нем что-нибудь злое. Но разве прошлое можно испортить?

Это только будущее можно.

* * *

Все время хочется спать. Нет, «хочется» тут не подходит. Не хочется вообще ничего. Сон ловит меня, набегая цветными бликами, солнечными пятнами — солнце светит, как от него ни закрывайся, проникает сквозь штору, которая надувается от ветра из открытой форточки. Со двора доносятся летние голоса детей. Являются первые вестники сновидения: Игорь с пауком Иннокентием на плече... Я еще сознаю: это снится... А потом — раз! — и накрыло, и я внутри сна, и нашлось там занятие: запихивать в самолет средних размеров Змея Горыныча. Змей упирается, пыхтит, дышит огнем, я тащу его за мускулистый чешуйчатый хвост. Спровадив чудище в индийский город Тривандрум — почему-то подумалось, что там ему самое место, — встаю, лезу в ванну и долго сижу на дне, глядя, как из крана с шумом вырывается вода.

Она должна быть источником энергии, силы. Но откуда взяться силе у воды, замученной хлором, загнанной под землю, запертой в трубы?

И неизвестно, что теперь делать.

— Как что? — говорит Галошева. — Работать. Давай работать, Ань! Цветы нужны людям.

Да, цветы нужны людям. Это прекрасно, когда в кадушке распускается, например, олеандр. Узнаешь, что муж своей однокласснице сделал ребенка, — возьмешь и добавишь ему в суп ядовитого растительного сока. Или диффенбахия вот. В старину преступникам давали жевать ее листья: язык с глоткой у них распухали, наступала смерть от удушья. Золотые времена человечества!

Но для цветочного магазина мы не нашли помещения.

То, что нашли, оказалось совсем крошечным: если расставить горшки и вазы, то покупатели не войдут. Прежний хозяин торговал здесь леской, крючками, блеснами, немножко — удочками, а еще мотылем, мормышом и малинкой.

Рыбак шел, должно быть, с утра. Неторопливый, крупный, с плотным запахом реки, сырости, тяжелого прорезиненного плаща. Втискивался со своим рюкзаком, разворачивался, выбирал в коробочке красный праздничный поплавок. Кашлял, отсчитывал мокрую мелочь. А потом переселялся на берег, и уж до самого вечера никого не было, хоть магазин закрывай. Вот хозяин и закрыл его совсем, оставив нам узкие полки по стенам да клубок спутанной лески в углу.

— Зря мы, наверное, все это затеяли... — сказала Галка.

— Ну давай не будем продавать цветы. — Я пожала плечами. — Давай будем продавать что-нибудь другое.

— Что?

— Не знаю. Сувениры. Для них немного надо места.

Галошева скривилась.

— Давай уж сразу гвозди тогда. Для них еще меньше места надо. И учти, я название передумывать не буду! А оно ни про какие твои сувениры дурачки. Оно про любовь, молодость и цветок.

Так появилась сувенирная лавка «Белый шиповник».

— Тоже мне дело, — реагировал отец. — Вот в редакции ты была человек. Профессионал. А теперь что?

Кажется, упихав Горыныча в самолет, я так и не проснулась.

Вот мы приезжаем на склад за товаром. Видимо, это была церковь когда-то — склады любят размещать в бывших церквях. Окон здесь нет, освещения тоже. Под высокими сводами гулко отдаются Галкины каблучки. Служитель идет впереди, светит фонариком. Бледный электрический зайчик выхватывает из темноты чугунные фигуры. Прямо перед нами возникает огромный черный ворон, и Галка больно вцепляется мне в плечо. За вороном виднеется уродливая голова с маленькими кривыми рогами. Так вот ты какое, знаменитое каслинское литье...

И вдруг сверкнуло что-то: веселое, яркое, золотое. Мы бросились, протянули руки... «Это вам не надо, — служитель говорит. — Это — ручки гроба».

Конечно, сон. В реальности я мчу к Игорю со свежей газетой — как вкусно пахнет она типографской краской! — а вовсе не стою за прилавком, глядя на входящую к нам старушку в ситцевом платье, детских сандаликах и белых носках.

— Я так только, посмотреть, — говорит старушка.

— Да, в наш магазин многие ходят, как в музей.

— А я в любые магазины теперь хожу, как в музей. — Старушка улыбается малозубо, по ее маленькому личику расходятся морщины. — Иногда хочется колбасы, рыбы. К сыну приду, поем. Самой не купить... Корова-то, это копилка, что ли? — Корявый сморщенный палец осторожно гладит глиняный коровий бок. — А как оттуда денежки доставать потом? Ее разбивать придется? Жалко же — разбивать...

Старушка глядит доверчиво. Хочет, чтоб я сказала: нет, конечно, нет, совсем не придется разбивать эту прекрасную корову.

В другой раз заходит Бородин.

— А, вы здесь теперь... — говорит неловко. — Да-а... Ну ничего, бывает, мало ли. В газете у вас неплохо получалось.

И утыкается в витрину, возле которой стоит, — с фигурками Сваровски.

— Интересные штучки. Надо же, и саксофон есть... А я когда-то играл на трубе. В моем городе, знаете, была только шахта, и все. И у меня отец всю жизнь надрывался на этой шахте. Это было худшее, что можно представить. Поэтому отдал меня в музыкальную школу: «Учись, будешь потом играть на похоронах». Они хорошо зарабатывали, эти музыканты. Похороны-то постоянно случались. Я, когда видел процессии с оркестром, всегда мечтал, что когда-нибудь вот так же пойду. Давайте, что ли, куплю у вас этот саксофон.

В октябре из Сергиева Посада присылают коробку с матрешками. Матрешки блестят, пахнут лаком; новенькие — открываются с тугим скрипом, и сыплется при этом древесная пыль.

Я сижу на полу, вытряхиваю эту пыль, заодно проверяя, не выглядит ли случайно самая маленькая матрешка посланцем ада. И то сказать, там рисовать-то почти негде. Галошева в это время сортирует скопившуюся в кассе мелочь, чтобы отнести ее в банк.

Вбегают дама — ресницы в густой туши, на щеках малиновые пятна. Взгляд мечется по углам.

— У вас целлофановые пакеты есть? — Дама резкая, как гюрза.

— Вам для чего? — интересуется Галка.

— На голову надеть!

Матрешка падает у меня из рук с деревянным стуком.

— Вот, возьмите. — Галошева протягивает даме прозрачный подарочный пакет.

— А он мне подойдет? — интересуется сумасшедшая.

— Примерьте, — невозмутимо советует Галка.

Дама надевает пакет на голову: ей как раз. Немного подворачивает его спереди, чтоб край был на уровне носа — даже психам, видимо, надо как-то дышать. Платит девять рублей и выходит на улицу. Я встаю посмотреть в окно: неужели так и пойдет? Да, она идет. Идет, но уже не кажется сумасшедшей — на улице дождь.

На улице — дождь. Спасайся, как можешь. Прячься в подъезд, под зонт, ныряй в такси, надевай на голову пакет. Чтоб не размыло румяна, не потекла тушь, чтоб никто не увидел, что не так ты красив, не так наряден, не так бодр и улыбчив, как хочешь казаться. Обманывай всех, лги, притворяйся — любой ценой сохраняй иллюзию! Что у тебя за душой-то, кроме нее?

Но дождь смывает иллюзии. Каждый прохожий становится тем, кто он есть, — сиротой. Идут старушки, которым не на что купить в магазине колбасы и рыбы. Кандидаты философских наук, мечтавшие в юности играть на похоронах.

Работа, этот внешний смысл жизни, наложенный на нее, как гипс на сломанную ногу, помогает как-то переваливать из одного дня в другой.

А еще она дает чувство, что ты все-таки не совсем напрасно болтаешься меж людей, а приносишь какую-то пользу. Не зря же человек, захваченный врасплох вопросом «Вы кто?», обычно называет профессию. То есть не говорит, в частности: «Я алкоголик пятидесяти трех лет» или там «Я дура безмозглая, забеременевшая от чужого мужа», — он скажет: «Я мэр». Или: «Я учительница».

— А ты — спекулянт!

Отцу в очередной раз приспичило меня обличать.

— Мне не нравится то, что ты делаешь. Вы же ничего нового не производите — только перепродаете!

Я быстро прощаюсь, едва управляя скрипучим от обиды голосом, но эта мысль — насчет нового — остается в голове, сидит в ней как гвоздь. В конце концов я иду с этим гвоздем к Галошевой.

— Галь... А ведь у нас никто не торгует сувенирами с символикой города. Может, займемся? Начнем привозить что-нибудь такое... с гербом? Только не магниты! Что-нибудь, что реально нужно людям.

— Рюмки! — оживает Галошева. Но тут же начинает сомневаться: — На использование герба, наверное, разрешение надо?

— Можно к мэру сходить.

— Точно! Когда пойдешь?

— Я думала, — говорю осторожно, — пойдешь ты.

— Не-не-не! Это без меня! Ты же знаешь, у меня с чиновниками отношения всегда плохие.

Обнаружилось, что горе — будто костюм супермена: все нипочем. Проклятое «алкоголизм — наша общая проблема» вошло в городе в поговорку, а я, вместо того чтоб скрываться от Малышева до конца дней своих, сама записываюсь к нему на прием.

Он щурится поверх моего плеча, говорит:

— Знаете что? Нам иногда наносят визиты... разные люди из «средних эшелонов власти». Так мы с вами на эти изделия, пожалуй, заключим договор. У вас ведь есть расчетный счет?

— Спасибо, Сергей Петрович, — сдержанно благодарю. — А это вот вам. Колокольчик. Валдайский. Он нечистую силу прогоняет.

Малышев усмехается, смотрит мне в глаза:

— При вас на всякий случай не буду звонить.

И наша лавочка обогатилась «адресной продукцией»: рюмки, ручки, подставки под зубочистки. Все это пользовалось спросом, о «Белом шиповнике» заговорили, появилась надежда, что мы когда-нибудь выйдем из долгов.

За ручками приходит Фомина. Верная себе, она выглядит так, что хочется сделать ей книксен.

— Дай мне штук двадцать их, Анечка, мы на фестиваль едем. А магнитиков нет?

Она всматривается в мое лицо.

— Ты какая-то другая совсем. Что случилось?

— Ничего.

Зрачки Фоминой сужаются, превращаясь в острые точки.

— Анна! Я спектакли ставила, когда ты еще не родилась!

Кому ты врешь, мол?

В общем, я все ей рассказала. Про то, как, вернувшись из Башкирии — четыре часа мертвой тишины в машине, — мы сидели на кухне, и в углу плел свою паутину трудяга Иннокентий, а Игорь, не решаясь взять меня за руку, все повторял: Анька... Анька моя... Ну какой развод, что ты? Ты ведь знаешь, что море — вечно и, как бы ни казалось, что оно вот-вот выплеснется из берегов, все равно не денется никуда. Куда ему деваться? И конечно же, он, Игорь, будет во всем помогать Динаре, а я должна, должна простить его за тот единственный случай, когда он был раздерган, несчастен, думал, что совсем мне не нужен, что мне только работа моя нужна... Я сказала: мне надо подумать, дай мне время подумать.

О чем тут думать? О том, что он станет для своего сына денежным переводом, чужим веселым голосом в трубке?

Этот будущий сын представлялся мне черноволосым и пухлощеким, как Тимерхан, который там, под яблонями, бежал со всех ног — не за конфеткой, а просто потому, что позвал отец.

В дверь протискиваются мужчина и женщина. Оба толстые, с шуршащими пакетами, зычными голосами. Дама с порога кричит:

— Только не надо нам помогать!

Фомина начинает говорить — понизив голос, чтобы тем двоим не было слышно. И во мне такая вдруг вырастает надежда! Ведь она столько всего знает, чего я не знаю еще, и расскажет сейчас, и я сразу пойму, как жить дальше.

Но посетители перекрикиваются, заглушая. Как будто не в крошечную сувенирную лавку зашли, а вперлись на огромный галдящий базар.

— Коля, ты посмотри, какие туесочки!

— Да на что они тебе? Давай лучше нож купим!

Я подвигаюсь ближе к Фоминой. Ведь явно же она говорит, что выход есть, совсем простой выход, — что еще можно говорить с таким уверенным видом? Но слышу только проклятого Колю.

— Эх, какой нож! Вот это вещь, не то что твоя древесина!

— ...Честное слово! — завершает Фомина. Забирает купленные ручки и уходит.

— Ф-фу, я уж думала, она никогда не выкатится, эта бабка! — заявляет Колина жена. — Трындит и трындит...

— Вы уже все посмотрели? — Я нашариваю в ящике скотч: сейчас приклею на дверь какое-нибудь объявление и уйду, не могу работать сегодня.

Что же она все-таки такое сказала? Что?

3.

Наступил декабрь, и все стало темным на свете.

Слово-то какое: д'ка-брь. В нем — холодрыга и мрак. И вечно в декабре на людей валятся всякие беды, будто в небесной канцелярии спохватывается кто-то: ах, у нас же не выполнен план по несчастьям!

Я этот месяц не люблю с детства. В декабре развелись отец с мамой, и в Индию она уехала два года назад — тоже в декабре. «Надолго ты туда, мам?» — равнодушным голосом, обязательно равнодушным. «Пока на год, детка. На вашу свадьбу не получится приехать, прости... Ты лучше сама приезжай потом ко мне вместе с Игорем. Там знаешь как красиво! У нас в декабре холодно, а в Индии — лето, солнце...»

Да уж, здесь вам не Индия. Столько надо надеть на себя тяжелого, колючего, неудобного, чтобы спастись от мороза, и на работу идешь в темноте, возвращаешься — тоже, а Петрович, наверное, снова запил, и кто бы его осудил за это, но ведь стало некому следить за дворниками, и снег на улицах не чистят, так что люди ходят гуськом, протаптывая в сугробах узкие тропинки, пробираются медленно, горбясь и спотыкаясь, — угрюмые, мрачные тени.

В сумке звонит мобильный.

— ИП Буранова?

При звуке этого голоса я чувствую, как начинают гореть под шапкой уши.

— Марк Демидов беспокоит, газета «Понедельник». Удобно вам сейчас говорить? Дело в том, что у нас есть рубрика «Сам себе хозяин», в ней мы рассказываем об успехах местных предпринимателей. Могу я с вами встретиться? Анна Петровна?

— Марк, ты обалдел, с каких пор мы на «вы»?

— А... Анька, ты, что ли? — В его голосе радость. Ничего, кроме радости. — А почему Буранова вдруг — Ильясова же.

— Ну развелась! Девичью фамилию вернула.

Слова на морозе становятся облачками пара.

* * *

Это оказалось так странно: не брать, а давать интервью. Да еще самому Марку! Вспомнилось, что он ведь работал на войне, отправляя репортажи из самого пекла, и был ранен, и чуть не умер. А потом пожалел, что не умер, — когда выяснилось, что никогда не сможет ходить, — и стал писать книгу, чтоб избавиться от таких мыслей... В общем, я оробела и даже отказалась от предварительной вычитки текста. Обе мы с Галошевой прочитали статью уже в газете.

«Выбор сувениров, который предлагают Анна Буранова и Галина Ошева, необычный. В магазине «Белый шиповник» вы найдете павловопосадские платки, посуду с новгородской росписью, сибирские берестяные туеса, уральские малахитовые шкатулки. Латунные колокольчики, отлитые на Валдае. Охотничьи ножи от оружейников Златоуста, тульские самовары. Каждую такую вещь хочется долго держать в руках, она будто

говорит с тобой. Одним словом, в этой сувенирной лавке представлена история и бытовая культура нашей большой страны».

Галошева, дочитав, уставилась на меня. Какое-то время мы молча пялимся друг на друга, потом я говорю:

— Галь... В Таволгах есть завод, я в интернете читала. Керамический. Горшки там, кувшины... Давай после Нового года съездим?

* * *

Если лечь на пол и лежа смотреть в окно, то видно только небо. В детстве я любила вот так себя обманывать: когда небо безоблачно, то кажется, будто за окном лето. Легко представить, как сейчас выскочишь во двор в одном платье, пробежишь по дорожке, вдоль которой уже вымахали лопухи и крапива, обхватит тебя теплый воздух с запахом нагретой земли, солнце положит четкую границу: вот тень, а вот свет.

Я вздыхаю, поднимаюсь с пола и плетусь наряжать елку.

Раньше наряжали ее вместе с Игорем, и у меня что-то не то получается в одиночку: пластиковая наша елочка стоит в углу, как пришедший не вовремя гость.

В девять вечера в дверь звонит Галошева. На ее румянном с мороза лице нарисованы изумительные соболиные брови. Ставит у порога звякнувший пакет.

— Давай, — говорю, — Галка, вспомним все плохое за этот год. Выпьем и забудем к чертовой матери!

Мы садимся за стол и принимаемся вспоминать. Мы вспоминаем плохое по очереди, по кругу. От прошедшего года мы переходим к целой прожитой жизни и вспоминаем плохое там. Очень скоро жизнь начинает казаться чередой проблем и несчастий. Мы ревим, мы выпиваем все, что было в пакете, — в конце концов Галка, зажав рукой рот, уносится в туалет.

А я подхожу к окну и гляжу на улицу. В свете фонарей хорошо видно, как с неба идет снег. Идет тихо, спокойно, легко объединяя бесконечную небесную даль с земной твердью и основательностью.

За десять минут до курантов звонит отец.

— Слышь, дочь... Я тут машину продал. Вам, наверное, для этого вашего... как его — ларька? — оборотных средств не хватает. Скинь мне, что ли, номер своей карты, я переведу. И давай там... — он откашлялся, — с наступающим, в общем.

Он отключился, а я все стояла, прижав телефон к уху, и слушала гудки. За ними был еще какой-то гул, как будто набегали на берег морские волны.

В туалете рвало беднягу Галошеву. Но и в этих прозаических звуках слышался непреходящий шум вечного моря.

Юрий СОЛОДОВ

АНЖЕЛА, КОТОРАЯ СКИТАЕТСЯ ПО СТАНЦИЯМ

Р а с с к а з ы

Коррозионная усталость

21.30.

«Когда маменька рожала,
Вся милиция дрожала,
Потому что моя рожа
На бандитскую похожа».

Света часто цитирует это четверостишие, после чего разражается простодушным хохотом — гулким, как будто в бочку. Эти хвастливые вирши она примеряет на себя, и они ей льстят.

Бандиткой в прямом смысле Света никогда не была, но в юности занималась боксом и тяжелой атлетикой, много дралась и, как следствие, получила срок за то, что убила мужчину ударом кулака. Я наблюдаю, как она, погруженная в свои мысли, прохаживается вдоль линейки турникетов, тяжело переваливается с боку на бок, разведя руки брутальными крендельками.

Со стороны города заходят два колдыря. Павильон пустой, пробежать «вторым номером» не за кем.

— Дядька! — дурашливо обращается один к Свете (та стоит к нему широкой спиной). — Дядь, пропусти, а?

Не думаю, что они ее младше. По крайней мере, выглядят сильно старше (Свете за пятьдесят). Напарница не спеша поворачивается и меряет «племянника» взглядом. Алкашня видит переломанный нос, понимает, что перед ними женщина трудной судьбы, и тушуетя.

— Извините, — сипит один пропитым басом.

А второй, который начал с «дядьки», переходит на осторожный, аккуратный тон:

— Добрый вечер, — тут он запинается и добавляет на всякий случай: — добрая девушка. Может, вы нас пропустите?

— С чего бы это? — цедит Света. — Где ваши проездные документы?

— Лапы и хвост — вот наши документы. — «Дядька» заискивающе смеется.

Но Света теряет к нему интерес. Она отворачивается и принимается мерить шагами павильон, сосредоточенно смотря в пол.

Нисколько не обескураженные, алкоголики переключаются на меня.

Ох-хо-хо. Они заглядывали в глаза, триндели с двух сторон, давили на жалость. Этому не видно было конца. Я не выдержал и шлепнул смарт-картой по турникету: да валите уже куда-нибудь.

Колдыри мгновенно оживились и «паровозиком» протрусили через проход. Один сразу же слинял на перрон, а второй, который «Дядька», остановился — распинается, приложив ладони к груди. И по-лошадиному мотает головой.

— Лю-ю-ди! Человеки! Спасибо! За что мы вас уважаем — так это за то, что вы нас уважаете. Счастья вам. Долгих лет. Живи хоть двести годиков, — это он Светиной спине. — А тебе, — это уже мне, — вот даже триста живи!

— Не поняла. — Света внезапно оборачивается. — Это почему мне меньше?

В глазах ее появляется что-то зоркое и твердое, и пьяница сбивается от этого взгляда. Не знаю, сколько бы он так простоял, моргая, но тут его собутыльник с перрона как закричит:

— Эй, ты чего там?!

«Тормоз» поворачивается и топает на перрон. В ответ на удивленный взгляд товарища разводит руками.

— Ну я же их люблю, — так поясняет он задержку.

Товарищ зеркально повторяет его жест.

— Во. Та же херня.

Так они и замирают — выпучившись друг на друга, распахнув объятия. Как два рыбака, которые спорят, кто поймал рыбу больше.

— «Дядька»! — фыркает Света, провожая внимательным взглядом уходящих жестикулирующих «рыбаков». — Ну надо же: «Дядька»! Ка-ак д-дала бы!

И она замахивается для наглядности. Она даже досаду, что ее перепутали с мужчиной, выказывает по-мужски. Впрочем, делает это беззлобно. Не думаю, что Света уязвлена на самом деле.

— Может, — поворачивается она ко мне, — мне тити нарастить? Чтoб путать перестали. Хотя куда больше? И ходить трудно: я ж вперед валиться буду.

— Тити нарастить — дорогое удовольствие получится. Проще бант на голове завязать. Бешеной расцветки и чтобы размером с куст. Мол, я девочка, девочка, дебилы: вот вам бант.

Света ласково, легонько ударяет меня ладонью в лоб. Это у нее жест восхищения.

Повязать на Свету бант — это все равно что на Дэнни Трехо с его зверской мордой бант повязать. Не факт, кстати, что будет держаться: у Светы прическа короткая.

22.20.

— Распишись.

Я ставлю закорючку в журнал. Напарница с кряхтением поднимается со стула.

— Ох, какая я старая. Какая же я старая, — бурчит под нос Железная Света.

В голове откликается: «Усталость металла», — и поправка следом: «Коррозионная усталость». Термины из юности, времен учебы в политехе. «Усталость металла» особенно крепко въелось: помню, когда услышал это понятие в первый раз, то как будто что-то кольнуло. «Какое печальное название».

— Пошла я, удачно отдежурить.

— Давай, дядька. Отдыхай.

23.10.

Человек, на вид из работяг, уже полчаса таращится в окно. Разговорились, и я узнал, что живет он в поселке, в стороне от железной дороги. Сюда приехал на автобусе, купить пятилетнему сыну ботиночки. Обновка вот она, в пакете. Но вернуться назад не получилось, опоздал на последний рейс.

Куртки на нем не было, одна только рубашка, поскольку днем было тепло. Но как только солнце зашло, заметно похолодало, и он зашел в павильон погреться. На гостиницу денег у него не было.

— Ладно. Можете здесь побыть пока, — разрешил я. — Но павильон я закрою в два ночи, и вам придется уйти.

Он кивнул. С торца линейки турникетов стоял стул, наш, контролерский.

— Садитесь. — Я показал глазами на стул.

Приблудный еще раз кивнул и неуверенно присел на краешек. У ног поставил пакет. В это позднее время часто появляются такие... Растерянные и просто странные люди.

Я ушел в контролерку. Там сел за стол и уткнулся в телефон. И тут мне вспомнился другой странный пассажир. Другой неприкаянный.

...Так же я сидел за столом, так же таращился в телефон. И время было примерно то же. Только работал я тогда на другой станции. На ней стояло два павильона, на расстоянии ста метров друг от друга. В одном находился я, а во втором — женщина-контролер.

Со стороны платформы зашел парень. Он ткнул большим пальцем себе за спину:

— Там, на лавочке, раненый у вас. Он голову опустил: то ли сознание потерял, то ли встать не может.

— Где, где? — всполошился я.

— Там. — Полуночник еще раз махнул неопределенно назад, прошел через турникет и скрылся.

Я выскочил на платформу. Посмотрел налево, в конец перрона. Никого. Посмотрел направо. Там лежал длинный неосвещенный участок платформы, за которым вдалеке светился второй павильон. Я вспомнил, что как раз там — где темно — есть скамья. Видимо, это про нее говорил пассажир. И побежал туда. В черноте тускло заблестела лавка, но она была пуста. За ней я увидел мужскую спину — она удалялась, покачиваясь, в сторону второго павильона. Догнать? Но если человеку будет нужна помощь, то в том павильоне есть дежурная, она вызовет скорую. Пост оставлять нам не разрешалось, и я, поколебавшись, вернулся к турникетам.

Но минут через двадцать ситуация повторилась. В здание ввалился очередной запоздалый путник и сообщил, что «у вас там паренек томится» и «похоже, он больной». Ох ты ж, господи. И опять я почесал к скамейке. На этот раз, да, на ней сидел юноша. Сгорбившись и расставив ноги. Локти он держал на коленях. Правой рукой зажимал предплечье левой, с которой капала кровь. Руки он выставил вперед, чтобы не запятнать джинсы. В отдалении от него стояла дежурная из второго павильона и неприязненно разглядывала раненого. Она не казалась встревоженной. Скорее напоминала охотничью собаку, которая сделала стойку.

— Молодой человек, что с вами? Вам вызвать скорую?

— Со мной все нормально, — ответил он ровным, ясным голосом, в котором прозвучала досада.

— Я ему уже предлагала, — сказала коллега. — Видишь, отказывается.

Я подошел ближе и оказался напротив парня. Он выглядел хмурым, немного сонным. Он не гримасничал от боли. На нас не смотрел. Просто отстраненно созерцал редкую каплю с порезанной руки.

Я повернулся к контролерше:

— Но он же так кровью истечет.

— Но он же отказывается! — женщина возвысила голос. — Ему вызовешь скорую, а он — шаст в электричку и усвистал. И кто виноватым окажется за ложный вызов?

— Не надо никуда звонить! — Мы явно раздражали его: он перешел на подчеркнуто скучный, сварливый тон, каким говорят с дураками и надоедами. — Я уже все объяснил. Я жду свою девушку. Мы ехали на электричке, но поругались. Она осталась в поезде, а я вышел. Я ей позвонил — она приедет. Не надо тут стоять. Вам заняться больше нечем?

Повисла пауза.

— А она точно приедет? — спросил я тупо.

Раненый не удостоил меня ответом. Он по-прежнему изучал руку.

— И кто вас порезал? — задал я следующий осторожный вопрос.

Ожидающий девушку закатил глаза.

— Да сам себя и порезал, — сказала женщина бесцеремонно. — Чтобы подружка к нему примчалась.

Брошенный безмолвствовал. Каждая капля, которую роняла рука, была слезинкой, укором его девушке.

Я пожал плечами:

— Чепуха какая-то.

Контролерша изучала упрянца. На ее лице было презрение. Я развернулся и потрусил назад.

В павильоне никого не было. Я опять встал у турникетов. Насупленный не шел из головы.

Минут через пятнадцать с платформы зашел молодой узбек, уборщик.

— Там парень на лавке кровью истекает, — обратился я к нему. — Видел его?

— Я с другой стороны шел.

— Будь другом. Сбегай, глянь, пожалуйста. Он там еще? Вдруг сознание потерял.

Дворнику явно было лень, это не входило в его обязанности, но он все-таки направился на разведку. Я вышел на перрон, смотрел, как он удаляется, пропадает в темноте. Но вот снова выступил из тени. Машет руками и издали еще кричит, радостный такой:

— Нет! Нет его! Ушел! Ушел!

Я вернулся на рабочее место. Куда делся порезанный? Все ли у него нормально?

Наутро я увидел вчерашнюю дежурную из другого павильона, она сказала, что «балбес» куда-то уходил, потом возвращался на скамейку, сидел там, надувшись, но потом подъехала последняя электричка в город, и тут он заскочил в нее и «усвистал». Такие дела.

00.05.

У меня тоже ушла последняя электричка в город. Я вышел на платформу, дышу полной грудью. Гулко. Пустынно. Просторно. Через окно вижу в павильоне Приблудного. Он нагнулся вперед, сложился на стуле и клюет носом. Проехал маневровый локомотив. Со стороны депо доносятся постукивания и какие-то сюрреалистические взвизгивания, как будто множество «болгарок» пилят что-то металлическое. Звуки накладываются друг на друга и собираются в саундтрек из триллера. Его томительную красоту чувствует и алкашня. Вздвигаясь, рогочет за кустами...

— Контролер! Контролер!

Оглядываюсь. Молодая женщина. Очень молодая, очень пьяная. Глаза олененка. Преувеличенно высоко поднимая колени, перешагивает через рельсы и направляется ко мне шаткой походкой, тянет вверх пальцы и перебирает ими, как ребенок, который просится на ручки.

— Вам чего?

— Затащите меня.

— Куда это вас затащить? Зачем?

— На платформу. Мне на электричку надо, в город. А денег нет.

— Всё, ушла последняя. Из города еще будут, в город — уже нет.

Ланоокая стоит с воздетыми руками и смотрит с тупым удивлением. Я же говорю: время заблудившихся, «потеряшек».

Она поворачивается и бредет назад, а надрывное крещендо «болгарок» провожает ее. Я смотрю, как она ступает — осторожно, неуверенно, как в мутной воде, под которой дно с ямами. Наконец спотыкается и валится кулем. Встает на четвереньки, потом — на колени, хлопает себя по карманам, выуживает пачку сигарет, зажигалку; все это медленно, страшно тягуче, с отсутствующим видом, возится-копошится — прямо на путях. Садится на рельсы, закуривает. И от скрипок небесных и гоготания колдырей ощущение, как будто все это во сне происходит. Вот только если товарняк выскочит, то кошмар станет реальностью. Верчу головой, но нет, пусто. Надо было вытянуть ее на платформу, а потом ушла бы через павильон. Но как ее вытянешь? Юбчонка короткая, ноги голые, ободралась бы в кровь: на торце перрона бетонные заусенцы. Нет, смотрю, встала, упрямо тащится дальше. Наконец — ф-фу — скрывается за кустами. И оттуда тут же раскатился хохот гиен.

00.11.

Можно расслабиться: следующий поезд — он же последний — будет в 02.10, стравит несколько хипстеров и уползет в депо. В 00.30 будет еще одна электричка, транзитом в область, но то не моя забота. Она обычно прибывает на первую платформу (я на третьей). Только я подумал об этом, из испорченного динамика раздается карканье. Смысл этих резких звуков угадывается с трудом. Кажется, он в том, что — полуночники, внимание! — состав придет на третью. Вот же черт! Начинается.

Через три минуты потянулись желающие в область, мечтающие поспать в своей кроватке. Настороженные, зло косятся на меня. Они помнят, что уже были случаи, когда пассажиров отправили на одну платформу, а поезд пришел на другую, и люди застряли на ночь здесь, здесь, в мистической дыре. Если это случится сегодня, то им нужен будет козел отпущения. И они знают, и я знаю, что лучшей кандидатуры, чем контролер, им не найти.

00.15.

Рядом со мной, образуя кривую линию, переминаются две бабушки и дедок (я вписываюсь в эту дугу замыкающим). А перед нами — как бы в центре нашей недочерченной окружности — суетится еще одна старушка. На ней белый платок, повязанный под подбородком, очки, вместо дужек резинка, пропущена поверх платка. Над верхней губой множество вертикальных складок, что создает иллюзию, что это не складки, а волоски. То есть усы. Она уезжает и прощается с остальными. Видно, что компашка хорошо «посидела»: все красные, распаренные. «Усатая» поочередно клюет провожающих крест-накрест в щеки и таким макаром приближается ко мне. Когда она делает движение «почеломкаться» и со мной, я еле успеваю отпрянуть. Пунцовая путешественница, чмокнув воздух, отшатывается и с изумлением таращится на меня: а это еще кто тут затесался?

00.18.

Провожающие уходят, и Очки На Резинке принимает за меня:

— Вот почему у вас так всё? — вопрошает она с напором.

— Как?

— Неактуально.

— «Неактуально» — это как?

— Это как актуально, только наоборот. Всегда на первую платформу поезд приходил. А тут вдруг на третью. Путаете, путаете — а деньги берете.

— Я? Вот лично я у вас деньги брал? — Вот что в головах у людей? — Послушайте, у кассира есть «книга жалоб». Напишите туда претензию. А мне-то зачем говорить? Я всего лишь наемный работник. Человек-шлагбаум.

Старушка вздыхает:

— Ничего не изменится, пиши, не пиши. А на вас покричишь, оно немножко легче станет.

Я аж поперхнулся. Вот, значит, для чего я здесь. Чтобы в меня облегались. Говорю этак постненько:

— Да нет, вы правы, конечно. Это я виноват: не на ту кнопку нажал. Она с недоумением на меня воззрилась.

— У нас же пульт есть, — продолжаю, — в будке стоит. На нем мы, контролеры, рулим, на какой путь состав подавать. Я случайно не на ту кнопку нажал и ваш поезд сюда направил. Я не специально, простите.

Она наконец понимает, что над ней смеются. Насупилась, отвернулась.

00.23.

Динамик выплевывает новую порцию кашля. Кажется, он говорит, что ошибочка вышка, не третья платформа, а все-таки первая, о как.

Очки На Резинке вскрикивает со злобной тонкой улыбкой:

— Всё для людей! Всё для людей!

И устремляется из павильона. Пассажиры, которые выстроились было на перроне, рванули назад. Я распахнул им калитку, ту, что с торца турникетов. Все они, трюся мимо, проборматовали торопливо гадости. Я взглянул на Приблудного. Он безмятежно спал на стуле.

Прошла пара минут, народ только добежал до середины перехода — и это самые спортивные, — как кассирша опять гаркнула. Что-то вроде: «Назад, бандерлоги! Третья, третья платформа!» После чего динамик садистски хрюкнул.

00.30.

Я даже калитку не успел закрыть. В окне павильона поплыли огни поезда, который вкатывался на перрон.

В здание заскакивали осатаневшие пассажиры. Очки На Резинке остановилась передо мной и стала лупить по турникету и кричать:

— Сволочь! Сволочь! Сволочь! — Каждую «сволочь» она как будто прихлопывала ладонью. — Чтоб ты сдох!

— Бабушка, — сказал я, — вы так на поезд опоздаете.

Она стояла и смотрела на меня безумным взглядом. Стекла очков увеличивали зрачки. Губы поджаты, отчего сходство морщин с усами усилилось. Резинка врезалась в белую ткань. Стояла и смотрела. Смотрела. Но тут машинист дал свисток, и пенсионерка, встрепенувшись, рванула на перрон.

Приблудный открыл мутные глаза и приподнялся, провожая женщину взглядом.

— Права, права моя жена, — сказал он раздумчиво.

— Это в чем же? — На меня напала меланхолия.

— «Пенсию просто так не дают. Ее дают, когда человек проржавел насквозь». Такое ее мнение.

— «Коррозионная усталость».

— А?

— Да не, ничего.

Успела. Слава богу, все успели. Я думаю, что, если бы кто не успел, меня бы линчевали. Контролер — идеальная жертва. Кассиры защищены стеклами. Полицейских никогда нет. А я — вот он. И висел бы я — тушка над турникетами — со свернутой набок головой. В выпученных глазах укор и удивление.

Потом я подумал, что зря троллил бабульку. Сарказм здесь не работает. А вот подыграть — это сработает прекрасно. Например, Света. Как она действует в таких случаях? Как серфер: она стремится оседлать волну.

Когда народ возмущен сбоями в работе перевозчика и атакует Свету, — хотя та не виновата ни в чем, — она тоже негодует, но не потому, что ей отводят роль крайней. Она этого как бы не замечает, более того — с готовностью присоединяется к хору «ругателей». Любопытно, что ни она, ни толпа не называют виновников злосчастного происшествия. Проклинаются некие абстрактные злодейские «они». Бас напарницы в такие минуты звучит громче, сердитее, чем гомон публики, звучит обидчиво, непримиримо. Издалека, если не вслушиваться в слова, может даже показаться, что она спорит с пассажирами, в чем-то их убеждает. (Хотя на самом деле она говорит ровно то же, что и они, только на более высоком градусе.) Ее святой взгляд и возвышенный настрой народ обесточивает, подкупает. Люди затихают, убедившись, что перед ними не враг, а союзник и, может быть, даже лидер. Прокричавшись, они покидают павильон, озадаченные, но и приятно удивленные. Некоторые, уходя, оглядываются и одобрительно качают головами.

02.08.

За стеклом слева от меня плывет ряд желтых окон. И за стеклом справа движется цепочка квадратов. Они плывут вперед медленно и параллельно. Я как будто нахожусь в туннеле с квадратами-окнами по бокам и отъезжаю затылком назад. На самом деле я сижу в контролерке. Стекла в будке заклеены полупрозрачной пленкой, зеркальной, отсюда такой эффект. В данный момент от платформы отходит последняя электричка, и направляется она в депо. Это ее я вижу справа. А слева — ее отражение. Зрелище странное, от него немного кружится голова.

И так же, отражаясь зеркально, слева и справа, но в обратную сторону — в город — потянулись две цепочки сонных пассажиров. А вот и они закончились, цепочки.

Выхожу из будки в павильон. Приблудный сопит на стуле, локти на коленях, голова на руках. Толкаю его.

— Павильон закрывается на два часа. А где пакет-то ваш?

Он посмотрел себе под ноги, потом заозирался, потом растерянно глянул на меня. Пакета не было. Ботиночки — «потеряшки». Такие дела.

Я выпустил Приблудного из павильона в сторону города. Наконец-то один. Совсем. Окончательно один.

Я иду вдоль входных дверей, закрываю их на задвижки сверху и снизу. Кое-где шпингалеты сломаны, почему-то они вырваны всегда снизу. На створках есть еще замки, они запираются на ключ-«трехгранку». Но замки не смазаны, ключ проворачивается туго. Лень возиться, сойдет и так.

Возвращаюсь в будку. Прикрываю за собой дверь. Выключаю свет. Ставлю будильник на 04.10. Скидываю туфли, отсыревшие носки прилипли к подошвам. Укладываюсь на столе: спина и зад на столешнице, ноги на стуле, по-другому тут не разместиться. Снимаю маску, прячу в карман. Позвоночник расслабляется, постанывает: «Спасибо, спасибо, спасибо». Только глаза закрыл, как тотчас же — так, по крайней мере,

показалось — бам-бам, кто-то лупит с платформы в дверь. Да нагло так, по-хозяйски. Бросаю взгляд на телефон.

02.24.

Эт-то еще кто? Поднимаюсь, нашариваю в кармане, напяливаю маску, перчатки. Если это проверяющий, а я без «намордника», то нарвусь на штраф, а это десятка минимум.

Выхожу из будки. За одной из дверей на платформе силуэт. Приближаюсь. Парень, на вид лет двадцать пять.

— Вы кто?

— Мне выйти надо.

— Павильон закрыт.

И вдруг он как завопит:

— Открывай!

Эффект — как будто шокером ткнули. Я тоже вдруг как заору, словно припадочный:

— Вон край платформы! Спрыгнул-пошел! Открывать не буду. Не положено!

И сам себе удивляюсь: чего это я? Я ж не такой. Он отступает на несколько шагов, потом разбегается и — ба-бах — впечатывает подошву в пластик двери. Та гремит, трясется.

А дебошир разгоняется и опять — ба-бах.

Я направляюсь в контролерку, берусь за трубку стационарного телефона, оборачиваюсь и провозглашаю:

— Вызываю полицию!

— Вызывай, вызывай! — надсаживается ночной гость, аж пополам сложился, жилы на шее веревками.

Правой рукой снимаю трубку, указательным левой шарю по списку телефонов на стене.

Он разлетается и пинает уже следующую дверь. Ба-бам. И еще — следующую. Шарах.

Меня начинает потрясывать. Веду скачущим пальцем по столбику номеров. Ба-бах. Да где же эти «линейщики»? Шарах. А-а, вот они наконец. А сам думаю: не факт, кстати, что на месте будут.

И тут тишина. Поворачиваюсь: исчез. Спрыгнул с платформы. Что это было? Откуда взялся? Плевать. Не стоит думать о нем сейчас. Тратить на говнюка драгоценные минуты сна. Утром. Подумаю утром. Сдираю маску, перчатки, опять укладываюсь, ерзаю; позвоночник: «Спасибо, спасибо». Наконец злая дрожь уходит, и наплывает туман. И вдруг сна ни в одном глазу. Что? Что случилось? Прислушиваюсь. Да нет, вроде ничего. Нервы. Это нервы. И вдруг раздается лязганье, но такое... деликатное. Что за черт? Стихло. Опять задрезбуждало. И звук такой... конфузливый. Побрякает — затаится. Пощелкает — послушает. Со стороны города звук. А время?

03.27.

Ах ты, господи. Опять «намордник», перчатки. Выскакиваю из будки и вижу: стоит кто-то. Стоит уже в павильоне, рядом с дверями. Вот те раз: я же их закрывал.

Настороженно приближаюсь, всматриваюсь: нет, не проверяющий. Приблудный. Стоит, сгорбившись, руки висят по бокам. Смотрит исподлобья.

— Эй, ты чего здесь?

— Холодно. Очень холодно, — бормочет. И действительно, подбородок его ходит ходуном.

На улице хоть и май, но — ветер, с неба сыпется белая крошка, а на нем рубашечка. А в павильоне, над дверьми, «воздушные завесы» завывают. Ликуют. Шпарят вниз животворящим жаром.

— Я ж сказал: до четырех нельзя здесь. Ты как вошел?

— Дверь подергал.

Впрочем, я уже все понял: он подергал — задвижка, которая вверху створки, сползла, а нижний шпингалет выломан. Надо было двери на ключ закрывать.

— Давай, выходи.

— Ага, — кивает.

Вздыхает и пятится. Закрываю за ним дверь на щеколду, которая подвела. Затягиваю «трехгранкой» замок. Собрался было пройти и по другим створкам, потом думаю: а есть ли смысл? Открываться через полчаса.

Приблудный переминается и бессмысленно таращится через пластиковую дверь. В глазах покорность и безнадега. Он не верит, что я его вдруг пожалею и впусти назад. Голову вжал в плечи, руки расставлены по-пингвиньи. Трясется.

А если и вправду впустить его? А если проверяющий? Тогда я буду оштрафован, и получится, что неделю мозг мне выносили бесплатно. По девятнадцать часов в сутки. Ничего, погуляет. Полчаса — это не много.

— Не так уж и холодно, — бормочу, отводя глаза.

Плетусь в будку, там падаю на стол. На этот раз заснул практически сразу. И — хоп — сразу же подбросило. Так показалось, что сразу. Опять звяк-бряк-трень-брень. Помолчит, послушает — и снова: тук-тук, шорх-шорх, звяк-бряк.

Вылетаю. Да, он. И опять уже вошел.

— Ты чего наглеешь? Сказал же: нельзя!

Говорю это, а сам чувствую: ох, не могу, не могу разозлиться. Весь запас израсходовал на дебошира. А на этого уже не осталось. Толкаю его, разворачиваю, иди, ид-ди назад.

Но только усталость во мне, только отупение, и Приблудный это чувствует. А раз не злюсь — значит, не ударю. Он вначале поддался было, повлекся в свой мерзкий май, но потом как-то напряжился, дернул плечом, вырвался и, с неожиданной сноровкой обежав меня, забился в угол между дверью и стеной. Спина в углу, зад на полу, колени у подбородка. Обхватил их руками и замер. Тебе, мол, надо — сам и неси меня на улицу.

Я представил: вот сейчас схвачу я бедолагу за грудки. Дерну на себя. Он будет цепляться за углы, за трубы. Бороться за тепло. Может, кинется драться. Надо будет бить его кулаками по лицу. И так мне кисло стало,

скучно, что я даже завис слегка. И внутри завис, и над ним. Это она — «усталость металла».

Вяло шевелю губами:

— Я сейчас ментов вызову. Тебе это надо?

Кажется, я сегодня уже это говорил. Он вскидывает голову, чисто молодогвардеец.

— Вызывай! — бросает мне в лицо. Так и слышится непронесенное: «Фашист!»

И «вызывай» я сегодня уже слышал: ночь идет по кругу. Тут он ро-няет подбородок на грудь и бормочет тихо-тихо:

— Мне уже все равно.

И вот я опять в будке. Опять вожу перстом по списку на стене. Так, вот она, наша «полиция». Подношу трубку к уху. Подержал. Потом кладу назад, на клавишу. Смотрю на экран телефона.

03.41.

Думаю. Вот менты придут. Сонные, злые. Молодогвардеец получит своих фашистов. Потом они посмотрят на меня с брезгливым удивлением: и из-за этого ты нас поднял? Сам не мог справиться? А главное: пока они раскачаются, пока заявятся, там уже и павильон надо будет открывать.

Выглядываю из будки.

— Ладно, — говорю, — сиди пока.

Он посмотрел на меня без всякого выражения. Потом кивнул.

04.15.

Включаю свет в помещении. Открываю двери. Перехожу от створки к створке, щелкаю задвижками. Кошусь на Приблудного. Тот по-прежнему в закутке рядом с крайней створкой, сидит, прижав колени к груди, обхватил их руками. Над дверью завывает «тепловая завеса», гонит волны вниз, ограждая мужчину от холода снаружи. Приблудный выглядит расслабленным. Плечи опали, лицом уткнулся в колени, дышит глубоко и ровно. Спит. Опять спит. Всю ночь спит и спит, а мне не дал. Два часа сна... как они мне были нужны. Хорошо, если «ночник» при-корнет два часа ночью и два днем. И в таком графике он работает вахту, две, три. Три вахты — это полтора месяца. Нет. Не гожусь я для этой работы. Я старей.

Я распахнул дверь рядом с ним на улицу и зафиксировал ее в таком виде обломком кирпича. Два часа. Не дал поспать. Мужик почувствовал сквозняк и завозился.

Я вернулся в будку и прошелся по тумблерам на пульте управления. Тепловентиляторы стихли. Работал только калорифер в контролерке. Я плотнее прикрыл дверь: тепло надо беречь. Это была месть, которая меня не красила. Мягко говоря. Но мне это было нужно. Я вдруг успокоился. Я подумал, что, наверно, смогу даже вздремнуть с полчаса, забив на проверяющего. Через окно я видел, как человек в углу поднял голову и посмотрел в мою сторону. Я опустил на стул, положил руки на столешницу, а голову — на перекрестье рук. Один проснулся — другой засыпает. Так достигается гармония.

04.30.

Сквозь дрему время от времени я слышу шаги первых, редких пассажиров. Я вздергиваю голову, разлепляю глаза и вижу окно будки. На нем, как я уже говорил, полупрозрачная пленка. Я вижу точки, царапины, складки и маленькие пузырьки, там, где пленка не легла ровно. Шаги, вначале слабые, становятся громче, резче, и вот мимо окна скользнул силуэт и тут же пропал. Из-за пленки пассажиры кажутся белесыми тенями, привидениями. А вот складки пленки — это реальность. Они выглядят фактурно, цепляют взгляд, бликуют.

Я снова роняю голову на руки. Я как поплавок: то вынырну из забытия, то нырну. То нырну — то вынырну.

И вдруг слышу знакомые шаркающие шаги в павильоне. Он появляется каждое утро, в одно и то же время. Это значит, что сейчас 04.50.

04.50.

Дед прислоняется к подоконнику и замирает, глядя перед собой. Ну как замирает. Он не совсем замирает — он кашляет. Сухими, короткими очередями: клокотнет — помолчит — пострекочет — опять на паузу. Вроде как горло прочищает, но никак не может прочистить.

Дрема сразу слетает. Старичок точно заразный. В раздражении ерзаю, раздаётся мягкий стук. Смотрю вниз: у ножки стула прокатился флакон с санитайзером, я его смахнул со столешницы. Поднимаю, верчу в руках... и тут же вспоминаю, что и это уже было: так же я пытался заснуть — и так же назойливый звук не давал мне этого сделать.

Была у меня когда-то кошка. Однажды я проснулся оттого, что она завывала под кроватью. Ага, думаю. Течка... началось. А у меня для таких истерик припасен был пузырек... не антисептика, конечно, «Антисекса». Надо было встать и прокапать истеричной невесте пять капель. Но подниматься не хотелось страшно. Ничего, думаю: потерпит до утра. Но пока что терплю я. Лежу с закрытыми глазами, жду, когда отмается. А она орет и орет, с перерывами. Вот как этот сейчас — кашляет с перерывами. Повоет кошка — помолчит — повоет-повоет — помолчит. А я лежу, закипаю. Наконец заткнулась. Прислушиваюсь настороженно, но все-таки отмякаю. Отмякаю-уплываю. И вдруг она как-то особенно громко, особенно противно ка-ак вскрикнет! Протяжно, безумно — тут и обида, и злоба, и вызов, и даже как будто мат. Все сошлось в наглом кличе.

Кровать меня просто выплеснула; цепляю метнувшееся животное, другой рукой сметаю с тумбочки кошачьи капли, зубами срываю колпачок, задираю зверюге башку и, расцепив челюсти, с остервенением — туда-туда, в пасть! — вытрясаю полсклянки, не меньше.

Отпускаю. Стоит. Не шевелится. В глазах-блюдцах безумие. Потом побрела боком — деревянным шагом, спотыкаясь. И все. И тишина.

А дед кашляет и кашляет. Помолчит — и снова. Помолчит — и снова. Вскочить, катапультироваться в павильон — цапнуть метнувшегося старичка, разомкнуть ему челюсти и вытрясти «Антисекс», тьфу, антисептик, прямо в кашляющее нутро? Чтобы пошел боком, на подламывающихся ногах, смотря остановившимися блюдами?

Я приоткрываю дверь и в образовавшуюся щель смотрю на старичка. Но тут подъехала электричка, и он бодро потопал на перрон. Не переставая кашлять. Перекрывая спину дедка, прямо перед моими глазами оказывается наклоненное лицо Приблудного. Это он заглянул в будку. Ох ты ж, я про него и забыл. Смотрю враждебно: сам поспал, а мне не дал, чего тебе еще? А Приблудный вдруг говорит сипло:

— Спасибо.

И замолчал. И я молчу.

— Ну, я пошел.

Киваю: ага, мол, давай. И голова пропадает.

05.44.

С платформы заходит вчерашний колдырь. Тот, который называл Свету «дядькой» и «доброй девушкой». Еще пьянее стал. В чаду чело-век, в дыму, в полете. Где-то товарища потерял. В одной руке шуруповерт, в другой — пакет, в котором угадывается чекушка. Останавливается по другую сторону турникетов, корчит умильную рожицу, наклоняет голову к плечу, как собачка: пропусти, служивый, пожалей сироту.

— Шуруповерт можешь себе позволить, а билет нет?

— Шурик-то? Да не, шурик я прихватизировал.

— Украл шуруповерт?

— А че? Ну и украл. А тебе нужен?

— На что он мне?

— Пропустишь, а?

— С чего бы?

— А с того, что... Ты посмотри на меня. Четко увидь. Вот какой я?

— Какой?

— Плохой: спрыгну с платформы — и головой об рельс. И кто виноват будет?

Я молчу. Ясно кто.

— А если я пробегу за кем-то? Ну так... гипо... тети-чски. А?.. Что ты сделаешь?

Одно слово — и «Дядька» выпал из образа. На целое слово. Я ухмыляюсь:

— Замечание сделаю. Гипотетически.

Он нахмурился, обдумывая мои слова. Потом неуверенно заулыбался. Тут к турникету подходят две девчонки, подружки. Колдырь показывает на них глазами: мол, я за ними, а? За Шерочкой с Машерочкой? Я демонстративно отвожу взгляд от его хитрой, заискивающей рожи.

— О, благодарочка, — шепчет.

Шерочка тем временем уже миновала проход. Машерочка вставляет билет в щель турникета. «Дядька» тут же пристраивается, следует за Машерочкой как приклеенный, — мотаясь корпусом влево-вправо, перетаптываясь, спотыкаясь; на лице карикатурный ужас. Руки с «шуриком» и пакетом выставил вперед и вверх, по обе стороны от барышни, на уровне ее головы. Как бы беря девчущку руками в скобки.

Я равнодушно гавкаю в сторону колдыря:

— По билетам проходим. По билетам.

Шерочка оборачивается у дверей павильона и видит эту картину. Она выпучивается, и «колетса», и тычет пальцем подружке: глянь, глянь назад, что за чудо ты тащишь следом! Машерочка косится в одну сторону и упирается взглядом в шуруповерт, косится в другую — в пакет с чекушкой. Притормаживает, оборачивается уже всем корпусом — в этот момент она уже миновала проход, — и алконавт отлипает от Машерочки, обгоняет ее.

Подруги, на подгибающихся от смеха ногах, шаркая подошвами, ломаясь обессилевшими телами, держатся за животы, вихляются и хохочут-хохочут и не могут остановиться.

А что делает «Дядька»? Вместо того чтобы тут же испариться, он вдруг останавливается, оборачивается ко мне и кланяется в пояс, еще и еще. И вдруг начинает голосить, потрясая поднятым кулаком, как Че Гевара:

— Спасибо! Спасибо! Человек! Человек!..

И мотает головой, показывая, что нет у него слов выразить благодарность, как она переполняет его и даже разрывает. Все пассажиры поворачивают головы в мою сторону (и Шерочка с Машерочкой тоже). Ну вот же засранец!

05.58.

Наконец появляется Света. Мой Железный Дровосек. Ржавый. Степенно переваливаясь влево-вправо, ныряя вниз то одним плечом, то другим.

— Доброе утро, добрая девушка. Где твой бант, дядька?

Она смеется и осторожно ударяет меня чугунной ладонью в лоб.

Анжела, которая скитается по станциям

Бывают бешеные лисы. Бывают бешеные собаки. А бывают бешеные колобки. Бешеные начальники в форме колобков, точнее. Наш Алексей как раз такой. Я наблюдаю, как, гневно побулькивая, он что-то выговаривает Анжеле. Это малорослая пышка, сюрреалистически фигуристая, в стиле актрис Феллини. В ширину примерно такая же, как в высоту, — но не колобок, а скорее груша. Неправдоподобно крутобедрая: как будто ляжки одной женщины приставили к другой, сложенной скромнее. Лилового оттенка лицо — на нем в данный момент расплываются картинный восторг и вызов. Это ее обычная реакция на Леху.

— Ты дождешься! — кипятится капо. — На Ярик поедешь!

Все старшие контролеры пугают подчиненных Яриком, Ярославским то есть вокзалом. По слухам, из всех станций, на которых стоят «бойцы» на турникетах, там тяжелее всего: поток пассажиров бешеный, присесть нельзя, и рыщет взад-вперед начальство с хищными глазами. Один контрик, контролер то есть, из бывших сидельцев сказал мне так: «Если приравнять нашу работу к зоне (а они очень похожи), то Ярик — это будет наш карцер: тюрьма в тюрьме». Все наши боятся Ярика. Или не все?

— Что ты меня стращаешь? — Анжела рывком подается к начальнику. — Я — наоборот! — Ее зрачки за стеклами роговых очков сладко расширяются. — Я сама хочу на Ярик. Я сама прошу: «Переведите меня на Ярик, ну переведите!» А они не хотят. Была я там уже, чтоб ты знал! И мне там — х-ха! — понравилось! Я...

Леха, взревев, укатывается от нее, как шар, раскаленный и плюющийся огнем.

— Ей слово — она десять!

Он убегает из павильона — с видом человека, которого достали, достали, достали бабы-дуры пустой болтовней.

Это такой педагогический прием — запугать подчиненных накалом бешенства. Но мятежная подначальная хохочет ему вслед, разбрасывая золотые блики коронками.

Итак, представляю: эта задиристая дама — моя напарница.

У нас не заладилось с самого начала. Виной тому была чрезмерность Анжелы, которая проявлялась во всем, не только в фигуре. В походке, например. Она не ходила — шествовала. Откинувшись назад, независимая и величественная. Готовая к обороне и нападению. В ее манерах не было бы ничего плохого (что плохого в достоинстве), если бы она не подавала себя с такой навязчивой аффектацией.

С национальностью у Анжелы тоже было непонятно. Называлась она армянкой. Но фамилия у нее была русская, и языка — по ее словам, родного — она не знала совсем. Леха как-то высказал предположение, что она цыганка, которая по неизвестным причинам выдает себя за армянку.

Потом это ее хвастовство. О чем бы она ни начинала говорить, все в результате сводилось к ней, и это все было в превосходной степени. Поклонники приносили ей шикарные букеты. У нее были лучшие на свете дети. Они ее обожали, уговаривали бросить работу и изъявляли желание Анжелу содержать. Но сидеть дома — это же так скучно, потому-то она и пошла в контролеры. Она сама — лепила напарница свой образ дальше, — без чьей-либо помощи, заработала на квартиры себе и детям в Москве.

Слушаешь ее и только головой крутишь: ну и ну. Что ж ты не осталась там, где заработала все свои квартиры? Почему ты здесь? За свою жизнь мне много где случалось впахивать, но в такую, извините, «работу» еще вляпываться не приходилось. Вы посмотрите: кто мается на турникетах? Что за сироты здесь чахнут? В основном это жители деревень и небольших городов, где зарплаты мизерные, которые не позволяют им содержать свои семьи. Перевезти родных в Москву они тоже не могут, а значит, не могут найти более достойный заработок. Вот и вынуждены мотаться на вахты. Их штрафуют легко и размашисто за любую ерунду, а они все равно держатся за свое контролерство. Потому что вариантов нет: зажевала жизнь. А она мне рассказывает, что в блеске своего великолепия снизошла к нам, так сказать, в поисках свежих впечатлений.

В общем, мы не совпали. С первого дня. Проплывает мимо меня этот неадекват — величественный, как космический крейсер из сай-фая, — и гремит:

— Как электричка — встаешь!

Кривишься:

— Ага. Слушаюсь и повинуюсь.

Или:

— Сюда иди. В журнале распишись.

— Анжела, тише. В ушах фонит.

Но сарказм не работал. Ирония не работала. Игнорировать ее я не мог, поскольку мы были напарниками. Дистанцию установить не удавалось: Анжела не замечала моего раздражения. Точнее — не хотела замечать. Типа: этот новенький-зелененький как-то дико на меня смотрит — ну и плевать.

Что она хотела? Почему она цеплялась ко мне? Анжела настаивала на том, что она некий феномен, который должен вызывать восхищение, а может быть, даже и поклонение. Она хотела доминировать, покрикивать, красоваться. А я был молчаливым. О чем-то напряженно думал. И казался, видимо, легкой добычей.

Ее нарциссические фантазии можно было бы посчитать трогательными (из-за детского простодушия), если бы не одно но. Она категорически не могла общаться на равных. Если бы она работала Наполеоном, то не было бы проблем. Но она стояла рядовым топтуном на подмосковной станции РЖД, и у других рядовых (не говоря уже о старших контролерах) от ее сомнения сгорали предохранители. Как следствие, она нигде долго не задерживалась. Ее так и называли: «Анжела, которая скитается по станциям». «Скитается». Каково! «Мельмот Скиталец»!

Я сильно от нее уставал. И что-то с этим надо было делать. Я решил, что надо объясниться без обиняков. Потому что если ты молчишь, то это воспринимается как разрешение продолжать в том же духе. Я подготовил монолог. Он начинался так: «Анжела! Ответь мне на прямой вопрос: ты считаешь себя выше меня?» Я надеялся, что такая прямота ее несколько отрезвит и мы наконец сможем разговаривать по-человечески.

И вот я задаю ей этот вопрос. «Анжела...» И далее по задуманному. Я даже задаю его в такой интонации, как будто немного извиняюсь. Чтобы не прозвучало грубо. И что я слышу?

— Да, — говорит. — Конечно. Я считаю себя выше тебя.

И расплывается, гы-гы. И глазами мерцает, сощуренными от удовольствия.

— Так уж меня воспитали: избаловали. Не обижайся, прими как есть.

Короче, обескуражен оказался я. На такую контрпрямоту не знаешь, что и ответить.

Но поспорились мы не тогда и не из-за этого.

Случилось это в воскресенье, около восьми вечера. Сбоку от линейки турникетов, как бы в продолжение ее, стоял стул. На нем, лицом к торцу крайнего турникета, расположилась Анжела. Я находился по другую сторону от линии створок, на стуле у стены, рядом с выходом на платформу. Павильон был пуст, только я и Анжела, да еще головы двух кассиров торчали в окошках.

Вообще-то, по регламенту я должен был находиться на той же стороне от турникетов, что и напарница. На стороне, которая ближе к кассам. Но там только один стул, который был уже занят. Вечер. Безлюдье. Я присел отдохнуть. Кто кинет в меня камень?

Мы молчали, уткнувшись каждый в свой телефон. Я читал книгу. Она копалась в тик-токе. Эта тишина была своего рода нейтралитетом, хрупким перемирием.

И тут душераздирающий крик:

— Помогите! Да помогите же!

Я поднял глаза. Со стороны города, в дальние двери павильона, ворвалась женщина, слегка за шестьдесят, в руках по огромной сумке. Согнувшись от тяжести, она дерганым, спотыкающимся шагом семенила к нам, не сворачивая к кассам. Выдернутый из книги, я щурился на... на... Назвать ее «бабкой» язык не поворачивался. Изящная, хрупкая женщина... ну да, теперь уже с пожилым лицом, но с большими и все еще очень живыми глазами. Видно, что в молодости была красавицей, и как-то чувствовалось, что об этом факте она не забыла.

Отступление. Пенсионеры постоянно (ладно, не постоянно — часто) забывают оформить билет в кассе. Видимо, считают, что раз их проезд оплачивают городские власти, то это ненужная, в случае спешки, формальность. Что ж, для них это, может, и так. А для тебя это мина, на которой ты можешь подорваться и налететь на штраф, если пропустишь без билета. Это взыскание, между прочим, сожрет половину твоей зарплаты.

Так вот: рысит на тебя такой Аленький Цветочек, уже не очень аленький, пожухлый несколько, но все еще Цветочек (так и назовем ее для краткости — «Цветочек»), рысит и взывает:

— Помогите!

Требовательно так.

А? Что? Где? Чем помочь-то?

Видит, что я в ступоре, и сыплет скороговоркой:

— Да сумки, сумки же, о господи, на платформу помогите, на платформу, на платформу, господи, в самое начало!

— Билет ваш где? Билет покажите. — Это Анжела выползла из тик-тока и смотрит хмуро.

— Я опаздываю, на поезд опаздываю... Билет? — Цветочек сбивается. Тупо смотрит на Анжелу. — Ах, да, билет же... А вы не могли бы меня так пропустить? Дело в том, что я опаздываю.

И конечно, Анжела начинает чернеть, наливаясь начальственным гневом. Это все потому, что Цветочек обратилась не к ней, а ко мне. Не разглядела в Анжеле босса, каковым та себя в простоте сердца считала. Хотя почему пассажирка обратилась именно ко мне, понятно: ей физическая помощь нужна, она же не будет просить женщину-контролера сумки поднести. Но Анжела все равно усмотрела в том себе оскорбление.

Цветочек видит, что взывать к моей напарнице бесполезно, и опять поворачивается ко мне. Как бы за защитой, за поддержкой мужской. Так и говорит — прямым текстом:

— Мужчина, — говорит, — вы не могли бы меня пропустить? Я спешу. У меня с Ярославского вокзала поезд. Через час отправление. Я могу опоздать.

Я стою — уже стою, вскочил, — отделенный от женщин створками турникета, и при всем желании не могу помочь просительнице, поскольку смарт-карты у меня нет. Она у Анжелы. В общем, Цветочек я пропустить не могу. И сам к ним, на ту сторону, попасть тоже не могу. Не полезу же я через створки, как через забор, и не начну выковыривать из цепких пальцев Анжелы смарт-карту.

— Нет, — отрезает тут Анжела. — Не поможет он вам: контролерам на платформу нельзя.

— Пропусти ее, — говорю.

Но наглая жопа меня игнорирует. Нет меня здесь никакого.

— Ну что вам этот билет? — ломает руки Цветочек. — У меня же бесплатный проезд.

— Не бесплатный. Не бесплатный! — Напарница впадает в ярость: эти старики — такие трудные! — *А не-оплачи-ва-емый!* Вы не платите — но город за вас платит. Оформляйте!

Не-Аленький огрызается:

— Но вас же сюда, наверно, как человека поставили, а не как шлагбаум? А человек, он головой думает. Бывают же ситуации, когда можно и пропустить?

Жопа браво подбоченивается:

— Это что, вы меня еще *учить будете*, как мне свою работу делать?

— Да кто вас учит-то? — Пассажирка скорбно поджимает губы. — Просто человеком быть надо. И вообще, я не с вами говорю. Я вон к *мужчине* обращаюсь.

Это прозвучало как — «к старшему по званию обращаюсь».

Самолюбие напарницы оскорблено, она демонстративно отворачивается от нас.

Цветочек гипнотизирует меня преданным взглядом. Раздается гул. Это приближается поезд. Цветочек понимает, что только теряет со мной время и, бросив чемоданы, устремляется к кассе.

Электричка вылетает на перрон, разматывая вагоны.

Пенсионерка возвращается с билетом, «активирует» его, подхватывает чемодан и волочет через проход турникета. Я протягиваю ей руку, принимаю груз. Она возвращается, хватая второй баул, бежит ко мне — створки между нами смыкаются.

— Откройте, пожалуйста! — оборачивается Цветочек к Анжеле. Голос ее дрожит.

— Ха! — отвечает та. — Вы должны были взять *два* билета. Один — багажный. Иди в кассу, второй покупай!

— Вы серьезно?

— Ты, — ору уже я, — неадекват, ты что над ней куражишься?

Кажется, придется лезть к ним через турникет. Поезд останавливается. Слышно, как фыркает, срабатывает пневматика и щелкают, открываясь, двери.

— Но я же спешу! Девушка! — Цветочек унижается до откровенной лести, но на «девушку» это не производит эффекта. — Да пропустите вы меня, *старуху!* За что вы надо мной так? Что я вам сделала?!

Ее губы скачут. Ее унижение я чувствую как свое.

— Нет. Нет, я сказала! В кассу! В кассу иди!

Пенсионерка в ужасе летит к кассе. Возвращается с багажным билетом. Я принимаю у нее еще второй чемодан. Теперь у меня в руке по чемодану.

— Какой вы, мужчина... — Цветочек запинается, не может подобрать слова для моего падения, наконец в сердцах выпаливает: — *никакой!*

Мы выскакиваем на перрон. Напарница гремит вслед:

— Куда это ты намылился? А ну стоять! Ты права не имеешь...

Теперь уже я «не слышу». И испытываю от этого злорадство. Мы рысим вдоль вагона, к ближайшим дверям, но они у нас перед носом смыкаются. Поезд трогается. Я перехожу на шаг. Пру чемоданы в начало перрона. Цветочек трусит рядом.

— Мужчины. Так называемые. Что с вами стало? Почему вы такие?

Она не просто причитает. Она как будто щиплет меня. И щиплет с подвывертцем, чтоб чувствительнее было.

Я молчу — а сам закипаю все больше. Наконец шлепаю сумки на асфальт, разворачиваюсь и устремляюсь назад. Размашисто иду, почти бегу. Накручивая в себе ненависть — к Цветочку, к Анжеле. К Анжеле, да, к Анжеле!

Вваливаюсь в павильон. Жопка сидит на своем стуле, не вставая, шлепает смарт-картой по турникету, я пролетаю проход и нависаю над ней.

— Что ты за ничтожество такое? — восклицаю патетически. — Это кем надо быть, чтобы над стариками издеваться?!

— Так. Ты. А ну слушай меня. Я все Лехе расскажу, как ты на перрон бегал! — И противным голосом тянет: — Ба-абке он помогал. Что ты разнюнился-то! Че раскуксился?! В глаза мне смотреть!

Вот на «глазах» меня и подорвало.

Я просто выпал из реальности. В мозгу что-то лопнуло, молния осветила ненавистное сиреневое лицо под козырьком форменного кепи. Хватаю козырек и рывками, рывками, рывками натягиваю кепи на надменный шнобель.

— Да! Помогал! Помогал! Помогал!

А она изворачивается, сползает на стуле и лягает, лягает меня — точнее, воздух — своей коротенькой, мощной ногой.

— Эй! Эй! Ты что делаешь? А ну прекрати!

Возглас вырвал меня из этого... хоррора. Я увидел парня, пассажира, который стоял передо мной.

— Ты чего к женщине лезешь? — вглядывается он в меня.

И вдруг я увидел себя со стороны — во всей ничтожности, во всем непотребстве. У меня перекошенная, скотская рожа.

— Ты не знаешь, что тут случилось и что она сделала. Так что не лезь, — бурчу по инерции.

— Прекрасно, — поворачиваюсь к Анжеле. — Нам обоим будет что рассказать. Пусть старший решает, что с тобой делать. Чтобы ты перед пожилыми не пыжилась, не гарцевала.

— Говори! — воскликнула вдруг Анжела. И еще крикнула: — Иди. Докладывай, *предатель!* «Лехе расскажу». Иди! — И закончила тише и как-то по-детски: — А я тогда с тобой разговаривать не буду.

Парень переводил взгляд с Анжелы на меня, с меня на нее и снова на меня. Мы его, несомненно, удивляли. Один даме кепи на нос натягивает. Вторая со стариками что-то нехорошее делает. Он молчал. Наконец на-шелся:

— Ну или так. Через начальство решайте. Но не драться же.

Он еще постоял, смотря на нас с любопытством, потом понял, что поединок закончился, повернулся и скрылся на платформе. Анжела про-водила его взглядом.

— Тебе это так не пройдет, — сказала она угрюмо. — У меня есть друзья. Найдутся такие, что ноги тебе переломают. Так что ходи и огля-дывайся.

Я кивнул: ладно, мол, я тебя услышал. Чтобы не видеть осточер-тевшего шнобеля, переместился в противоположный конец павильона. Ходил там взад-вперед, взвинченно-монотонно, заложив руки за спину, прокручивал инцидент в голове снова и снова. И стало мне муторно, тош-новатенько из-за того, что этот стыд произошел со мной. Я вспомнил ар-мию, этнические конфликты. Да, армяне — дружные ребята. Она вполне может кого-то и подтянуть. Или Анжела все-таки цыганка?

Я услышал, что она говорит по мобильному. Я насторожился. Жалуются? Вызывает подмогу? Но нет, понимаю по обрывкам реплик, что говорит с подругой. И вдруг заливается смехом. Переливы такие из-дает, трели сытые. Я смотрю на нее с изумлением. То есть то, что произо-шло сейчас, для нее ничего не значит?

Утром я положил в сумку из-под ноутбука туристический топорик, заточенный, довольно-таки увесистый, проверил, легко ли выхватывает-ся из сумки, удобно ли лежит в руке. Выхватывается легко, в руке лежит удобно. И я пошел на работу.

И вот мы встречаемся. Смотрю: она глаза отводит. И я тоже отвожу.

Естественно, я Лехе ничего не стал говорить. Думаю, Анжела тоже. Но он все равно узнал. Потому что тут же заявился и перевел меня в павильон на другой стороне железки. На котором сам стоял. Думаю, ему рассказали кассиры. Он словом не обмолвился о происшествии, но погля-дывал на меня задумчиво, как бы примеряясь, с непонятным, уважитель-ным удивлением, с новым каким-то интересом. Похоже, я сделал то, что ему давно хотелось, но чего он позволить себе не мог.

Месяца через полтора я уволился. Прошло несколько лет. Анжела все еще в контролерах. Недавно я видел ее на Ярике. Она брела, плечи опущены, глаза в землю, с трудом переставляя огромные, натертые, види-мо, ноги, осторожно переносила вес то на одну, то на другую. Теперь уже не я, теперь она казалась притихшей и глубоко погруженной в свои мысли.

Алена БАБАНСКАЯ

ЖИЗНЬ НЕ ВСЕРЬЕЗ

* * *

Бегут прибрежные огни
Дорожкой по воде.
Ты подойди и обними,
Ведь нет меня нигде.
Найди меня нигде, куда
Ни поезд, ни трамвай,
Где только черная вода
И снега каравай.
Касанье ветра, как ожог —
Горит моя щека.
И ты, мой миленький дружок,
Отсутствуешь слегка.

* * *

Лицом, опрокинутым в снег, или к снегу, точнее,
Что могут прочесть этих белых страниц книгочеи?
Все эти синицы, все эти дрозды, свиристели?
Кто может ручаться, что каждый полет не смертелен,
И путь от рождения в райские кущи — не вызов?
Откуда же белые перышки падают книзу?

* * *

Я очень радуюсь, о чем я
Живу, не приходя в сознание:
Снежинкам крохотным, точеным,
Собакам и котам ученым,
Земле, как в первый день создания.

Мне очень нравится, зачем я,
То сетуя, то пламенея...
Все эти цели, назначение
Порою смысла не имеют.
Мне очень нравится, куда я
Приду, не получив ответа.
Туда легчайший снег взлетает
Со скоростью любви и света.

* * *

Меня призывают к рассудку и честности,
А я не могу, не могу.
Такую пургу я несу по окрестности —
Все веточки будут в снегу.
И, может, покажется конному, пешему,
Что белый закончился свет —
Сугробы по пояс на счастье отвешены,
Где можно оставить свой след.
Авто как гробы, и движение в ступоре.
Белым за окошком бело.
Лишь снежная баба взлетает со ступою,
Вращая свое помело.

* * *

Знаешь ли, почему
Солнце встает в дыму?
Снег — голова всему.
Свет — голова всему.
Птиц неумолчный грай —
Это поет пурга.
Будет зима долга.
Будут снега, снега.
Ягоды на кустах,
Яблочки вышних сфер,
Будто хрусталь, хрусталь,
Кто улетел, тот съел.
Ты улететь не смог,
Важно ли почему?
Знает, пожалуй, Бог.
Солнце встает в дыму.

* * *

Я человек маленький,
Я вовсе не медведь.
Куда мне деться с шарика?
Топчу земную твердь.
Покуда царства рушатся
За странною игрой,
Сжимаюсь я от ужаса —
Спаси меня, укрой.

* * *

Просыпаешься в ночи
И висишь на честном слове.
Даже радио молчит,
Что нам новый день готовит.
От желтеющих берез
До алеющих платанов
Жизнь проходит не всерьез:
Произвольно и спонтанно.
Ветродуй со всех сторон.
День ко дню пустеют дачи.
Я всего лишь чей-то сон.
Ты присни меня иначе.

* * *

Мимо яблонь, мимо вишен,
Мимо цирка шапито
Я сегодня еду крышей
Прямо в сердца кипятков.
Жизнь прошла до середины,
Нет возврата никуда.
Потому что за грудиной
Оголились провода.
Перемкнуло, и искрится,
И сверкает до сих пор.
С красной розою в петлице
Я хожу, смотрю на лица,
Слушаю небесный хор.

Олег КОЛЕВАТОВ

РЕКА, НАПОИ МЕНЯ...

Р а с с к а з ы

По Карнеги

Как черт привязался к Фоме Обноскину вопрос: почему в Америке люди так прекрасно живут? Глаза с утра продрать не успеет — вот он, чем ни забьет голову — вопрос тут как тут. Пролезет как-то, гад, и втиснется. Хоть ложись и помирай. Не умру, пока ответ не отыщу, решил Фома. Только решил, а ответ уже готов — лежит на книжной полке, голыми руками бери. По Карнеги жить надо!

Фома читает, а Карнеги по полушариям клининговой компанией ходит, порядок наводит. Смахнет тряпкой пыль с извилины и советик туда — тык; шваброй по другой пройдетя и идейку — бац. Засияли мозги Фомы самоваром в масленицу. А у самовара Фома и Карнеги, чай сладкие гоняют и счастье светозарное, близкое — руку протяни — разглядывают. Чай допили и сразу за дело — зарплату у начальства просить, достойную ума опрятного.

Приходят. Фома за ручку двери хватя, Карнеги сразу: «Улыбайтесь!» Фома улыбку нацепил, какая налезла, и в кабинет.

— Здравствуйте, Михал Иванович! — И улыбается изо всех сил.

— Обноскин, ты что, в лотерею выиграл?

— Нет, я это... как бы наоборот.

— Что наоборот? Проиграл, что ли? А чего скалишься?

Карнеги шепчет: «Начните с похвалы».

— Я насчет того, что начальников таких — поискать!

— В каком смысле?

— Да хоть ум ваш взять...

— Так... Ну взял, и что?

— Восторг один!

— Да иди ты.

— Или, к примеру, внешность.

— Тоже восторг, я понимаю?

— Не то слово.

— Так...

Фома Карнеги в мозгах в бок тычет, тот ему сразу: *«Запомните, что звук имени собеседника для него является самым приятным и самым важным звуком»*.

— Эх, Михал Иваныч, Михал Иваныч...

— Что «эх, Михал Иваныч»?

— Я вот по какому вопросу, Михал Иваныч...

— Ну?..

— Михал Иваныч, я хотел... не знаю, как сказать, Михал Иваныч...

— Обноскин, если еще раз скажешь «Михал Иваныч», я тебя пришибу.

Фома мыслью по голове шарит, Карнеги ищет. Тот тут как тут: *«Проявляйте истинный интерес к людям»*. Фома сразу:

— Как здоровье?

— Да знаешь, пока ты не пришел, неплохо себя чувствовал. Тебе какое дело вообще?

— В семье как?

— Жена вчера пеньюар купила. Или тебя поконкретнее что интересует?

— Проблем нет?

— В интимном смысле или вообще?

— В любом.

— Да ты не стесняйся, Обноскин, спрашивай. Я для чего здесь сижу-то?

— На работе тоже все хорошо?

— Как бы тебе сказать... Тут словами и не выразишь. Мне завтра в министерство. Поедешь со мной? Сам глянешь. В натуре, так сказать.

Карнеги по извилинам катится: *«Уклоняйся от спора. Сначала соглашайся»*.

— В министерство, говорите. Во сколько?

— Вот, это разговор. В четырнадцать часов. Сможешь? Или перенести?

Карнеги давит: *«Начинайте с таких вопросов, на которые ваш собеседник ответит “да”»*.

— У вас ведь «мерседес»?

— Да. Но если тебя что-то не устраивает, лимузин можно заказать.

— Лимузин?

— Да.

— Можно?

— Конечно.

Карнеги наваливается: *«Уважайте идеи и предпочтения вашего собеседника»*. Фома тут же:

— Хорошая идея — с лимузином.

— Что ты! Сам не нарадуюсь.

Карнеги шепчет: *«Будьте великолепным слушателем»*. Фома замолчал.

— Тебе чего надо-то, Обноскин?

Фома молчит.

— Ты язык проглотил?

— Я вас слушаю.

— Меня слушаешь?

— Поговорите еще. Наслушаться не могу.

— А давай, Обноскин, я тебе стихи почитаю. О любви, пойдет?

Карнеги в кураж входит: *«Бросьте вызов. Все любят играть в азартные игры и держать пари»*.

— Может, лучше в картишки, Михал Иваныч?

— А хрена ли. Давай. На деньги?

Фома стукнул себя ладошкой по лбу.

— О, точно. Я чё пришел-то. Мне зарплату... это...

— Поднять, что ли?

— Ну да.

— Не вопрос, Обноскин. Поднимем — не достанешь.

— Я пойду?

— Тебе решать.

— Пойду.

— Ну будь здоров.

Фома за дверь, а Михаил Иванович, как только в себя пришел, за телефон:

— Отец Александр, здравствуйте. Растет храм? ...И слава Богу. ...Рабочих не хватает? Вот, и я по тому же вопросу. Завтра новенького пришлю. Мужичок работающий. Вот только бесы в нем. Вы уж погоняйте их.

Антисемит

Сосед Василия Дубова, Семен Кручинин, собрался в город в больницу — зубы лечить. Автобус в деревню приходит раз в день, потому деревенские, у кого дела в городе, вынуждены останавливаться где-то на ночь, а уже на следующий день возвращаться домой. У Семена в городе никого не было, вот он и обратился по-соседски, чтобы у Володьки, сына Василия, переночевать.

В город Володька решил перебраться сразу после армии. Родители не возражали. Мать говорила: «Коли есть возможность в городе зацепиться, сынок, устраивайся. Парень ты смысленый, а здесь только хвосты быкам крутить да водку пить». В университет он не поступил и пошел работать в полицию кинологом. Собак Вовка любил, начальство уважал, к водке ничего подобного не испытывал, потому на поприще своем преуспел.

Василий догадывался, что сноха не очень приветствует всех этих деревенских гостей, но соседу как откажешь? К тому же Дубов знал, что Семен мужик совестливый, с пустыми руками не заявится, по крайней мере сала копченого и варенья привезет. Василий сыну с семьей помогал: свинью одну специально для них держал, картошка само собой, — так что в продуктах они не нуждались, но тут дело в приличии.

Володька, парень добросердечный — в мать, каждому земляку был рад. Умел и к жене подход найти. Потому Семену, как и всем деревенским гостям, были предложены постель и стол.

На следующий день Семен вернулся. Василий видел, как автобус скатился с пригорка в деревню, и нарочно крутился во дворе по хозяйству. Минут через пятнадцать подошел Семен, с коробкой в руках.

— Здорово, сосед. — Семен поставил коробку на землю и облокотился на калитку.

— Здорово.

Василий прислонил метлу к поленнице и, неспешно подходя, поинтересовался:

— Как зубы, вылечил?

— Вылечил, будь они неладны.

Василий с пониманием покачал головой и закурил. Семен тоже закурил и, поняв, что вопроса не дожидаться, начал сам:

— Спасибо тебе, сосед. Вовка хорошо встретил.

— Да что там.

— Ну я им вареньица, сальца увез, все как полагается. Сноха твоя вроде довольна осталась.

— Да не надо было. — Василий затянулся папиросой.

— Как это — не надо? Люди ко мне лицом, а я к ним голым задом, что ли?

— Ну как знаешь.

В ящике зашуршало.

— Кто там у тебя? — поинтересовался Василий.

— Да это не у меня. Это у тебя. Вовка щенка передал. — Семен поднял ящик и вручил его Василию. — Я рассказал, что Черный-то ваш издох, вот Володька к автобусу акkurat и притащил. На, говорит, дядя Семен, бате передай.

— Вот за это спасибо, сосед. Молодец сынок, без собаки никуда.

Василий открыл коробку и достал зажмурившегося на свету черно-коричневого со светлым брюшком щенка. Поднял его перед собой на вытянутых руках.

— Овчарка, кобель, — разглядывая пах, гордо заключил Василий.

— А то. Володька сказал, что породистый.

— Эка.

— Вот тебе и эка. Главное вот что, пока не забыл: Володька сказал, чтоб ты имя ему дал по всем правилам их собачьим, значит. И чтоб сообщил ему, как щенка-то назвал. А он там какие-то бумаги на него заполнит, в бухгалтерии их собачьей.

— По каким правилам-то? Говори толком, — поглаживая щенка, спросил Василий.

— Вот ты и слушай, правила такие. Называть, значит, надо по первым буквам имен родителей его, щенка то есть.

— Ну.

— Вот. Половина букв от одного имени, а вторая половина от другого.

— Ну, — начал злиться Василий. — Я это понял. Как родителей звали, скажешь или нет?

— А это подожди, сейчас. — Семен полез во внутренний карман пиджака. — Володька мне записал. Чтоб я не забыл, значит. Вот, нашел. Рейн и Ева их звали. Зовут то есть.

— Ну.

— Что — ну? Суку, значит, Ева зовут, а кобеля Рейн.

— Ну.

— Да что ты заладил, ну да ну. Вот и составляй имя.

— Как составлять-то?

— Это уж как тебе заблагорассудится. Можно, например, взять Ре от кобеля, а Ев от суки, получится Ре-ев. Понял?

— Так это фамилия какая-то получается, а не имя.

— Ну не знаю, думай сам. А мне пора. — Семен затоптал окурки и направился домой.

Василий поднял щенка над головой и еще раз, словно проверяя себя, не ошибся ли в половых признаках, рассмотрел пах. «Кобель», — удовлетворенно заключил он и пошел в дом, бурча на ходу:

— Черт-те чё придумают. Ломай теперь голову.

На веранде Дубов поставил щенка на табурет. Тот, испугавшись то ли высоты, то ли неизвестной обстановки, задрожал всем телом, присел на задних лапах и жалобно смотрел на Василия.

— Эх ты, охрана, — добро усмехнулся Василий, наливая молоко в миску.

Он опустил щенка на пол перед миской и ткнул мордой в молоко.

— Пей, порода.

Щенок, с трудом удерживаясь на разъезжающихся по крашеному полу лапах, припал к миске и стал жадно лакать.

— Хоть Реев, хоть Рейнев, все одно фамилия получается, — рассуждал вслух Василий. — Рева — несолидно для овчарки, так дворняжку можно назвать. Реева — вообще женская фамилия.

Как ни ломал голову Василий, нормальное имя у него выходило только одно: Еврей.

Щенок напился молока, потянулся довольно и, не отходя от миски, тут же напрудил лужу.

— Значит, так тому и быть, — заключил Василий, — будешь Еврей.

Породистый Еврей дрессировке поддавался плохо.

— Ну вот что с тобой делать? — нарочно перед женой ругался Василий на щенка, когда тот в очередной раз нагадил посреди кухни. — Тебя, как человека, в дом пустили, а ты что вытворяешь? Где живем, там и гадим, так, что ли, получается? Думаешь, если порода, так и управы на тебя нет? Найдем управу, будь спокоен. На улицу вон выслем, в будку Черного, быстро поймешь культуру.

Вера Федосеевна, жена Дубова, хоть и была женщина хозяйственная и чистоплотная, на щенка за его безобразия не злилась. Молча подтирала

за Евреем, принимая это как должное. А так как была еще и сердобольная, то и заступалась за нового полноправного жильца:

— Скажешь тоже, на улице. Морозá скоро начнутся, а он малой еще. Да и при породе такой где же он сдюжит на улице? Ты бы лучше попросил у Вовки книжки какие, что ли. Если порода, то и подход нужен, получается, другой. По науке надо.

— Да я просил уже. Вовка одно твердит: кнут и пряник, батя, больше ничего не надо.

— Пряников, что ли, купить? — озадачилась Вера Федосеевна.

— Да не обязательно пряников, — злился Дубов. — Это философия такая, сначала оходить как следует, потом уж и приластить, коль поймет.

— Чем приластить-то?

— Да господи, хоть чем. Хоть пряником, хоть конфетой.

— Вот я и говорю, пряников купить надо.

— Дома ничего нет, что ль? — Дубов начал злиться по-настоящему.

— Ой, подожди, кажется, есть. Конфеты к празднику брала.

Еврей все это время спокойно лежал рядом на половице и, положив голову на вытянутые лапы, наблюдал за хозяевами, переводя взгляд с одного на другого. Вера Федосеевна достала из шкафа кулек.

— Вот, есть. Давать, что ли?

— Да подожди ты. Куда давать-то? Я же говорю, сначала оходить надо как следует. — Дубов грозно глянул на щенка.

Еврей, будто поняв последние слова хозяина, подтянул лапы и, наклонив набок голову, жалобно глядел на Веру Федосеевну.

— Как это — оходить? — Только теперь до нее дошла вся философия «научного» метода. — За что?

— За что, за что. За то, что гадит, где не положено.

— Как он поймет-то, за что ты его оходишь сейчас?

— Да не сейчас, дурья твоя голова. Когда наделает, тогда и охожу. Потом посадим в ящичек, в туалет его, значит, чтоб понял, куда ходить надо. Конфеты там уже дадим. Он и поймет тогда, что если будет гадить, где положено, то сладко жить будет. Поняла?

— Ждать, что ли, будем?

— А что делать? Будем ждать, пока не сходит.

Еврею, как назло, не шлось. Не дождавшись продолжения спора хозяев, он лениво поднялся, потянулся от души, прогнув спину, и неспешно направился к Жмуру, коту Дубовых, беззаботно лежавшему у печи. Еврей ткнул кота мордой в бок, как это было заведено у них, предлагая поиграть. Жмур на секунду открыл один глаз и недовольно пошевелил хвостом, давая понять, что именно сейчас не имеет никакого настроения к играм. Уже выучив характер и нравы друга, Еврей не решился повторить попытку и, постояв немного в раздумьях, вернулся и лег на прежнее место.

— Покормить, может? — после часа ожидания предложила Вера Федосеевна.

— Покорми, если будет.

— Что ж не будет? Сколько ждем. Сама уже проголодалась.

Вера Федосеевна накрошила в миску хлеба и залила молоком. Еврей, не ожидая приглашения, резко вскочил, весело виляя хвостом подбежал к миске и стал лакать, не предвидя всех последствий своего праздника. Справившись с тюрей, Еврей ласково посмотрел на хозяев и простодушно удовлетворил их чаяния.

— Ну, держись, еврейская морда, — произнес Дубов, поднимаясь с веником в руке.

Тут сердце Веры Федосеевны так и зашло. Она встала между мужем и щенком и не менее грозно произнесла:

— Только тронь.

Дубов от такого неожиданного поворота оторопел.

— Ты что?

— Только тронь, говорю. Антисемит! Самого охожу так, что никакие конфеты не помогут.

— Это кто антисемит? Это я антисемит? — Дубов принял бой. — Да как у тебя язык только повернулся? Он, значит, гадит где попало, а я, значит, антисемит.

— Только тронь, сказала. Антисемит.

Дубов никак не ожидал, что конфликт примет политический характер, потому не сразу нашелся, что ответить. Развернувшиеся события даже Жмура заставили открыть оба глаза.

В дверь постучали.

— Кто там еще? Входи, — крикнул Василий.

Вошел Семен. Сразу почувствовав напряженность атмосферы, застыл у двери.

— Вот, Семен, посмотри на него. Еврея бить собрался, — заговорила Вера Федосеевна голосом, ищущим поддержки.

Семен оглядел кухню.

— Какого еврея? — спросил он и, чуть склонившись вперед, попытался разглядеть что-то в гостиной через проем двери.

— Какого-какого, вот этого. — Вера Федосеевна кивнула на щенка.

Семен обвел всех, начиная с щенка и заканчивая Жмуром, недоуменным взглядом.

— Вы чё, собаку Евреем назвали? — спросил он. — Немецкую овчарку?

— Так ты ж сказал, — ответил Дубов, напористо глядя на соседа. — А он гадит где попало.

— Что сказал? — недоумевал Семен.

— Половину имени от кобеля взять, половину от суки, — проговорил Василий. — Вот Еврей и получился.

— Мало того, — включилась Вера Федосеевна, — он бить его собрался. Антисемит.

Семен начал понимать, в чем дело. В молодости юморной, он и в годах почудить был не дурак.

— Кто-нибудь знает? — понизив голос, осведомился он.

— Что знает? — хором спросили Дубовы.

— Ну... что у вас тут происходит.

— Ты о чем это, Семен? — Вера Федосеевна напором и возмущением приглушила в голосе нотки испуга.

— Ты, Семен, этого... того... не нагнетай, — подключился к жене Дубов.

— Вовке говорили? — продолжал Семен.

— Что говорили? — Василий невольно заговорил тише. — Что щенка Еврей назвали? Конечно, я сразу позвонил.

— Я не про то, — нагнетал Семен. — Что вы тут евреев бьете, говорил?

— Кто их — тьфу ты, его — бьет-то? Ты, Семен, не накручивай давай, — защищалась Вера Федосеевна.

Семен тяжело вздохнул:

— Пройду?

— Проходи, конечно. Примерз, что ли, к порогу? — пригласила Вера Федосеевна.

Семен, не разуваясь, сделал пару шагов и присел у печки на табурет.

— Закурю?

— Кури, — сказала Вера Федосеевна и вопросительно посмотрела на мужа.

Закурив, Семен открыл дверцу печки и молча шерудил золу кочергой.

— Понимаешь, Василий, — заговорил он, — если ты на процессе докажешь, что это я надоумил тебя собаку Евреем назвать, то я волей-неволей становлюсь участником заговора...

— Какого заговора? Ты чё несешь? — выдавливая улыбку, спросил Дубов.

— На каком процессе, Семен? Ты в своем уме? — вторила ему Вера Федосеевна.

Нахмурившись, чтобы не расхохотаться, Семен, словно не слыша их, продолжал:

— В избииении Еврея я участия не принимал... Это уже я смогу доказать. Но нас трое, значит, заговор налицо.

— Во-первых, его никто не бил, — защищалась Вера Федосеевна. — Во-вторых, кто об этом узнает? Если ты не трепло, конечно.

— Об чем не узнают, если не били? Что-то ты путаешься в показаниях, Федосеевна.

— А ты меня не путай, я и путаться не буду.

— Ладно. — Семен встал. — Пойду. Я — могила. Но и вы не триндите по деревне.

Выйдя на улицу, Семен сразу направился к другим соседям — держать в себе «комедь» было выше его сил.

— Черт-те чё наплел, — сказала Вера Федосеевна, как только дверь за соседом закрылась.

— А что это сейчас было? — Дубов пристально смотрел на жену.

— Сама не поняла.

Еврей, почувствовав, что стал причиной этой новой, незнакомой ему атмосферы в доме, виновато виляя хвостом, подошел к Дубову и стал

тереться о левую ногу хозяина — вдоль правой так и висел в опущенной руке веник.

— Вот видишь, собака и та понимает, что по добру все должно быть. А ты: «оходить». Тебя, бывает, тоже не допросишься что сделать. А если и я так: сначала веником охожу, а как сделаешь — рюмку налью. Понравится тебе?

Пример был удачным. Дубов посмотрел на Еврея, продолжавшего тереться о его ногу, присел и стал с нажимом поглаживать щенка. Спина виновника событий прогибалась под тяжелой рукой хозяина.

— Давай конфеты, мать. — Василий улыбнулся.

— Вон они, на столе, сами берите, — сказала Вера Федосеевна, забирая у мужа веник.

Василий посмотрел на жену, заметающую на газету долгожданный результат, развернул конфету и протянул Еврею.

— Ешь, порода. Настродался, пока мы тут воевали, — сказал он.

Присел у печи, закурил, какое-то время в задумчивости молчал. Потом как-то тяжело вздохнул и сказал:

— Вот тебе и вся наука, мать.

Весной Еврея выселили из дома. И стал он жить как Черный, но получше — Василий утеплит будку и удлинит цепь.

Река, напои меня...

На даче я не появлялся с осени. Дом одиноко пережил зиму, перетерпел весеннее таяние и самостоятельно вошел в лето. Обиду его я почувствовал сразу, как только открыл дверь. Теплый вечер, скользнувший было вперед, замер вместе со мной на пороге, наткнувшись на сырую прохладу. Последние майские и первые дни июня хоть и выдались солнечными, по-настоящему прогреться дом еще не успел. Я не стал проходить, поставил сумки у двери, постоял из вежливости и направился заниматься дровами — нужно было протопить.

Работать в день приезда я не планировал. Чувствуя накопившуюся усталость, мечтал только об одном — выспаться. Решив не мудрить с ужином, я наскоро сообразил что-то на перекус, полистал уже в постели книгу и уснул под аккомпанемент такой непривычной и такой долгожданной тишины.

Утро уже смело взялось, когда я, с единственным желанием насладиться свежестью его, вышел из дома и направился к реке. Есть у меня любимое место на берегу, где река наша вертявая нашла-таки место, чтобы протянуться недолгим плесом. По всем тормозам ударяет душа моя, когда, присев на песок, я вглядываюсь в заораживающую водную гладь.

Через село путь к реке короче, я же ухожу всегда чуть в сторону, деля крюк, и сразу оказываюсь в небольшой березовой рощице. В эти тонкоствольные березки я влюбился сразу, как только познакомился с ними. И не было случая, хоть бы и приехал всего на пару дней, чтобы не заглянул я к этим красавицам поздороваться и полюбоваться их

кокетливой статью. Сразу за рожицей кустарника метров десять, и — вот она река.

Его я увидел, как только выбрался из кустов. Лица разглядеть было невозможно — стоял он боком ко мне, с накинутым капюшоном брезентового плаща. Предположение, что это рыбак, я отбросил сразу: рядом с ним не было ни снастей, ни чего-либо еще. Мужчина неподвижно стоял в паре метров от воды. Я хотел было уже как-то обозначиться, но, услышав его бормотание, осекся и невольно прислушался.

— Река, напои меня. Река, умой меня. Река, перенеси меня, — монотонно говорил мужчина.

Следовала пауза секунд на пять, и снова:

— Река, напои меня. Река, умой меня. Река, перенеси меня.

Прослушав несколько раз, как заевшую пластинку, этот незамысловатый монолог, подойти я не решился. Постояв какое-то время в недоумении, я, тихо ступая и осторожно раздвигая ветки кустов, направился обратно. В растрепанных чувствах и не заметил, как преодолел весь путь до дома.

— Ну наконец-то явился, сосед дорогой, — донеслось из соседнего огорода, как только я закрыл за собой калитку.

— Здравствуйте, тетя Валя. Да, собрался вот, — ответил я, не без труда разглядев соседку в кустах малины.

— Здравствуй, здравствуй, Сереженька. Надолго? Али на выходные тока?

— Не решил еще, тетя Валя. Как пойдет.

— Пишешь все?

— Пытаюсь.

— Ну дай бог. Я тут управлюсь с малиной, загляну к тебе? Не занят чем?

— Заходите, рад буду, — сказал я и пошел в дом.

По природному нелюдимству своему я мало с кем знался в селе. Знаком был лишь с продавщицей в ближнем магазине, с отцом Федором, настоятелем в небольшой церквушке, с семейством таких же дачников, купивших дом недалеко от моего, и с соседкой тетей Валей. Называть ее так она сама наказала мне при нашем знакомстве. Тетя Валя жила в доме своем с рождения, с родителями сначала, потом с мужем, которого схоронила четыре года назад. Двух дочерей она еще при живом муже снарядила на городские хлеба.

Как только засвистел чайник на газовой плите, в дверь постучали.

— А я дым из трубы как увидала вчерась, так и поняла, что приехал, — с порога начала тетя Валя. — Еще протопил бы, сыростью несет.

— Протоплю попозже. Проходите, — пригласил я.

О главной цели визита соседки я по опыту знал. Потому не стал ее томить и, пригоставивая чай, начал сам:

— Как дети, тетя Валя? Всё хорошо?

— Ой, и не спрашивай, — вступила она и ни разу не остановилась, пока не рассказала про обеих дочерей, мужей их и, с особым, нескрываемым удовольствием, про двух внуков и внучку.

Из рассказа ее я понял, что у дочерей действительно все хорошо, что внуки «за-ла-тыя», зятя — «путявые», не пьют почти (на этом она всегда делала акцент: муж ее как раз из-за пьянства и ушел раньше времени).

Наконец, с доброй душой посетовав, что дочки редко приезжают, тетя Валя сдала позиции:

— Да что я все про свое да про свое, ты-то как?

Я рассказал что-то коротко, ровно столько, чтобы не дай бог не показаться равнодушным к ее искреннему — а это, несомненно, так — интересу.

— Ну, почаяевичали, пора и честь знать, — сказала тетя Валя, намереваясь уходить.

— Посидите еще, — остановил я, нарушая тем обычный сценарий.

— Чего? Аль вопрос какой? — снова присев, поинтересовалась она.

Я стал рассказывать про час назад случившуюся странную встречу, но тетя Валя перебила меня, скоро поняв, о ком идет речь:

— Так это Степка-дурачок. Не знашь его, чё ли?

Я помотал головой.

— Ну да, тебя ж полгода, почитай, не было. В осень он и нарисовался, ты уехал, наверно, как раз. Дом крайний, как к реке идти, знашь? Долго стоял пустой, никто брать не хотел. Вот там он и живет. Мужчина молодой привез его, сын, чё ли. Дом не запускат. Хозяйство в порядке держит: огород да курей. Людей сторонится тока. Сразу и не скажешь, что дурачок. В магазине все назовет, чего ему надо. А с разговором кто, так скукожится весь, бубнит чего-то там, не разберешь. Я-то сама не лезу, люди говорят.

— На реке вроде как молился, — сказал я тоном, подталкивающим к комментарию.

— Каждый божий день там. Как лед сошел, так и стоит часа по два, говорят, — мне-то чё на реке этой. Ну бубнит одно и то же... Захватил он тебя, чё ли? Ты бы со знакомцем своим, отцом Федором, поговорил. С ним одним Степка и знатся... Все, поди? Побегу я, солнце высоко, а у меня конь не валялся.

Тетя Валя ушла. Я сел за ноутбук, намереваясь поработать над книгой. Однако скоро понял, что это мне не удастся. Сколько ни пытался сосредоточиться на тексте, перед глазами вставал этот странный человек. Я даже поймал себя на мысли, что его образ, какой-то еще слабо различимой нитью, пытается вплестись в сюжет книги. Надо сказать, у меня на тот момент возникла проблема: не выстраивался образ одного из героев — псевдоверующего, природы неоднозначной и скользкой. Посомневавшись, я решил воспользоваться советом тети Вали. Служба в церкви, по моим прикидкам, уже закончилась.

Отец Федор хлопотал в огороде — присев на корточки, возился с грядкой.

— Здравствуйте, — крикнул я, облокотившись на штакетник.

Батюшка поднялся и, прищурившись, посмотрел в мою сторону. В свои семьдесят он выглядел молодцом, но с рождения был близорук, потому без очков не мог разглядеть, кто здороваётся с ним.

— По голосу Сергей вроде. Не вижу, — подходя, говорил он.
— Я, отец Федор.
— Рад, рад, Сережа. Заходи во двор, — направляясь открывать калитку, пригласил батюшка.

Когда я вошел, он поинтересовался:
— В церковь душа привела или так что?
— В церковь... нет, пожалуй. В другой раз.
— В дом пойдем? Чаю? — спрашивал батюшка.
— Спасибо, недавно с тетей Валеёй чаевничали, — вежливо отказался я от приглашения.
— Ну пойдем в беседку.

Когда мы удобно расположились в тенечке под навесом, отец Федор разлил из глиняного кувшина по граненым стаканам квас.

— А это — даже не спорь, матушку не обижай, — подвигая стакан ко мне, сказал батюшка.

Я с удовольствием опустошил стакан.
— Ух. Хорош квасок.
— Да, матушка мастерица, — отец Федор улыбнулся, — в квасных делах.

— Как она? — с неподдельной искренностью поинтересовался я.
— Слава Богу. В магазин вот побежала. Ты-то как? Работа идет? Семья как? Здоровы все?

— Все хорошо. Спасибо, отец Федор.
— Вот и слава Богу. Поговорить о чем-то хотел?
— Да. Даже не знаю, как начать... Пошел сегодня утром на реку, прогуляться просто. Встретился мне там человек странный. Стоит у реки, то ли причитает, то ли молится. Тетю Валею спросил, она говорит: дурачок это. Вроде с осени здесь обосновался.

— Степан это, да. Не в себе он.
— Тетя Валя сказала, что с вами только и общается.
— Ну как общается, — отец Федор вздохнул, — слушает больше. Когда на службу придет, когда просто так заглянет. А чего он так тебя заинтересовал?

— Сам не знаю. В душу, что ли, запал. Какое-то... понимание выворачивается, а разобрать... не выходит, — как мог ответил я на вопрос батюшки.

— Ты слышал, наверно, что он там причитает?
— Слышал. Я из кустов — и вот он. Случайно близко оказался. Но он меня не видел. Я ушел скоро. О чем это он? К реке вроде как обращается.

— Ой, — отец Федор снова вздохнул, — это мой грех, Сережа.
Я удивленно посмотрел на батюшку. Он продолжил:
— Зашел как-то в церковь мужчина. Я уже выходить собирался, чуть ли не в дверях столкнулись. А Степан рядом трется. Мужчину этого я ни до, ни после не видел. Проезжий, может, какой. Мне, говорит, спросить нужно. Вижу, взволнован, и не праздное любопытство в глазах. Слушаю тебя, сын мой, говорю. Мужчина стал про искренность молитвы

спрашивать. Обращаюсь, мол, к Богу, а сам понимаю, что не слышит Он меня. Я стал ему про веру говорить. Пояснил, что это не ответ на вопрос: есть или нет Бог, — а гораздо большее. Что вера — это чувство единства с Богом. И, кроме прочего, возьми да расскажи ему притчу, сам сочинил: «Стоит на берегу, у самой воды, человек и молит: “Река, напои меня; река, умой меня; река, перенеси меня”. Река течет своим руслом, молча. Человек снова о том же молит, а река как текла, так и течет. Он уже уходить собрался, а река ему и говорит: “Чудак-человек, ты войди в воду, здесь и напьешься, и умоешься, и перенесу тебя туда, где счастье твое”». Побеседовали еще о чем-то с женщиной. Вижу — понял он меня. Поблагодарил и ушел довольный. А Степа все это время рядом был и прислушивался. И надо ж так, умок его невеликий по-своему истолковал все. Я от людей узнал, что он каждое утро на берегу стоит и реку молит. В церковь теперь редко заходит. Попытался поговорить с ним — слушать не хочет.

— Хорошая притча, отец Федор, — сказал я. — Очень хорошая.

— Понравилась? Я рад.

— Вот и разрешилась загадка, которая мне душу терзала. Спасибо вам.

— Бога благодари, — ответил отец Федор.

Вернувшись домой, я сразу сел работать. Книга пошла с удивительной легкостью. Остановившись уже потемну, я, не раздеваясь, прилег на диван, укрылся пледом и моментально уснул.

Когда проснулся, солнце уже вставало. Я быстро умылся и наспех позавтракал, не отдавая себе отчета в том, почему так тороплюсь. Но потом осознал — меня тянет к реке. Подчиняясь толкающей меня воле и изменяя привычке, пошел не к роще, а напрямую, через поселок.

На берегу я увидел его. Дурачок стоял у самой воды и молил:

— Река, напои меня. Река, умой меня. Река, перенеси меня.

Евгения ЛУГОВАЯ

СПЛЕТНИ ДНЯ

Р а с с к а з

Ане часто снилась школа. Не само здание, конечно, а одноклассники, которые давным-давно исчезли из ее жизни. Снились перешептывания на задних партах, заговоры в туалете для девочек или робкие любовные романы. Проснувшись, Аня каждый раз чувствовала, что оставила в прошлом неприлично большой кусок души. Хотелось восстановить ее целостность.

Именно поэтому Аня согласилась приехать на встречу выпускников, пусть даже для этого ей пришлось лишний раз сесть в самолет, вызывающий неизменную панику. Девушке хотелось захлопнуть школьный альбом, спрятать его в дальний угол книжного шкафа и вспомнить о нем, только когда поведет ребенка в первый класс.

Она оставила позади неодобрительное цоканье в адрес своего русского паспорта, таможду, где ее попросили снять кроссовки, салон самолета, пронизанный страхом даже больше, чем предзакатным светом, и выпитую для храбрости бутылочку тепловатого белого вина. Теперь она стояла на крыльце бело-голубого здания, в котором когда-то провела долгие семь лет: с пятого по одиннадцатый класс.

Аня прошла мимо добродушного охранника с щеткой седых усов, оставила плащ в раздевалке, в которой по-прежнему пахло чужой сменкой, пропитанной подростковым потом, посмотрелась в большое зеркало напротив (простое черное платье и маникюр цвета лайма — она не хотела выпендриваться, сооружая кудри или влезая на каблуки) и нырнула в коридор, ведущий к актовому залу.

Одиссея продолжалась. Справа от Ани выросла столовая — сколько раз они с друзьями бегали в нее, чтобы купить мини-пиццу с колбасой, песочную полосочку или «Рыжий Ап»! Она заглянула внутрь: кажется, с тех пор тут ничего не изменилось. Разве что буфет разросся на пару метров да столы сдвинулись в асимметричный крендель, оставляющий бесполезную пустоту посередине.

Слева оказался закуток на два кабинета: класс учительницы немецкого (его так никто и не выучил) и каморка школьного психолога. Аня была там однажды, теперь даже не вспомнить почему. Тогда некомпетентная тетечка с неудавшейся химией на голове давала им какие-то дурацкие тесты на тип личности, а потом сказала, что Аня — тихая и флегматичная девочка (как можно перепутать холерико-меланхолика с флегматиком?!), попутно похвалив ее одноклассницу за смелость носить кожаные ботфорты. «Ты не боишься плевать на условности, а значит, тебя никому не удастся сломить!» «Флегматику» она советов не давала. Признаков зарождавшегося у него генерализированного тревожного расстройства тоже почему-то не распознала.

Над столовой расположился кабинет математики. Больше всего Аня ненавидела геометрию. У нее всегда было не очень с пространственным мышлением — она же гуманитарий, что тут поделаешь. В этом кабинете в 2012 году они писали контрольную в тот день и час, когда майя предрекали конец света. Свет не погас, а за контрольную Аня получила три.

Странно, что она до сих пор никого не встретила. До начала мероприятия оставалось десять минут. Неужели мало кто принял приглашение? Ведь после окончания школы прошло всего восемь лет, никто даже толком не изменился. К тому же — чего греха таить — они тайком следили друг за другом в липкой паутине социальных сетей. Аня знала, кто женился, кто обзавелся потомством, устроился на работу или переехал в другую страну, как она сама.

Одна одноклассница и вовсе умерла спустя месяц после внезапно диагностированной лейкемии. Стоило Ане вспомнить об этом, как у нее тут же холодело внутри: казалось, мысль о смертельной болезни заразна и одной лишь силой страха она отравляет собственную кровь.

Подавив легкий приступ паники, Аня поднялась на два лестничных пролета и замерла около прозрачной двери в актовйй зал. Слава богу, внутри уже собралось человек десять. Они встали в круг, как в обществе анонимных алкоголиков, держа в руках узкие одноразовые фужеры с шампанским. Аня подавила второй приступ паники и вошла в зал. В первую секунду ее никто не заметил — может, стоило все-таки надеть каблуки, оставляющие вмятины на линолеуме? — но, как только она приблизилась к компании, Дима Барашкин тут же встрепенулся и сунул Ане надтреснутый фужер.

— Аня! Полянская! Не думал, что ты прилетишь из самой Франции! Случайно, не привезла нам улиток и лягушек? Как тебя вообще выпустили из страны в разгар этой дебильной пандемии?

— Сейчас вроде, наоборот, затишье, — улыбнулась Аня, решив пропустить мимо ушей пошлость про французские деликатесы. — Даже маски в самолете не заставляют надевать.

— Все равно бесит. Подозрительно смахивает на теневой заговор правительств. Я много всего на эту тему смотрел, могу кинуть интересные ссылочки. Да и вышки 5G эти подозрительные... Осталось разве что вставить всем чипы, и будет полный набор. Еще большая несвобода, как в книжке у этого... как его...

— Оруэлла, — подсказала Аня.

— Ну да, точно.

— Ну а у тебя самого как дела? — свернула с опасной темы Аня. — Где-то учишься, работаешь?

— Да пока ничего конкретного. Ищу то там, то сям. Пробовал летом работать менеджером по продажам в частной компании. Не задалось. Очень скучно, и много времени занимает. А ты как, говоришь уже всюю на французском?

— Давно говорю, да. Заканчиваю бакалавриат на юридическом. Параллельно пишу рассказы и романы.

— Чего? Ты реально все еще заканчиваешь бакалавриат, даже не магистратуру? — округлил глаза Дима, отпивая еще немного шампанского.

— Ну да. В Европе проще со сроками учебы. Там в аудитории часто даже тридцатилетних встретить можно. Не так важно быстро получить образование, главное — качественно.

— Конечно, как я мог забыть — в Европе абсолютно все качественнее, — подмигнул ей Дима. — Ну что, отпускаю тебя, можешь пообщаться с другими. Они уже заждались.

Аня не поняла, можно ли считать сказанное сарказмом, но все равно поспешила отойти от Димы Барашкина. К ней тут же подошел другой одноклассник — Витя Липин. Их общение много лет назад характеризовалось постоянными скачками: от подъема к очередному спаду. Она догадывалась, что немного нравилась ему, но в то же время понимала, что между ними ничего быть не может. Хотя бы потому, что разница в росте у них колоссальная. На его фоне Аня смотрелась бы кобылой: пришлось бы безостановочно выслушивать шутки о том, что он ей не парень, а сын.

Витя немного подрос, но лицо его оставалось мальчишеским — про таких еще говорят «до старости щенок». Их разговор как две капли воды напоминал диалог с Димой Барашкиным: «Ну, как там Франция?», «Правда ли, что во время первой волны у вас там реально все носили маски и соблюдали карантин?», «Ты все еще учишься?!». Снова никакой реакции, когда она упомянула писательство.

Аня начала жалеть, что пришла на эту дурацкую встречу выпускников. На что она надеялась? Отношения, охладевшие еще при школьной жизни, не могут внезапно потеплеть много лет спустя.

Ее немного воодушевил разговор с Ирой — внучкой недавно умершей учительницы русского и литературы. Помнится, в школьные годы Ира была тихой, почти забитой. Кудрявый хвостик, челка, старомодные синие жилетки. Она рисовала карандашные портреты персонажей из «Сумерек» и собирала вкладыши из журналов для подростков. Сейчас она выглядела гораздо более уверенной в себе. Остригла волосы, занялась пилатесом и вольной борьбой. Аня следила за Ирой в социальных сетях и знала, что та уже несколько лет живет с девушкой.

— В Европе правда к этому проще относятся? — смущенно спросила Ира.

— На уровне законодательства — да, — сказала Аня. — А там уж как повезет.

— Мама до сих пор просит меня не афишировать свою ориентацию. Говорит: «Слава богу, бабушка не дожидка до этого момента. От такого позора ее снова бы хватил удар».

— Мне очень жаль, что она не принимает тебя. К тому же сейчас ты выглядишь гораздо счастливее, чем в те годы.

— Правда? — улыбнулась Ира.

— Зуб даю.

Аня ненадолго осталась одна. Наколола виноградину на шпажку, села на обитый красным дерматином стул и стала искать что-то в своем телефоне, изображая занятость. На сцену поднялся незнакомый мужчина, выполняющий незавидные функции диджея. Из колонок полилась современная русская музыка — сначала про розовое вино, потом про Монако, которое певиче не нужно без ее любимого. Может, в Ане говорил снобизм, но кто вообще слушает такие песни? Лучше бы включили что-то ностальгическое, связанное со школьными дискотеками, ушедшими в туманное прошлое. All the Right Moves или Rise and Fall, например, под которую они с Сашей танцевали медляки, не смея поднять глаза друг на друга. Аня помнила, как вспотели его руки, лежавшие у нее на талии, и как дрожали ее, обвинившие его плечи.

Саша не пришел на встречу. Не пришла и Даша — ее бывшая лучшая подруга. Они сблизилась, когда писали шуточные статьи про одноклассников в «Сплетни дня», — как же это было смешно! Столько всего можно было вспомнить об их бездарно умершей дружбе — но сегодня Ане не хотелось добивать себя этими воспоминаниями.

Странное дело — почему так саднит внутри? В школе с ней ничего по-настоящему жуткого не случалось. Почти все дети происходили из нормальных семей среднего класса. Не было ни маргинальных разборок, ни женских драк в туалете, ни жесткой травли себе подобных или диверсий против учителей. В общем, ничего из того, о чем любят повествовать современные русские драмы, претендующие на фестивальные награды. Может, все это и происходило с кем-то другим, но Аня ничего об этом не знала. Так что же, что было не так? Почему ей до сих пор каждую неделю снится школа?

Что, если все дело в злопамятности? Аня смотрела на пританцовывающих одноклассников, и в голове у нее всплывали обиды, связанные с каждым из них. Вот, например, Маша Медведева. Однажды, когда они сидели в Воронцовском парке, глядя на озябших уток, подруга сказала: «Я считаю, у нас обеих довольно невыразительный цвет волос, так что надо краситься». Но ведь Аня гордилась цветом своих волос! Почему Маша решила за них двоих? А в другой раз она и вовсе лягнула: «Ну мы обе полненькие, поэтому надо бы похудеть». Не с этого ли момента началось расстройство пищевого поведения, преследующее Аню всю жизнь? Постоянные диеты, потеря веса, набор веса, новая потеря, слезы, страх вставать на весы, страх смотреться в зеркало, ужасные срывы, все больше замедляющие метаболизм.

С Машей они стали врагами после одного неприятного инцидента. Это произошло после восьмого класса, через день после вписки,

с которой Аня ушла по-тихому. Казалось бы, никакого криминала, но Маша и компания объявили ей бойкот. Иногда Ане казалось, что старая неприязнь так и не выветрилась. Да, они были подписаны друг на друга в «Инстаграме», даже обменивались вежливыми и очень выборочными лайками, но разве подростковые обиды проходят? Разве они не въедаются в память, как красное вино, пролитое на светлый диван?

Или вот тот же Витя Липин. Один раз, когда Аня вернулась с каникул на весеннем море, он сказал ей: «Боже, тебе так не идет загар». Интересно, он правда ей не шел или Витя просто хотел сделать ей побольнее из-за того, что она ему нравилась?

Или Катя Попова. Аня случайно узнала, что та часто говорила за ее спиной что-то вроде: «Ой, да она все собирается переехать куда-то, но ничего не получается. Увидите — никуда она не переедет, только и может, что хвастаться». Вот только Аня переехала, не правда ли? Другой вопрос, сделало ли это ее счастливой.

Даже Саша, с которым они практически встречались, однажды сказал фразу, которая надолго засела у нее в голове: «Иногда, когда мы идем вот так после школы, я совсем не знаю, о чем нам говорить. Я судорожно ищу темы, но ничего не нахожу». Может, он не находил тем, потому что они днями и ночами общались в «ВК», а в жизни даже в глаза друг другу боялись смотреть? Этот страх тишины, вынужденного молчания до сих пор иногда возвращался, особенно во время свиданий.

От препарирования обид Аню отвлек голос Димы Барашкина:

— Короче, там Корнилов подошел — а говорил, что не пойдет, типа на фиг ему это надо. Хочешь, спустимся? У нас там перекур.

— Даже не знаю...

— Да ладно тебе, там будут ребята из других классов, круто же.

— Хорошо, пошли.

Паника снова зашевелилась где-то в районе желудка. Аня вспомнила, как часто ее звали «хорошей девочкой», «домашней девочкой», «слишком правильной девочкой». Закатывали глаза, когда она не хотела курить за компанию. Говорили, что ей нужно дорасти до этого. Вот только она все еще не доросла, зато страх показаться скучной никуда не ушел.

Дима позвал еще пару одноклассников. Они снова проделали весь путь от актового зала до будки охранника, погрузившегося в кроссворд. Аня незаметно посмотрелась в зеркало: не смазалась ли тушь, не слишком ли она толстая в этом платье с дурацкими детскими рукавами-фонариками? Все-таки Корнилов был главным красавчиком в классе, не хотелось бы предстать перед ним помятой и подурневшей.

Вот только когда они вышли в прохладу апрельского вечера, Аня поняла, что подурнел скорее Корнилов. Его точеное лицо разъехалось не слишком сильно, чтобы назвать его жирным, но достаточно для того, чтобы перестать считать красивым. Даже ярко-голубые глаза за дымом сигареты казались заплывшими, словно небо за грязноватыми облаками.

— О, Полянская, привет! Я тебя не узнал — ты что-то сделала с волосами? — сказал он, протягивая ей руку.

— Немного покрасила и постригла.

— В школе у тебя были длиннющие волосы, жалко, что отрезала.

— Ну так уж вышло. А сам как?

— Да как-то никак. Мотаюсь туда-сюда. Мама хотела, чтобы я закончил МГУ, но я бросил на третьем курсе.

— На третьем? Там же всего чуть-чуть оставалось...

— Просто не мог больше. Достаточно с меня того, что я был отличником в школе.

Аня задумчиво кивнула. И правда, слишком деятельная мама Корнилова, по совместительству лучшая подруга их классной руководительницы, давила на сына, ожидая лучших результатов по всем предметам. Сейчас модно, конечно, вешать всю вину на родителей, но из некоторых песен слов не выкинешь.

К ним присоединилось еще несколько человек. В темноте зажглись огоньки сигарет. Все стали вспоминать смешные случаи из прошлого, и ни в одном из них почему-то не было Ани.словно она на самом деле не училась с ними. Но ведь девушка действительно почти не общалась с этой компанией, а те, с кем когда-то была ближе всего, даже не соизволили явиться.

Аня уже придумывала предлог, чтобы уйти, как вдруг наконец услышала свое имя.

— А кто же нас тогда сдал учителям? Сказал, что мы открыли бутылку папиного коньяка?

— Да вроде Полянская. Ой, прости, не заметил, что ты тоже тут, — прыснул высоченный парень из параллельного класса. Она даже не помнила, как его зовут.

— Я не сдавала вас учителям, — задохнулась Аня. — Я лишь рассказала немного о той вечеринке Жене Сидоровой. Она спрашивала, почему мы с вами перестали общаться, ну я и упомянула ту вписку...

— Как будто ты не знала, что она обязательно пожалуется своей мамаше и та прибежит заложить нас классухе.

— Прошу прощения за это. Я не хотела, чтобы родители узнали.

— Да не напрягайся ты так. Кому какое дело теперь. Хотя меня тогда батя знатно так взгрел, — сказал Дима Барашкин, растаптывая бычок.

— Но ты ведь реально всегда осуждала нас, когда мы курили, нет? — подала голос Маша Медведева. — Вела себя так, будто бесконечно выше этого. Мол, ты умница и аристократка, а мы павшие души.

— Я просто не хотела курить, вот и все, — сказала Аня, изо всех сил стараясь не заплакать.

— И за мат нас осуждала. И за алкоголь осуждала, — продолжала Маша. — А теперь вот сама пьешь, как все.

— Ну ладно тебе, Маш! Чего ты на нее накинулась? — Дима Барашкин ободрающе подмигнул Ане. — Давайте лучше вспомним, как мы запускали салют на выпускном, а он чуть не угодил в окно школы...

Аня смяла в руках стаканчик из-под приторного вина. Она думала, что в ней неудержимой алой волной поднимется гнев, но внезапно поняла, что Маша права. Она все эти годы скрывала от себя правду. Умалаяла собственную ответственность за отношение к ней других.

Получается, проблемой была она? Противной стукачкой, на которую всем неприятно смотреть? Ханжой, лицемерно судящей других? Одна за другой в голове стали всплывать вещи, которые она сделала неправильно. Почему-то вспоминались они куда легче, чем обиды, нанесенные другими. Силуэты ошибок обретали четкую форму, становились символами, кровоточащими бороздами на искусственно выбеленном памятью картоне.

Письмо, которое они с подругой написали одной заносчивой однокласснице. Якобы от Корнилова. «Приходи на свидание у футбольных ворот». Та пришла, прождала там сорок минут, а потом убежала, вся в слезах. Разве хорошие люди манипулируют другими?

Подвеска из венецианского стекла, которую ей подарил Паша в шестом классе. Аня демонстративно кинула ее в мусорку, когда они гуляли большой компанией. А потом еще громко сказала, что ей не нужны подарки от ботаника. Разве хорошие люди поступают так с теми, кто в них влюблен?

Фраза, которую она в сердцах бросила маме после того, как они с Машей Медведевой спустились со сцены. Они тогда пели дуэтом какую-то дурацкую патриотическую песню: «...ты Россией была, ты Россией осталась». Аня сказала: «Черт, Маша все испортила своим голосом. Из-за того что она фальшивила, люди подумают, что мы обе плохо пели». А потом увидела почерневшие глаза Машиной мамы, которая явно все слышала. Разве хорошие люди говорят такое за спиной своих друзей?

Журнал «Сплетни дня», который они с подругами учредили в седьмом классе. Сначала они писали выдуманные новости про знаменитостей, а потом перешли на одноклассников. Сочиняли всякий бред про то, кто с кем встречается, кто попал в передрагу, а кто провалил контрольную. Со временем приходилось изоощряться все больше, чтобы завладеть вниманием читателей. Безусловно, в этом была креативная жилка, репетиция будущей журналистской деятельности, да и одноклассникам вроде нравилось, когда их кто-то замечал, но что насчет этики? Разве хорошие люди пишут воображаемые байки про тех, кто рядом?

Однажды они даже основали конкурс красоты и всем классом голосовали за «мисс Волосы», «мисс Осень», «мисс Глаза» и даже «мисс Грудь». Все девчонки хотели выиграть и очень расстраивались, если их никто никуда не вписывал. Разве правильно было оценивать всех поверхностно, как мясо, висящее над прилавком?

Аня пришла в себя возле бело-красных сидений на футбольном поле. Она села и стала смотреть на звезды, усыпавшие кобальтовое небо. Снова попыталась вызвать очищающие слезы, но они почему-то никак не желали литься из глаз. Внезапно она услышала хруст гравия под чьими-то ногами. Аня обернулась и увидела Диму Барашкина.

— Не помешаю? — спросил он.

Дима сел на белое сиденье. Он внимательно посмотрел на нее, словно наставник, проверяющий ученика, и спросил:

— Сильно обиделась? Ну из-за того, что они говорили.

— Что? Да нет, все нормально.

— Они уже порядком набрались, не стоит воспринимать их слова всерьез.

— Как говорится: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, — грустно улыбнулась Аня.

— Надо жить так, чтобы не было стыдно за то, что на уме или языке.

— Не знала, что ты философ.

Они немного помолчали, прислушиваясь к гулу самолета, пролетевшего над ними.

— Дим, скажи... Я была сволочью?

— Когда?

— Ну в школе. Была ли я противной?

— Да вроде не менее и не более противной, чем другие, — пожал плечами Дима. — В подростковом возрасте все только и делают, что ранят друг друга. А больно-то всем одинаково.

— Хочешь сказать, что все мы жертвы и охотники одновременно?

— Типа того.

Аня с восхищением посмотрела на Диму. Как у него получилось сказать ровно то, что она хотела услышать? И почему все в классе считали его глупым? Только лишь потому, что он получал ужасные оценки по английскому и литературе и почти никогда не выполнял домашнее задание? А может, потому, что он ярче всех переживал пубертатный период, постоянно отпуская пошлые шутки в адрес девчонок? Да и эти фразы в начале вечера про чипы и вышки 5G сбили ее с толку. А копать надо было глубже. Как всегда.

— Может, вернемся в актовЫй зал? Или ты больше не хочешь никого видеть? — спросил Дима.

— Можно и вернуться, — согласилась Аня. — Зря я, что ли, сюда летела?

— Это да, не ближний свет.

— Если у нас когда-нибудь еще будет встреча выпускников, я обязательно привезу тебе улиток и лягушек, идет?

— Идет, — просиял Дима.

Они в третий раз проделали путь через школьный двор, мимо усатого охранника, зеркала, закрытой столовой, сквозь прозрачные двери зала. Приближаясь к группе веселящихся одноклассников, Аня точно знала: теперь они будут снится ей гораздо реже.

Константин РОЕВСКИЙ

ПОКУПАТЕЛЬ РОЯЛЕЙ

Р а с с к а з

На этот раз продавцом оказалась ухоженная и очень привлекательная девушка с ровной кожей цвета слоновой кости. Когда используют термин «породистая», говорят как раз о таких. На вид девушке было около двадцати пяти, и ее задор и та радость, с какой она встретила потенциального покупателя старого дедушкиного рояля, намекали на то, что жизнь видится ей коробкой шоколадных конфет в мятной глазури, начинка в которых всегда — приятный сюрприз. А потому расставаться со всяким старьем совсем не жалко, а напротив — очень даже полезно и легко.

— Андрей? — спросила она, остановившись от него метрах в десяти.

— Да, здравствуйте, — ответил молодой человек и двинулся в ее сторону.

— Виктория. — Девушка словно коснулась черты на состязаниях по челночному бегу, быстро развернулась и последовала в обратном направлении.

— Вы музыкант? — бросила она через плечо, когда Андрей почти нагнал ее.

— Да-да, я инструмент смотрю для себя, хочется найти... — Но он не успел договорить: Виктория уже открыла карточкой высокую дверь и уверенным жестом пригласила его войти.

В просторном остекленном лобби порхающие под потолком огромные перламутровые бабочки охраняли маленького, тощего охранника. Увидев Викторию, он высунулся из-за своей стойки, одарил девушку кивком и идиотской улыбкой и быстро спрятался обратно.

Когда они остановились в ожидании лифта, Андрей попытался продолжить:

— Понимаете, я ищу *свой* инструмент. Я композитор, пишу музыку, и хочется... Ну чтобы моя музыка *ему* понравилась. — И посмеялся над своей шуткой за них обоих.

В руках молодой человек держал стеганую куртку цвета хаки, на нем были темно-синие джинсы, легкие кожаные туфли и великолепная

рубашка, которую он считал достаточно эффектной и в меру экстравагантной — белая, с синими небрежными мазками краски, походившими, по его мнению, на цветы. Виктория, только теперь окинувшая его взглядом, похоже, приняла эти мазки за нелепые кляксы. Вернувшись к излучению в телефоне аккаунта какого-то мужчины с проседью в бороде, она резюмировала:

— Дедушка меня тоже играть учил, но сейчас уже ничего не помню.

Отпирая дверь квартиры, Виктория, словно боясь, что ее кто-нибудь услышит, прошептала:

— Мы здесь бываем редко, не разувайтесь.

На полу в прихожей инеем лежала пыль. Иней захрустел под их шагами, и этот звук сразу же разбудил деревянную голову оленя с большими настоящими рогами. Когда-то они услужливо держали на себе шляпы, шарфы и шапки прежних хозяев, и сейчас олень, казалось, по привычке немного наклонил голову, но шляпы так никто и не повесил.

Тишина, испуганная чужими голосами, попряталась по углам, притаилась, слушала и ждала, что же будет дальше.

Андрей искал исключительно рояли. Большие, величественные, это были инструменты с душой, и каждый звучал так, будто бы знал себе цену. Но вот хозяева, с которыми встречался Андрей, чаще всего имели о ценности своих инструментов достаточно смутное представление, ведь обычно те доставались им в наследство. Иногда владельцы закатывали рояль в угол, использовали как подставку для цветов или стол, накрывая скатертью, а один раз Андрей полчаса переставлял на пол бутылки и бокалы, чтобы можно было открыть крышку, потому что рояль служил барной стойкой. Ни один захудалый Petrof или Rösler, на котором занимался ученик или даже преподаватель музыкального заведения, не испытывал подобного отношения к себе, а вот с прекрасными, дорогими роялями такое случалось часто. Поэтому, когда Андрей приходил и играл на них, в жизни вещей случался праздник. Пространство оживало, и вещам вспоминались счастливые люди, которые ходили по комнатам и смеялись, но такие сеансы ностальгии, к сожалению, быстро заканчивались.

Большая комната, в которой Андрей стоял сейчас, окнами выходила на Тверской бульвар. Лакированный ореховый Schimmel стоял слева от входа, дальше вдоль стены тянулся шкаф до потолка, наполненный книгами, а в центре зала стоял диван в красном потертом велюре. От дивана, как и от всего вокруг, веяло отжившим величием.

Андрей своим молчанием и неподвижностью заставил хозяйку вынырнуть из телефона, получил от нее жест одобрения, подошел к роялю, поднял крышку и, наклонившись, заглянул внутрь.

— Дека целая, штеги тоже в порядке, а вот молоточки замылены, нужно немного распушить, или будет много стекла в звуке. В объявлении у вас окончательная цена? — спросил Андрей, выпрямившись.

— Да, мы скидывать не будем! У мамы есть оч хороший знакомый, у него свой ресторан на Таганской, он сказал, что это оч крутой рояль.

Она посмотрела в телефон, поднесла его динамиком ко рту и записала голосовое сообщение:

— Да, я про это слышала, мне Макс рассказал!

— А когда его в последний раз настраивали? — спросил Андрей.

Телефон Виктории зазвонил.

— Сейчас, извините. — И она пошла из гостиной на кухню. — Нет, я считаю, что в этой ситуации Лена не права! Нет, ну конечно, Лена не права!

Андрей заиграл. Несмотря на давнюю настройку, рояль звучал просто изумительно. Глубокие заполняющие низы, яркая прозрачная середина и верха как из волшебных колокольчиков. Не прошло и минуты, как Виктория тихо вернулась в гостиную и села на краешек дивана. Она слушала молча, а когда Андрей закончил, радостно захлопала.

— Какая красивая музыка, как из какого-то фильма! Это джаз?

— Что? Нет, это не джаз, я пишу в стиле неоклассика.

— Это ва-аша музыка?

— Ну да, эту пьесу я написал, когда...

— А можете еще раз это сыграть? — Она вытянула руки с телефоном и приготовилась снимать.

Андрей начал пьесу заново.

— Ага, спасибо, — остановила она его через пятнадцать секунд. — А как ваш аккаунт называется? Хочу в истории отметить.

— О, я не веду социальных сетей.

— А на «Айтюнсе» вы есть? Как вы там называетесь?

— Я там был, но сейчас перехожу на другой лейбл, и из-за вопросов с правами пока пришлось оттуда всё удалить.

— А где же вас можно послушать?

— Я сейчас большой концерт готовлю, много моментов организационных, но, как только все решится, я вас обязательно приглашу. О, у меня, кажется, есть с собой диск! — Андрей поднялся, достал из внутреннего кармана куртки диск и протянул ей. — Это вам, подарок!

— Ди-иск. — Она повертела его в руках, как открытую окаменелость. — А-а-а, у меня в машине вставляются, там послушаю, спасибо! — Она положила диск себе на колени, прицелилась и сфотографировала.

— Виктория, инструмент очень хороший, но дело в том, что у меня еще есть варианты. Нужно подумать. Все-таки для меня это очень важная вещь. Большое вам спасибо... — Он не договорил.

— Хорошо, поняла вас. Тогда пойдемте, мне нужно бежать!

Молча вышли из квартиры, молча спустились в лифте, и, только когда уже вышли на улицу, вместо прощания Виктория сказала:

— Приглашайте на концерт!

Она пошла в сторону парковки. Диска в руках у нее не было.

Андрей шел по Тверскому и вертел по сторонам головой, выбирая подходящий приличный ресторан, очень уж хотелось есть. «Дети райка» — странное название, но пахло оттуда и вправду божественно, и он решил войти.

В углу зала стоял старый чешский Weinbach, черный, блестящий, с толстыми точеными ножками. Андрей сразу же положил на него глаз.

«Внешне ничего, видимо, даже не реставрировали. Если хорошо держит строй и механика в порядке, тысяч пятьдесят наверняка стоит», — при вычно отметил он.

Он уселся за столик у окна и взял меню. Голод — лучший друг воображения, картинки блюд буквально оживали. Он пролистал страницы с салатами, «принюхался» к свежему базилику с заправками из бальзамического уксуса, дижонской горчицы и соуса песто, но только «понюхал» и продолжил изучать меню.

Дальше была жареная рыба, небольшая, в золотистой корочке, с белыми выпученными глазками. Таковую они когда-то ели с отцом после утренней рыбалки на тихом туманном озере, закусывали горячими лепешками из кукурузной муки и запивали крепким черным чаем с только что сорванными здесь же, на берегу, листьями смородины. Рыба продолжала раздражать отделы мозга, которые отвечали за гастрономические воспоминания, и Андрею страшно захотелось обычного березового сока, зеленого молодого папоротника, хрустящего и круто посоленного, с жареной картошкой, обязательно посыпанной тминными зернами.

Ничего из этого в меню не было, но, когда подошел официант, чтобы принять заказ, рот Андрея был полон слюны, и, если бы он попытался озвучить названия выбранных им блюд, вышло бы что-то нечленораздельное. Поэтому, не говоря ни слова, он только указывал пальцем на картинки, а на вопросы официанта лишь утвердительно мычал.

Сделав заказ, Андрей направился в уборную и возле раковины встретился с коротко стриженной девушкой в изящном черном платье. Они скользнули друг по другу взглядами. Девушка тут же закрыла кран и, смущенно ища что-то у себя под ногами, вышла.

На первое ему принесли грибной крем-суп со сливками, нежный, посыпанный красным перцем и стружкой твердого тертого сыра. Потом в простом стеклянном графине с аккуратно повязанной на горлышке салфеткой подали домашнее белое сухое вино. На большой белой тарелке в двух тонких, мягких лепешках, сложенных кармашками, лежали ломтики слегка обжаренной молодой говядины вперемешку с припущенными баклажанами, зеленью и чесночным соусом. Рядом с «кармашками» возвышалась зеленая, блестящая от оливкового масла горка листьев руколы с парой нарезанных дольками бордовых помидоров.

Андрей начал с супа, но съел только половину и оставил тарелку. Потом, уже спокойно, не торопясь, принялся нарезать «кармашки» с говядиной, накалывать на вилку, отправлять в рот и вдумчиво жевать. После супа, теплой говядины и второго бокала вина он ослабил ремень на джинсах, откинулся в кресле и посмотрел в окно, за которым уже успело стемнеть.

«Москва — она совсем как Париж, здесь тоже, если недоедаешь, становишься очень голоден»¹, — подумал Андрей, а в зале заиграла музыка.

¹ «В Париже, если недоедаешь, становишься очень голоден» (Э. Хемингуэй «Праздник, который всегда с тобой»).

Из угла, оттуда, где проживало пианино, зазвучали виолончель и аккордеон. На виолончели играла та самая коротко стриженная девушка. Ее напарница с аккордеоном была не так красива и, наверное, поэтому играла так самозабвенно и смотрела на всех вокруг так мечтательно. Выглядело это непринужденно, однако аккордеонистка четко фиксировала любое ответное внимание и тогда уже не отводила взгляда, пока жертва смущенно не отворачивалась. Виолончелистка же, наоборот, откровенно рассматривала жующих людей. Андрей увидел на ее лице ухмылку и проследил направление ее взгляда.

Объект ее внимания, располневший, лысеющий к затылку бородастый молодой человек, сидел за соседним столиком и очень серьезно интересовался у официанта:

— Скажите, а у «Наполеона» тонкие слои?

И когда озадаченный официант ушел проверять «тонкость» слоев «Наполеона», девушка, сидевшая напротив лысеющего, незамедлительно начала:

— Ну не нравишься ты мне ни по одному человеческому параметру! Что ты от меня хочешь? Секс?! Ну ладно, а дальше-то что?!

Андрею не хотелось вникать в чужие проблемы, и его взгляд вернулся туда, откуда текла музыка.

Тонкими послушными руками виолончелистка вытягивала грустную мелодию о волнах и ночном морском ветре, а аккордеон поддегивал ее ритмом игривого фокстрота. Потом заиграли «Обливион». От него потеплело на сердце: мелодия возвращала домой. Следом зазвучала старая советская «Родная Москва», и девушка за столиком справа сказала другой:

— Представляешь, я слышала эту музыку в одном спектакле. Там после войны, в сорок пятом, в Москве солдат встречает свою старую любовь, и играет вот эта чудесная *полечка*.

Девушка продолжала щебетать, но Андрей был уже где-то далеко. Он смотрел, как свет уличных фонарей пробивался сквозь линзу бокала с вином и устало ложился на стол желтыми дрожащими искрами.

Артистки перестали играть, но музыка, другая музыка, продолжала звучать у Андрея в голове. И лишь когда после нескольких повторений он нащупал ноты для нужного разрешения своей мелодии, музыка в голове стихла, и он снова почувствовал суету, услышал шум, увидел зал ресторана, а потом и сидящих в нем людей.

Андрей поднялся, вытащил из куртки на вешалке пачку сигарет, достал одну, взял зажигалку и пошел к выходу. На бульваре в желтом свете фонарей на детских деревянных лошадках качались пьяные взрослые. Он сел на лавочку у входа, закурил, быстро достал ручку и блокнот и на листе под номерами телефонов с названиями роялей нарисовал забор из закорючек на тоненьких жердочках.

— Угостите, пожалуйста, сигаретой!

Андрей обернулся. Коротко стриженная девушка стояла за его спиной. Она накинула поверх платья мешковатую черную косуху, но выглядела по-прежнему изящно.

— Сигареты в куртке, — ответил Андрей, указывая на дверь ресторана рукой с блокнотом.

Виолончелистка сразу заметила записанные на листе ноты.

— Вы музыкант?

— Да, композитор.

— М-м-м... А что пишете, где выступаете?

Андрей встал.

— Мне сходить за сигаретой?

— А давайте я вашу докурю? Я, кстати, Даша. — Она смотрела на него снизу из-под своей скошенной набок челки, и это был взгляд, ищущий нежности.

— Конечно, докурите, Даша, а мне нужно идти. — Он передал девушке сигарету, улыбнулся и вошел внутрь.

Андрей вернулся за столик. После музыки посетители явно оживились: все болтали, как соскучившиеся после долгой разлуки старые друзья. Он пододвинул к себе тарелку с недоеденным супом, опустил ложку — и выронил ее на пол. В мягком сливочном пюре барахтался таракан.

— Извините, можно у вас попросить салфетку? — обратился Андрей к лысеющему.

— Что, простите?

— Дайте салфетку. У меня в супе таракан, и он явно хочет выбраться оттуда!

— Тарака-ан! — завопила нервная спутница лысеющего.

И в зале повисла опасная тишина.

Лысеющий соображал долго, и подоспевший официант бесстрашно накрыл тарелку с тараканом своим полотенцем и быстро понес ее по проходу, держа перед собой на вытянутой руке. Вслед ему смотрели потерявшие аппетит посетители.

Когда официант исчез за салонными дверьми кухни, все устали на Андрея, сочувственно качая головами. Но вскоре взгляды снова обратились в сторону кухни, за дверьми которой слышались голоса. Потом оттуда появился высокий, худощавый парень в коротковатом пиджаке и направился к Андрею. В руках он держал небольшой бумажный пакет.

— Приносим вам извинения, ваш ужин за счет заведения. И вот, это вам комплимент от администрации ресторана.

Он поставил пакет на стол и удалился.

Андрей покинул ресторан и побрел по бульвару. Остановившись на перекрестке в ожидании зеленого света, он заглянул в пакет. На дне, в пластиковой коробочке, лежал треугольник чизкейка. Андрей улыбнулся, пересек дорогу и вошел в сумрак аллеи.

Хотелось побольше вобрать в себя всего этого: и этой несмело подступающей ночи, и этих прозрачных серебристых листьев, и этих пушистых белых облаков, тихо крадущихся по темно-синему небу. Но — последняя затяжка, эскалатор, грохот метро и вонь туннеля на фиолетовой ветке.

Андрей открыл маленькую книжку в тонком переплете.

«Здесь не место для любви, сюда нужно приезжать, когда хочешь покончить с любовью»², — поясняла героиня своей заурядной сестре.

Всё так.

Он долго ехал в тусклом вагоне, потом еще пару остановок на автобусе, потом шагал туда, откуда, если посмотреть назад, было видно всю ночную Москву. Ближе к дому он почти перешел на бег. Хотелось поскорее сесть за инструмент и поиграть, развить придуманную мелодию.

Подойдя к подъезду, он что есть силы дернул железную дверь. Магнит замка не выдержал, и дверь открылась. Своего ключа от подъезда у Андрея не было.

Он вошел в квартиру. Из комнаты слева, обнявшись и держа в руках бутылки, появились две девушки и, не обращая на него внимания, проследовали на кухню. Он повесил куртку на крючок и, не разуваваясь, направился в ванную.

Он снял свою «великолепную» и единственную рубашку и аккуратно повесил на плечики. Достал из кармана спичечный коробок, открыл шкафчик под раковиной и встал на колени.

По белому кафелю во все стороны разбегались тараканы, врезались друг в друга, прятались за тряпками и бутылками. Андрей разъединил коробок, выбрал таракана побольше, забившегося в угол, накрыл его одной частью коробка и, не отрывая ее от пола, подsunул вторую.

— До завтра, друг, — сказал он вслух, потряс коробок возле уха — убедился, что «друг» на месте, — и убрал его в карман.

Андрей намылil руки, вымыл лицо и шею, вытерся, взял плечики с рубашкой и в одних джинсах вышел из ванной.

На кухне чей-то вой из портативной колонки заглушал пьяный гул едва знакомых Андрею людей. Один из мужчин окликнул его и, выдувая дым от сигареты в раскрытое окно, спросил:

— Ну, как сегодня?

— Богатая, и музыка моя ей вроде понравилась, но ничем помочь не предложила.

— А пожить не пустит?

— Не парься, до конца месяца съеду, у меня на завтра еще три инструмента.

Андрей вошел в свою комнату и закрыл дверь.

² Цитата из книги Трумена Капоте «Злой рок».

Юрий ТАТАРЕНКО

ДЕСЯТЬ МИНУТ ОКТЯБРЯ

Нижнее боковое

Поезд едет — да мимо вайфая.
Мимо леса, кустов и травы.
И дорога, как строчка, прямая —
Если не поднимать головы.
Мною издали интересуюсь,
Звезды искоса смотрят в окно.
«Обнимаю, целую, люблюсь».
Не отправлено. Но прочтено.

Начало ноября

Друг приехал Леонид.
Помидоры режет. Крупно.
Дед за стенкою. Бубнит.
Видно, воспаление бубна.
Небо снегом замело —
Ну, чем рады, тем богаты...
Запотевшее стекло
Не мешает жить закату.

Октябрь. Восточная Сибирь

Семь часов до Читы.
Все вагоны пусты.
Наполняется кружка «Тархуном».
Не тревожить руды.
Просто жить вдоль воды.

Синева — то, что делает юным.
Обогнули Байкал.
Водки просит рука.
Сопки требуют криков с вершины.
Поезд молча идет
Мимо слов, мимо нот,
Мимо плача пожарной машины.
За окном Селенга
Не пустилась в бега.
Поседела до снежных повесток.
Все готово к весне.
И до кладбища мне —
Пара сотен недельных поездов.

Бабье лето

Молодой ты, да ранний.
Только что-то не то.
На осенней веранде
Помирает пальто.
У соседей Сердючка.
Перестук каблуков.
Извелась авторучка
Без попыток стихов.
Не хватает черемух
Ароматных длиннот.
Почитаешь Ерёму —
И отложишь блокнот.
Дядя Ванечка Жданов
Сделал воздух другим.
И лежишь, наслаждаясь
Обнуленьем своим.

Конец октября

Из Братска написать родному брату
Логично вроде — только вот о чем?
О том, что ночь подобна реферату
«Как разводить кусачих белых пчел»?
О том, что двадцать первый век — советский,
Но только без учебников и книг?
С вахтовиками выпить по-соседски
Уговорил нетрезвый проводник.

Видение

Мы помиримся тихо, как мирятся ветки.
А потом — ураганно, как в фильмах для взрослых.
В принесенной с работы рекламной газетке
Ты прочтешь про Шукшинские чтения в Сrostках.
Я успею посуду помыть за собою.
А потом ты из комнаты выйдешь нагая...
А наутро мы в детской поклеим обои.
И прошепчет твой сын, что они — вверх ногами.

Десять минут октября

Кладбище. Вторник. Холод.
Зонтик над головой.
Васька по кличке Хобот
Все еще — как живой.
Тесть, как всегда, набухан.
Пара больших глотков.
Вечность — для сильных духом.
Осень — для слабаков.
Вряд ли кто может смело
Глину назвать ручной.
Завтра дождю со снегом
Быть все одно волной.

Двое на «Войковской»

Маленький город оставлен на тридцать часов.
— Ты переедешь?
— Не знаю. Пока не могу.
Губы немели. И час оставался на сон.
Ей — в электричку.
Его отправляют в Юргу.
...Слово «тук-тук» отыскалось у рельса внутри.
Где бессердечные буквы —
Там смятый листок.
Что интересного может присниться в Твери?
Надо проверить.
Но поезд идет на восток.

Михаил ШУКИН

ЕМУ ДАНО БЫЛО «СЛЫШАТЬ» НАРОДНУЮ ДУШУ

К 75-летию Геннадия Заволокина

Г. Д. Заволокин

Когда-то, еще в девяностые, этот короткий текст был написан для одного из многих дисков с песнями Геннадия Дмитриевича Заволокина. Написан был по просьбе самого Геннадия Дмитриевича, и, помнится, что он ему понравился. Много воды утекло... Но именно с этого текста мне хочется начать свои заметки.

Бывают моменты, когда общая народная душа начинает неосознанно тосковать в ожидании... Хочется ей выплеснуть из себя и боль, и тоску, и веселье, горе и долгое-долгое предчувствие счастья. Тогда и появляется художник — как правило, из самой гущи народной жизни, — которому суждено свыше выразить все эти чувства. Так появился Василий Шукшин со своими героями, ярко вспыхнула «звезда полей» Николая Рубцова, зазвучали по всей Руси православной негромкие, но удивительно проникновенные песнопения иеромонаха Романа.

Геннадий Заволокин — из числа тех творцов, кому дано «слышать» народную душу. Ведь она, живая душа, и в нынешнее смутное время взыскует все того же: Веры, Надежды, Любви. И все это есть в его песнях — то тихо-нежных, то буйно-веселых, а то неторопливо-задумчивых. Но при всей «разности» своей обладают они одним общим качеством — созданы на пределе абсолютной искренности. Потому и неудивительно, что иные песни Геннадия Заволокина давно стали народными и живут, оторвавшись от автора, уже своей, самостоятельной жизнью, как уходят из родительского дома повзрослевшие дети.

Ангела-хранителя им на добрую дорогу, которая ведет к людям.

Так что же это было за явление в жизни России, имя которому — Геннадий Заволокин? А это было именно явление — и теперь это видится особенно ясно, — удивительно цельное по своей сути. И здесь, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Геннадий Дмитриевич был артистом, композитором, писателем, теле- и кинорежиссером, создателем и художественным руководителем ансамбля «Частушка» и легендарной телевизионной передачи «Играй, гармонь». Список этот далеко не полный, его можно еще продолжать и продолжать. Для иного человека любого отдельного направления хватило бы на всю жизнь. Но Геннадий Дмитриевич, объединяя все это в одном лице, был не просто композитором или артистом, он — и это еще раз хочется подчеркнуть особо! — был именно явлением, которое потребовалось в определенную историческую минуту народной жизни.

Всё в его судьбе далеко не случайно, потому что не бывает случайным выбор Высшего Промысла.

И в первую очередь, конечно, нужно обращаться к истокам. Родился Геннадий Дмитриевич Заволокин в Парабели. Север Томской области, место горькое для тысяч и тысяч крестьян, которые были раскулачены и сосланы, как значилось в официальных документах того времени, в «необжитые районы». На деле это обозначало следующее: практически на голом месте, имея под рукой лишь пилу, топор да лопату, надо было заново строить жизнь. И люди ее строили — с невероятным напряжением сил, с потерями, утратами и слезами. А еще — с надеждой, которая, как известно, у русского человека никогда не умирает.

Отец Геннадия Заволокина полной мерой хлебнул страданий, которые выпали на долю миллионов рядовых солдат Великой Отечественной войны. Бои, ранение, госпитали, пребывание на зыбкой грани жизни и смерти. Есть у Заволокиных удивительная семейная история, о которой стоит сегодня вспомнить.

Начало войны. Мужиков провожают на фронт. Слезы, плач. А тут возвращается стадо в деревню, и первой бежит заволокинская овечка. «Однако Митрий-то Заволокин первым с войны вернется», — так разгадали эту примету старухи.

Из доброй сотни мужиков, ушедших на фронт, домой, хоть израненным, но живым, вернулся один Дмитрий Заволокин. Один из всей деревни. Кажется, Бог для того и сохранил старшего Заволокина, чтобы появились на свет Александр и Геннадий — дети послевоенных лет рождения, дети неиссякавшей надежды страны, лежавшей в развалинах.

Я почему-то глубоко уверен, что именно эти обстоятельства сыграли определяющую роль в дальнейшей судьбе Геннадия Дмитриевича. Может быть, поначалу он даже и не осознавал этого, но гены народной жизни, народной судьбы были уже заложены.

Семья переезжает в рабочий поселок Сузун Новосибирской области, удивительно песенный и красивый. И тоже ведь есть знак судьбы — не велосипед, не мотоцикл, а именно гармошку купил своим сыновьям старший Заволокин. Видно, жила и никогда не затухала в сердце, несмотря на все испытания и житейские передраги, тяга к душевному самовыражению — люди красоты жаждали! И этим все объясняется: и упорство дальнейшее, и чисто крестьянская жадность к работе, и неистребимое желание сделать ее как можно лучше, так, чтобы за нее не было стыдно.

Жили Заволокины, как и миллионы других людей в те годы, небогато, в трудах и заботах: косили сено, заготавливали дрова, обихаживали коня и корову, в поте лица своего добывали хлеб насущный. И среди этих будней, как солнечные высверки в неяркий день, звучала гармонь. А как же иначе?! Душа ведь просила праздника!

И это житье среди своего родного народа, более того — когда ты сам частица народа, в будущем обеспечит Геннадию Заволокину ту удивительную свободу общения, которой он так блестяще пользовался во время съемок своих передач. Ему не требовалось ходить вокруг да около своих героев, он с ними всегда и мгновенно находил общий язык, и они проникались к нему доверием, душевно раскрывались, потому что, может быть, неосознанно, но чувствовали и понимали: он, Геннадий Заволокин, несмотря на свой талант и популярность, одного с ними корня, он свой, родной. И с ним, как с родным, можно разговаривать с открытым сердцем, ничего не утаивая.

Учеба в музыкальном училище, которое успешно окончил Геннадий Заволокин, дала ему профессионализм. Но он не просто учился играть на инструменте, чтобы затем сдать экзамен, он учился играть так, чтобы быть лучшим. Видно, уже понимал, что талант, данный от природы, всего лишь малая часть успеха, все остальное — труд. Постоянный, черновой, невидный постороннему глазу. Он играл так, что заболел профессиональной болезнью, суть которой, если опустить мудреное название, в том, что невыносимо болят пальцы.

И сам же пересилил эту болезнь, продолжая играть, претерпевая мучительную боль. Позднее все знатоки говорили о нем как о виртуозе игры на гармонии и на баяне, как о непревзойденном аккомпаниаторе. А он продолжает совершенствоваться, учит нотную грамоту, так, чтобы знать ее как азбуку.

Наверное, как и все молодые люди, он мечтал в те годы об успехе, но мало ли кто мечтает, строя радужные замки, он же ступенька за ступенькой одолевал долгую и тернистую дорогу к вершинам профессионального мастерства.

Из писем в народную передачу «Играй, гармонь»:

Господи, радость-то какая! Пляшу! Сколько длится концерт, столько и пляшу!

* * *

Представляется, что не где-то, а вот здесь, у тебя в комнате, много-много родных, очень родных гостей, будто сто лет всех знаешь. И забывается все на свете. А после еще долго грустно, словно опустела горница...

* * *

Мой сосед, живущий через стенку, так стучал по стене в этот вечер, что я, испугавшись, побежала к нему с вопросом: «Что случилось?» Он с радостью мне говорит: «Смотри, гармонь играет!» — и показывает на телевизор.

Из писем в народную передачу «Играй, гармонь»:

Отец ушел на войну, оставив нам гармонь. И погиб. Нас, малышей-дошколят, при маме осталось трое. Мама говорит, что папа играл так... нет слов, гармонь стонала в его руках! Подрастая, мы даже иногда ссорились из-за этой гармонии, чтобы поиграть. А мама вынуждена была ее продать, чтобы нас прокормить, хотя сказала, что отдала ее в город на ремонт. Мы долго ждали гармонь, но напрасно.

* * *

У моего папы был конь Рыжко. Поэтому мама пела частушку:

*Земляничка в коробочке
 Растаяла, лежит.
 Мой миленочек на Рыженьком
 Прискакивает, бежит.*

Когда надо было загнать коня с выгона, папа брал гармонь, выходил за ворота и начинал играть частушечную мелодию. И Рыжко несся домой во весь мах. Иначе его не дозовешься. И вот что еще удивительно, конь не обращал внимания на других гармонистов. Не верили отцу: играл и сосед, и другие приходили к нам играть — конь не реагировал на их игру! А стоило заиграть папе — конь был у ворот. Прискачет, папа на его приход в конюшню играет плясовую, и Рыжко встает на задние ноги и кружится...

Сузунский русский народный хор... Именно в этом коллективе Геннадий Заволокин начал свой долгий творческий путь. И опять же — судьба. Не в каком-то ином хоре, а именно здесь, на малой родине. И именно здесь он впервые испытал ту радость, о которой мечтает любой артист, — горячий прием зрителей. Всех, кто пел, играл или танцевал на сузунской сцене, в лицо знала и по-настоящему любила вся округа. А уж как встречали своих артистов сузунцы, когда те выходили на сцену, — словами не передать, иногда казалось, что в стареньком Доме культуры потолок обвалится...

Первые выезды на гастроли, первые съемки на телевидении — нужно ли говорить, что для молодого музыканта, делающего первые шаги, это очень много значило. К этому же времени относятся и робкие попытки написания песен. Вообще, удивительная вещь, когда начинаешь основательно задумываться о творческом пути Геннадия Дмитриевича Заволокина, то в глаза невольно бросается одна особенность: пытаешься взять все рациональное и пытаешься всему научиться в любых жизненных обстоятельствах, Геннадий Заволокин в то же время очень четко улавливал тот момент, когда рамки, отведенные ему обстоятельствами, становились тесными. Он, как тот русский богатырь, накапливая силу и чувствуя ее, сразу же ставил и другие задачи.

Спасибо, низкий поклон Сузунскому русскому народному хору за все, что он дал и чему научил, но впереди — новые горизонты. И Геннадий Заволокин перебирается в Новосибирск, где становится руководителем народного хора в ДК имени Клары Цеткин, чуть позднее сюда же перебирается и Александр. Новые возможности Геннадий Заволокин использует сполна: он знакомится со знаменитым новосибирским поэтом Василием Михайловичем Пухначевым, появляются первые песни, написанные в соавторстве с ним. Одну из них «Звали, звали мы Ванюшу» запели Рязанский народный хор и ансамбль «Воронежские девочки». Это для молодых артистов уже было существенным успехом. Тогда же братья Заволокины явили своим слушателям первый результат совместного творчества — «Сир-бир-бирь» и «Ты мне нитки не мотай...».

И на этом периоде в творчестве Геннадия Заволокина надо остановиться особо.

Для этого нам нужно оглянуться назад и вспомнить...

Что собою представляли в то время так называемые народные хоры? Выходили на сцену и выстраивались полукругом женщины якобы в народных (а в действительности — псевдонародных) костюмах, и первые песни, открывающие концерт, обязательно должны были посвящаться партии, ну и так далее. И только где-то со второй половины концерта начиналось то, что еще можно было, пусть и с натяжкой, назвать народным творчеством. И Геннадий Заволокин, который остро чувствовал любую фальшь, не мог этого не почувствовать. Поэтому песни, написанные им с братом, с которыми они вышли к зрителю, были не только удачным творческим дебютом, но и вызовом официальной скуке. Среди строго регламентированного, отрепетированного и тоскливого, как партсобрание, действия вдруг появились два молодых, слегка разухабистых и улыбчивых парня, свободных и веселых, как будто шли они с вечерки, которая только что гомонила за околицей, шли да и забрели на сцену, чтобы повеселить народ. И народу эта непосредственность, живое чувство сразу же пришлось по душе.

Пожалуй, именно этот момент и сыграл главную роль в дальнейшей творческой судьбе Геннадия Заволокина. Может быть, в то время он еще не задумывался, не анализировал этот успех, но, как всякий талантливый человек, без сомнения, остро почувствовал тот живой нерв, который соединил его со зрителями. Говорить об этом можно с большой долей уверенности, потому что именно этот «нерв» всегда остро чувствовал Геннадий Дмитриевич, работал ли он в концертном зале, снимал ли передачу.

И еще нужно особо сказать об одном обстоятельстве. Был сделан четкий выбор на многие годы вперед: истинно народное творчество, живое, теплое, иск-

Выступают Александр и Геннадий Заволокины!

ренное. Но и этот выбор сделать в то время было делом непростым. По одну сторону — псевдохоры, о которых уже говорилось, а по другую — вокально-инструментальные ансамбли, которые тогда плодились в огромном количестве, предвеляя нынешний музыкальный мусор, которым забит эфир. Надо было искать свой путь, чтобы с ним была согласна собственная душа. Так что речь шла не только о выборе в искусстве, но и о выборе нравственном.

Братья Заволокины переходят работать в филармонию, теперь уже со своей программой, со своими работами, когда все зависит только от собственных усилий.

И снова — спасибо, низкий поклон ДК имени К. Цеткин, заводу «Сибсельмаш», под крылом которого находился народный хор,

Поездка в Сузун

своей чередой, но уже и в этих рамках ему тесно. Вместе с Александром они начинают собирать частушки. Точнее, наверное, будет сказать так: сам народ, почувствовав в них родных и близких по духу, понес им собственное творчество, бескорыстно отдавая настоящие золотые россыпи: берите, ребята, пользуйтесь, только сохраните, чтобы все это не пропало.

И они с благодарностью брали, накапливали это богатство, изучали его и уже со сцены обратно возвращали в народ. И не только со сцены: публикации братьев Заволокиных появляются в журнале «Сибирские огни», в Западно-Сибирском издательстве выходит книжка «Частушки родины Шукшина» — специально ездили в Сростки, где записывали эти частушки от земляков Василия Макаровича.

за все спасибо, но впереди — другие горизонты.

И началась жизнь артиста филармонии.

Попутные машины, холодные гостиницы, сельские клубы с маленькими, неудобными сценами и бесконечные сибирские проселки. И тоже ведь была немалая опасность: въехать в эту колею и уже никогда более из нее не выбраться. Накопить небольшой опыт, достаточный для публики, десяток-полтора собственных заготовок на все случаи и эксплуатировать их до конца жизни, превращая творчество в грубый профессионализм, в способ зарабатывания денег для содержания семьи. Могла ведь и так сложиться судьба. Мало ли их, ярко начинавших, но быстро потухших?! Но и здесь Геннадий Заволокин снова делает выбор и начинает торить свою, собственную дорогу по той целине, по которой до него еще никто не ходил. Поездки и концерты идут

Из писем в народную передачу «Играй, гармонь»:

Все началось с того, что мой отец со старшим братом повели на рынок в город Тихорецк продавать быка. Продали и купили гармонь «Тула» двадцать три на двенадцать. В 1953 году. Идут по улице с рынка, брат играет, а отец припева-ет. Мама вышла на улицу, посмотрела и говорит: «Наши идут, это бык мўкнул».

...В 1986 году попал я на операционный стол, была долгая операция. Медработники назвали меня артистом, так как на протяжении всей операции под наркозом пел песни и частушки. Как они сказали, впервые попался им такой пациент.

* * *

Хотите знать, что сказал про вас мой внук Женя после передачи? Пожалуйста: «Геннадий Дмитриевич не играет, а только гармошку держит, а она сама играет. Ему дай сто гармошек — он на всех сыграет».

День за днем, месяц за месяцем — поездки, поездки... А еще — учеба в институте культуры, потому что без знания всех тонкостей избранной профессии никакой, даже самый мощный, природный талант развиваться не может.

Теперь, как бы заново проходя по жизни Геннадия Дмитриевича Заволокина, особенно ясно начинаешь осознавать, что в ней не было ничего случайного, наоборот, все закономерно — как упорный и постоянный подъем в крутую гору.

В Москве выходят пластинки с песнями братьев Заволокиных, вместе с известным талантливым режиссером Юрием Шиллером снимаются удивительные фильмы: «Плясуны» и «Гармонисты»... Именно в это время шло накопление материала, накопление опыта, готовился крепкий фундамент, на котором затем так мощно и так ярко возникнет неведомое до сих пор в нашей отечественной культуре явление — «Играй, гармонь».

Сохранилась запись, сделанная самим Геннадием Дмитриевичем, на бумажном листке (он многое записывал именно на отдельных листках и тщательно хранил): «23 марта 1983 года. Был Жердев. ИДЕЯ! Провести съезд гармонистов. “Во грянем! — сказал Жердев. — Лично я пять гармонистов приведу”...» Анатолий Иванович Жердев — уроженец Мошковского района Новосибирской области, всю жизнь проработал шофером. Можно сказать, что именно он принес идею из народа.

И грянули!

Съезд гармонистов (а съехалось около сорока народных музыкантов) состоялся в Новосибирске, во Дворце культуры железнодорожников. «Чудо происходило на глазах, — писала газета “Советская Сибирь”, — такая обычная, на первый взгляд примитивная, давно знакомая гармошка в этот вечер словно преобразилась. То уводила на фронтовую дорогу сорок первого, то в полевой госпиталь, то в разноцветье девичьих платиц деревенской вечерки...»

Так родилась «Играй, гармонь».

С кинорежиссером Юрием Шиллером (справа)
и оператором Анатолием Рудневым (слева)

Первые же выпуски этой телевизионной передачи произвели эффект разорвавшейся бомбы: небывалый зрительский интерес, восторженные отзывы самых разных людей, даже тех, кто, казалось бы, далек был от народного творчества. Перечисляю по памяти: кинорежиссер Сергей Соловьев, литературовед Игорь Золотусский, композитор Александра Пахмутова... Впрочем, дело не в именах, а в том, что передача получила душевный отзыв всей страны.

А еще были письма зрителей. Они шли на телевидение девятым валом, мешками — так благодарила Россия за передачу «Играй, гармонь». Невольно задумываешься: почему так произошло? Ведь передача проста, без вычурностей, может быть, даже иногда простовата; но почему же замирает сердце всякий раз и на глаза наворачиваются слезы, даже если перед этим ты от души смеялся? Почему? На этот вопрос уже пытались ответить многие, есть даже серьезные работы специалистов-киноведов, но все это — на мой, конечно, взгляд — мимо, не «в десятку». А мимо потому, что рассматривают режиссерские ходы, подачу материала (сразу хочу оговориться, что все это важно и нужно), но не затрагивают главного — удивительного соединения создателя передачи с общей народной душой. Точнее, даже так: это была и его душа.

А отсюда — необыкновенная искренность, которой так не хватало раньше, а сегодня тем более, на нашем телевидении.

Геннадий Заволокин явил народу на экране сам народ. Веселый, добрый, порою по-детски наивный, удивительно талантливый и живой.

Русский народ!

И в этом — главное!

И именно в этот момент, на взлете славы и популярности, в душе Геннадия Заволокина, как мне кажется, произошел духовный перелом. Стихия народного таланта, понимание этого таланта привели его к православной вере. Не в угоду моде, а по истинно тернистому, выстраданному пути. Об этом Геннадий Дмитриевич не раз говорил в своих интервью, на встречах и концертах, но никогда и нигде он не сказал о том, о чем сам он, конечно, знал, — это была его

Съемка телепередачи «Играй, гармонь» в Новосибирске

Из писем в народную передачу «Играй, гармонь»:

Сынок, если ты оставишь это на полпути, от тебя отвернутся все, кого ты смог зажечь, кому смог бросить зернышко надежды. Ты даже сам не знаешь, что наделал. Я, ветеран Великой Отечественной, летчик-истребитель, тебя благословляю.

* * *

Это было в Таджикистане. В 1941—1942 годах стали возвращаться домой фронтовики, вышедшие из строя. Из них были: Миша Потрясов без левой руки по локоть; Павлик без правой руки, тоже по локоть; Ваня Семикозов без одной ноги полностью. И всем ребятам по 18—20 лет. По вечерам мы собирались к Павлику на танцы. Миша играл на правой клавиатуре, Павлик — на левой, одну гармошку тянули двое. Ваня плясал на одной ноге, поддерживаясь костылями. Это было ужасное зрелище, многие не выдерживали и, отходя в сторону, плакали.

* * *

Похлопочи там, Геннадий, чтобы еженедельно шла передача про гармонь на 120 минут. Войди в наше положение. Умирать соберешься, услышишь гармонь — и воздержисься!

личная, глубоко скрытая тайна. Как православный человек, он осознал: талант, данный Богом, служить должен делу божескому. Без всяких компромиссов, отступлений, а истово, с полной отдачей всех сил. Именно ты, и никто другой, потому как никто не придет и не заменит тебя, не скажет: передохни. И он, не раздумывая, взвалил на себя груз неимоверной тяжести, опять же понимая: он несет ответственность перед миллионами русских людей и перед Высшим Промыслом.

Последние годы жизни Геннадий Заволокин трудился как одержимый. Передача, фильмы, диски, книги, журнал, концерты, гастроли — и все на пределе, без оглядки, без всяких послаблений, прежде всего самому себе. Иногда за него даже становилось боязно. Но иначе он уже не мог.

И первыми, кто понял и оценил по достоинству этот духовный и нравственный выбор Геннадия Заволокина, были — как это ни покажется странным и горьким — не друзья и не почитатели его творчества, а враги. Именно они сразу сообразили, какую роль будет играть этот человек в нынешней ситуации, когда все исконно русское, исконно народное предавалось осмеянию и глумлению. «Играй, гармонь» выдавливали из эфира всеми способами, какие были только возможны. Несколько раз передача была на грани закрытия. И только сам Геннадий Дмитриевич знал, сколько пришлось положить сил и нервов, чтобы пятнадцать с лишним лет на антирусском, антинациональном телевидении выходила русская национальная передача.

Поле духовной брани...

Эти слова для Геннадия Заволокина были не отвлеченным понятием, не красивым литературным образом, а сутью его собственной жизни. Он стоял на этом поле, как воин, не ожидая подмоги от засадных полков, надеясь только на Божью помощь.

И выстоял до конца своих земных сроков.

«Слышь, Дмитрич...» — когда-то мы вместе придумали эту рубрику для журнала «Играй, гармонь» и всякий раз от души хохотали, собирая для нее

«Золотая десятка» гармонистов России

смешные байки и случаи. И разве мог я тогда подумать, что именно эта фраза будет беспокойно стучать в памяти в те страшные дни всеобщего ошеломления и горя, когда Россия потеряла своего гармониста.

Мы ехали в Ордынку, по той самой трассе, мимо тех самых бетонных блоков, возле которых еще поблескивало битое после аварии стекло, а на горизонте, на фоне вызревающих хлебных полей, грозно клубились темно-синие тучи, словно безмолвно напоминали и о суровом времени, в котором нам довелось жить, и об огромной утрате.

«Слышь, Дмитрич...» — мысленно обращался я в просторы, которые раститались по обе стороны трассы, прекрасно понимая, что ответа мне уже никогда не будет.

И вот оно, последнее свидание в морге районной больницы. И большое, сильное тело в страшных ранах — вот уж воистину, как с поля боя... И печать сурового спокойствия на лице: я сделал все, что мог...

Он умер с молитвой на устах, а в багажнике покореженной и разбитой машины уцелела, разделив с ним последние мгновения жизни, любимая гармошка...

Когда мы вынесли гроб и погрузили его в машину, начал накрапывать дождь, а когда выехали из Ордынки на трассу, дождь встал стеной. Будто сами небеса оплакивали гибель Геннадия Заволокина, Народного Артиста России, не в смысле звания, а Народного по истинной своей сути.

«Слышь, Дмитрич...»

Нет ответа...

Но гармонь-то в России играет. И будет играть, пока есть Россия.

Александр АГАЛАКОВ

ЛЕТУЧИЙ ВОРОВСКОЙ ОТРЯД

Гнус — нечистое мелкое животное.

*Толковый словарь живого
великорусского языка В. И. Даля*

Мир воров чрезвычайно разнообразен. Фигура вора почитается среди себе подобных, особенно когда помимо желания жить за чужой счет человек воруящий имеет гибкие пальцы, талант и фарт. Таких, умудренных опытом и отсидками, представителей криминалитета специальные сходки коронуют, наделяя званием «вор в законе». В природе есть паразиты, вступающие с источником своего пропитания в симбиоз, как некоторые бактерии, помогающие человеку переваривать пищу. Для общества же воры — это паразиты, которые пользы не приносят. Но жить отдельно от обираемых ими «терпил» воры не могут. Поэтому жулики пасутся в гуще жизни, среди своих «кормильцев», которых откровенно презирают за невнимательность и головоупяцтво. На транспорте, где всё в движении, воры отличаются особой виртуозностью, поскольку используют специфику поезда, самолета или речного судна. Здесь часто действует не один вор, а группа сообщников. Расскажем об одной такой группе, точнее, о воровском сообществе середины 1980-х годов, оседлавшем железнодорожный пассажиропоток черной тучей гнуса.

Одно слово — гнус

подавляющая часть пассажиров с купленными билетами в карманах прибывает в залы ожидания за час до отхода поезда или за два часа до вылета самолета. С учетом городских пробок запас времени иногда увеличивают вдвое. Транзитные пассажиры в ожидании своего поезда/самолета могут маяться в залах ожидания сутками, если на место в гостинице денег не хватает. Тут их и подстерегают воры — «майданщики». Высматривая жертву, «майданщик» исходит из простой аксиомы: чем больше у человека багаж, тем труднее за ним уследить. Самыми распространенными жертвами подобных преступлений становятся туристы, уезжающие к теплему морю, и мелкие коммерсанты-челночники. Порой воруют так чисто, что о пропаже баула потерпевший узнает лишь в конечном пункте маршрута.

Вокзальные воры называются еще «банщиками» и производными от этого словами — «байданщиками» и «бановыми шпанамы». Широко воруют ручную кладь и багаж, еще шире практикуются хищения из карманов. Так, «берданочки», «сидорчики», «скрипушники» — большие специалисты по умыканию ручной клади. Им сродни «сопчики» и «угловороты», крадущие «углы» (чемоданы). Хотя с исчезновением такой распространенной ранее тары, как

кожаный параллелепипед с ручкой, последние два подвида воров — вымирающие. Карманные вору на транспорте представлены довольно широким синонимическим рядом запутанных наименований: это «вихеры», «жехи», «жульманы», «лазутчики», «отвертвики» и «отверточники», «транспортники», «тонкая проволока», «ширмачи» и «щипачи». Вокзальный вор вихрем — вихорем (порывом, натиском) — выметает ценности из кармана пассажира на посадке, когда тому нужно поднять ногу, чтобы зайти в транспорт, и поднять руку, чтобы схватиться за поручень. Это «посадчик», или «жех». В людской толчее он выбирает удачное положение для карманной кражи у посетителя вокзала. Сложение слов «жулик» и «пульман» (пассажирский вагон) дали наименование поезднему вору — «жульману». Многозначный глагол «лазить» (по вагону, по карманам) определяет воровскую специальность «лазутчика». «Отверточник» умело отвертывает полу плаща/пальто/куртки, чтобы сунуть руку в чужой карман. А место совершения преступления — на транспорте — стопроцентно объясняет наименование «транспортник». Тонкой проволочной петлей или загнутым концом тонкой проволоки выуживают из карманов кошельки самые деликатные и осторожные вору, именующие себя по инструменту совершения кражи — «тонкая проволока». Некоторые из воров для прикрытия манипуляций с чужим карманом могут использовать в качестве ширмы (отсюда пошли «ширмачи») платок, пакет, сложенную на локте одежду. Вокзальные воровки именуется либо «мурка», либо «кармен» — если последняя из числа цыган.

По методу совершения краж вору подразделяется на «вертухал» — совершающих кражу на виду у потенциальных свидетелей; «леопардов» — крадущих вещи и деньги ночью; «мойщиков» — обкрадывающих только спящих пассажиров; «подкладчиков» — осуществляющих подмену сумок и баулов (как правило, китайских безразмерных сумок) и «подсадчиков» — совершающих кражи путем «подсидки», злоупотребления доверием. К высшей касте воров примыкают «гастролеры», именуемые еще «залетными», «летунами» и «чержаками». Так как их ищет местная милиция, они едут орудовать в другой регион. К низшему воровскому сословию относятся вору-«глухари», обирающие пьяных. Особым методом, отличным от тайного хищения, пользуются транспортные грабители «дербанщики», «рвачи» и «хапушники», которые вырывают из рук пассажира вещи, деньги и ценности и убегают.

По способу совершения преступлений также выделяются «верхушечники», совершающие кражи из наружных карманов пассажиров. «Понтщик» отвлекает гражданина невинным вопросом, например: «Дядя, скока время?» Пока дядя объясняет спросившему, что надо говорить «сколько» и «времени», вор обчищает его карманы. Разновидностью «понтщиков» является «вольничик», который устраивает скандал по поводу и без, типа «Вы мне ногу отдавили» или «Зачем смотришь косо?». Оторопевшего пассажира хватают за грудки, после провокации отпускают, даже извиняются, но дело уже сделано — «оскорбитель» обворован. «Змееньш» — подросток или взрослый изящной комплекции — совершает кражи, на стоянке пролезая в приоткрытое окно купе, пока пассажиры высыпали на перрон и оставили вещи без присмотра. Именно поэтому в фирменных поездах работают кондиционеры, а окна закрывают наглухо. «Писака», он же «художник» и «чертежник», действует бритвой или остро заточенной монетой, подрезая карманы, чтобы вывалились хранящиеся там ценности.

Нельзя не упомянуть о «популярных» предметах и ценностях, составляющих список воровских притязаний на транспорте и давших название преступным субъектам. Так, «бачкист», он же «сьемщик», охотится за часами, снимая

их с рук или вынимая из карманов. Сегодня вместо часов «съемщики» поворывают сотовые телефоны, виртуозно вытаскивая их из чехлов на шейных шнурках. «Белочник» ворует постельное белье, что провоцирует конфликт пассажира и проводника. «Десантник» покушается на товары при их транспортировке. «Буфетчик» и «кошатник» — на продукты и выручку из буфета при зазевавшейся буфетчице. Разновидностью буфетного вора является «енофырь», крадущий мелкий ширпотреб из вокзальных киосков. Если «писатель» срежет дамскую сумочку с ремешков и исчезнет, то более аккуратный «дурковод» сумочки «дурам» не портит, а осторожно ридикюль раскроет и сворованное унесет. В вагоне «швец» снимает с вешалок верхнюю одежду, т. е. как бы «обштопывает» едущих. Воровской жаргон весьма ироничен: например, «обуть» значит украсть обувь, «нахлобучить» — украсть шапку.

«Капорщик» — специалист по головным уборам, которые граждане размещают в вагоне или на вокзальной лавочке. Лежит рядом кепка или бейсболка — и вдруг ее нет. У «шведов» и «капорщиков» налажен сбыт похищенной одежды и головных уборов на вещевых рынках, даже в других городах.

Как видим, просто невозможно целиком и полностью охватить этот многоликий отряд паразитов, которые, как блохи, скачут с вокзала на вокзал, из вагона в вагон. Однако ловля таких блох необходима как в санитарных целях, так и чтобы облегчить пассажирам следование по маршруту. Перейдем к реальным историям.

Первые камни в лавине

В 1984 году на станции Омск во время стоянки поезда Москва — Новосибирск у гражданина Шаура украли значительную сумму денег. Кошелек был в пиджаке, пиджак висел в купе, и вот — пиджак на месте, а денег нет. По заявлению потерпевшего было возбуждено уголовное дело. Немного позже в дежурную часть ЛОВД на станции Омск обратился пострадавший с поезда Москва — Иркутск. Денег у него пропало немного, но пассажир не преминул обратиться в органы правопорядка. По подозрению в совершении краж была задержана Татьяна Чернова¹ (Булыгина), 22-летняя особа по кличке «Макака», уроженка города Горького (ныне Нижний Новгород). На следующий день вслед за сестрой в милицию попали ее братья — юные Сергей и Николай Булыгины. Папка с протоколами допросов, составленными следователями, стала расти, превращаясь в многотомное обвинение против группы лиц, избравших образом жизни бродяжничество и воровство. Единственным источником средств к существованию бродяг являлись поездные кражи. В уголовном деле в качестве мест преступления зафиксировано 37 городов, включая Новосибирск, Пензу, Казань, Оренбург, Сочи, Саратов и многие другие. Потерпевшими по делу проходили 68 человек, свидетелями — 81 человек. У подсудимых было изъято множество ворованных золотых украшений, значительные суммы денег. Одних наручных часов набралось три тугих пакета, прочие вещественные доказательства уместились в пяти мешках.

Видя нарастающий объем работы, руководители центральных органов МВД СССР планировали передать дело в руки столичных следователей, которые всегда подключались к крупным делам, особенно когда находились виновные. Но заместитель начальника Западно-Сибирского УВДТ, начальник СО (следственного отдела) Михаил Литовченко настоял на том, что «расколоть» этот

¹ Фамилии некоторых действующих лиц изменены.

«крепкий орешек» — дело чести сотрудников транспортной милиции Западной Сибири. Последовали многочисленные экспертизы, протоколы допросов, опознаний, очных ставок по 1600 криминальным эпизодам. Сбор доказательств длился девять месяцев, их бумажный объем составил 18 томов. Следствие неоднократно продлевалось Западно-Сибирской транспортной и республиканской прокуратурами. Воры меняли показания, юлили, «ничего не помнили». Однако припомнить им все-таки пришлось.

...В одной из бесед со следователем юная воровка Таня Буткова показала, что в Чапаевске Самарской области у нее на квартире спрятан кулек с 30 ворованными золотыми украшениями. В Чапаевск оперативники выезжали дважды. В первый раз девочка решила похищенное не выдавать и обмануть милиционеров: во время обыска вывела собаку погулять, уместив кулек с золотом в собачьей пасти, дабы перепрятать. «Что ж ты, Танечка, обманываешь?» — удивился следователь Владимир Воробьев. — Ведь мы с тобой решили, что ты будешь правдивой». «Виноватая я, больше не буду», — повiniлось хрупкое создание, обворовавшее 115 пассажиров.

Жизнь моя — «жестянка»

Следствие установило, что устойчивое воровское транспортное сообщество складывалось по принципу: «Рыбак рыбака видит издалека». Встречаясь на вокзалах, перронах и в поездах, «майданщики» безошибочно узнавали друг друга. Любой вор по виду, взгляду и манере держаться мигом определяет себе подобно-го. Что удивительно, в преступной среде конфликтов на тему: «Это моя станция (мой поезд), брысь отсюда!» — не возникало. «Пастбище» было обширным, и места на нем хватало всем. Территориальных претензий друг к другу никто не высказывал. Наоборот, воровское сознание диктовало: бродяги, объединяйтесь! И они объединились, собрав мобильный отряд численностью до 45 человек.

Костяк преступного клана, объединенного узами родства, сожительства, приятельскими отношениями, совместными попойками и совместным воровством, возглавили известные на железной дороге фамилии: Губины, Ищенко-вы и Володаевы. Старая воровка Зинаида Губина имела троих дочерей: Светлану, Наталью и Татьяну. Розалия Ищенко-ва — двоих: Надежду и Ольгу. Мария Володаева — тоже двоих. В свою очередь, дочери имели мужей и сожителей, от которых пошли дети. Делами клана заправляла старая воровская «мама», малограмотная уроженка Чувашии Нина Сорокина, 1927 года рождения. Она составила с покинувшей украинский город Фастов и судимой за кражу и бродяжничество Валентиной Нестеренко четвертую криминальную «семейную» пару.

К семейной оси Губины — Сорокина время от времени присоединялись многие другие скитальцы. На одном из вокзалов бродяги Губины подобрали брошенную родителями пятилетнюю девочку Таню Буткову, которую вместе с собственными детьми обучили воровскому ремеслу. Детей учили, как тихо пройти по поезду во время стоянки, засовывая руки под матрасы и подушки в пустых незакрытых купе.

Прибыв поездом, теплоходом или самолетом из другого города, семейство устраивалось в гостиницу, например аэрофлотскую пензенскую «Ласточку», чтобы ездить воровать на местный вокзал. Чаще всего шумная компания оставалась в комнатах отдыха при вокзалах.

Не беда, что проживание в других городах стоит недешево. «Работа» с ценностями пассажиров с лихвой окупала затраты, к которым относились выплаты проводникам, чтобы пускали в вагоны (таких проводников называют

«гаврилками»), и милиционерам. Следствие направило в прокуратуру около семи дел, связанных с подкупом стражей правопорядка на Московской, Куйбышевской, Свердловской и других железных дорогах. На Казанском вокзале был уволен с должности взяточник в погонах старшего лейтенанта. Следствие установило, что на протяжении десяти лет дружный воровской коллектив перемещался по стране, «гастролировал» по городам, собирая обильные трофеи.

Веселую, разгульную жизнь обеспечивали шальные деньги и ворованные драгоценности. На «вырученные» средства «пилигримы» покупали что хотели, но так же легко расставались с покупками. Например, на рынке в Куйбышеве Тане Бутковой понравилась собака. Обменяв два золотых перстня и печатку на мохнатого друга, девочка погладила пса... и отпустила на свободу. Воры не знали цены деньгам, так как никогда не работали. Купленные магнитофоны и приемники скоро выбрасывали по причине севших батареек, другие вещи раздавали встречным и поперечным. Легкая добыча позволила семьям Ищенконых и Панасюков купить в городе Татарске Новосибирской области два дома, изъятых впоследствии в пользу государства. Каким же густым облаком гнуса надо облеплять поезда, чтобы добытые средства с лихвой перекрывали потребности?

«Змея подходит к водопаду»

Воровской язык очень метафоричен. Этим изречением «майданщики» обозначали момент, когда поезд останавливается и наступает удобный момент проверить содержимое чужих карманов и сумок. Действительно, поезд отдаленно напоминает пресмыкающееся, а высыпавшие из вагонов пассажиры походят на брызги. Подробно про «змею» и «водопад» подследственные рассказывали следователю Воробьеву, который сумел установить с «подопечными» личный контакт.

Перед приходом каждого пассажирского поезда Сорокина-«мама», Панасюки и юные исполнительницы Наташа Губина и Таня Буткова, чтобы не мешать друг другу, разделялись на группы и распределяли роли. Времени остановки поезда (обычно 15—20 минут) им хватало на то, чтобы, подкупив «гаврилок» в голове и хвосте состава, пройти его насквозь, не вызывая подозрений у неподкупленных проводников и оставшихся в поезде пассажиров. Пока молодые трудились не покладая рук, старые воровки отдыхали на вокзальных скамейках. Зачем таскать старые кости по вагонам, если за них это успешно проделают дочери?

Для успешного «прохода» наши антигерои умело маскировались: переодевались в дорожную одежду — халаты и спортивные костюмы, обувались в тапочки. После того как пассажиры высыпали на перрон прикупить соки и пирожки, юные создания в мягких тапочках шли по полупустым вагонам, выгребая по пути из карманов оставленной одежды, сумок, из-под подушек и из других потаенных мест деньги, документы и ювелирные украшения. Зрелые воры «стояли на стреме», предупреждая о неожиданном возвращении пассажиров или появлении сотрудников транспортной милиции. В случае опасности дети прикидывались попрошайками. Пятнадцать минут «работы» — и готово. Значительные деньги и ценности ворами держать при себе опасно — их могут уличить в краже. Поэтому сметливые Буткова и сестры Губины через почтовые отделения на станциях железной дороги высылали деньги почтовыми переводами в Тольятти на имя одной из соучастниц.

«Проколы» случались редко. Воры умело выпутывались из сложных ситуаций. Мать четырех малолетних детей Зинаида Панасюк рассказала следователю Воробьеву такую историю.

На станции Киров ее муж Николай попался на краже денег. С целью отвести беду, нависшую над мужем, Зинаида договорилась с криминальной молодежью — М. Панасюком и А. Сучковым, и те очень быстро наворовали в разных городах сумму, достаточную для возмещения ущерба потерпевшей. Необходимые деньги были своевременно собраны и отосланы по адресу. Потерпевшая осталась довольна. Очевидно, был «подмазан» и следовательно, так как вор отделался условным наказанием.

Добыча порой сама шла вору в руки. Однажды на станции Пенза, поджидая очередную «змею» у «водопада», криминальные дамы наблюдали за вещами пассажиров, сдаваемыми в автоматические камеры хранения (АКХ). Н. Сорокина и Т. Губина подсмотрели шифр, который набрал на ячейке АКХ один из потерпевших. Воспользовавшись безалаберностью пассажира, воры умыкнули чемодан с кинокамерой и фотоаппаратом. На станции Саратов воровской фарт выпал на долю Нины Балковой. На перроне она увидела мужчину, который обронил бумажку с записанным кодом АКХ.

Помня о том, что у ее сподручной Вали нет паспорта и им трудно прописываться в гостиницы, на станции Оренбург Нина Сорокина вытащила из кармана пальто пассажирки паспорт. На станции Пенза Сорокина совместно с парочкой сожителей — «Дроздом» (бомж Анатолий Волохов) и дважды судимой, лишенной родительских прав матерью четырех малолетних детей Ниной Балковой — стянули у пассажира удостоверение участника Великой Отечественной войны. Сорокина свела едким раствором прежние записи, написала свою фамилию и вклеила фото. Подделка документа помогла скорейшей прописке в номерах. Работники гостиниц отмечали в своих показаниях, что у криминальных постояльцев на руках было много денег. Бродяги говорили простодушным людям, что «много работали, теперь имеем право отдохнуть».

Золото в могиле

«От работы кони дохнут» — такими ироничными словами можно открыть печальную для воровского клана страницу. На воронежской станции Поворино не выдержал напряженного темпа краж и безвременно отбыл в мир иной Сергей Азиков, «дорожный» муж Нади Ищенко. Безутешная теща Розалия Ищенко погнала дочерей (и вдову в первую очередь) по вагонам, чтобы собрать денег на похороны. Собранных денег хватило на похороны, поминальный обед, приобретение обнулы для покойного и пошив траурных нарядов для бедных родственников. Вдова и теща на поминках хвалились, что усердно трудятся, хорошо зарабатывают, поэтому так щедры, отдавая усопшему последний долг.

Воровской шик явился причиной для эксгумации другого захоронения. Немного ранее отдала грешную душу на суд Божий престарелая Зинаида Губина. Воры похоронили маму в Саратове на Елецанском кладбище, но через несколько лет потребовалось потревожить бранные останки. Провожая покойницу в последний путь, благодарные дети нацепили на труп цепь с кулоном и массивное кольцо-печатку. Украденное золото достали из гроба и вернули истинным владельцам.

Изделий из драгметаллов членами устойчивого воровского сообщества добывалось так много, что они не знали, куда девать «рыжье». Отдыхая от своих «скорбных дел» в теплом Сочи, группа в составе А. Соловьева, Т. Павловой, Т. Гавриковой, В. Чубенко, М. Сахарова и А. Сучкова заприметила стоявший у морского вокзала теплоход «Адмирал Нахимов». Спонтанно возникшая идея обворовать «Нахимов» никого не испугала. Под натиском морских «майданщиков»

огромный пароход капитулировал. Пропала театральная сумочка одесситки Л. Матвеевой с семью золотыми украшениями. Шесть изделий воры разобрали, чтобы раздать знакомым, а одно колечко сдали в киоск за бесценок.

На станции Куйбышев троица Сорокина — Буткова — Губина украла в поезде три золотых кольца. Одно кольцо за четверть цены продали случайной женщине, а два других выбросили в туалет. Золото низкой пробы — значит, туда ему и дорога! В другой раз в унитаз был отправлен перстень с желтым камнем. Таким дорогим ворованным подарком инвалид третьей группы Сергей Булыгин пытался добиться расположения знакомой девушки. Другой зазlobe он тоже предлагал перстень, угрожая, что в противном случае его выбросит. Девушка отказала в близости, и перстню не повезло.

«Орлята» учатся летать

Глядя на старших «товарищей», совершенствовались в воровстве дети. Иногда это происходило на «чужой», не транспортной, территории. Как-то в отделе готового платья омского магазина «Детский мир» несовершеннолетние Булыгины и маленький Ваня Ищенко украли подростковый костюм 42-го размера.

Примечательно, что для Тани Бутковой бродячая жизнь сказывалась на здоровье. В разных городах Таня сочетала лечение с воровством. Например, в ходе лечения в центральной поликлинике Чапаевска украла шапку из меха сурка и принесла домой. Поскольку в этой семье система приоритетов была основана не на добром и вечном, а на количестве и качестве краденого, домашние порадовались приобретению. В династии воров обучение преступным промыслам поощряется, а вот о школе не думает никто. По картонкам с упаковочных ящиков детишек учат читать и писать печатными буквами. Ну а деньги они обязаны считать хорошо.

Следствие установило, что на станции Новосибирск-Главный воровка Надежда Романенко встретила знакомую Зою Сердюк с дочерью-подростком Олей. Вскоре на станцию прибыл поезд № 33, и «тетя Надя» уговорила девочку под видом попрошайки пройтись по вагонам и что-нибудь своровать. Пассажир Владимиров, неожиданно возвратившийся в купе, заметил, что напротив открытой двери купе стоит женщина, а девочка находится внутри и выворачивает карманы пиджака. Прихватив деньги и документы, воровки стали удаляться. Призыв потерпевшего «Держите вора!» сработал. Женщину остановили, а ребенок побежал, бросив краденое. После задержания девочка показала, что за воровство ей обещали купить куклу. Перед кражей «тетя Надя» проинструктировала Олю, что делать, если ее будут ловить. Вот она и убежала, избавляясь от улик.

Воровские «университеты», пройденные на железной дороге Натальей Губиной и Татьяной Бутковой, научили девочек превосходить родительские ожидания. На саратовской станции Ртищево юным воровкам, которых подстраховывали мама и подруга мамы (З. Губина и Н. Сорокина), крупно повезло. В одном из купейных вагонов они украли из дамской сумочки семь ювелирных изделий: три перстня и четыре кольца. Девочки решили, как говорят в воровской среде, «покрысятничать», но утаить в «семье» такое количество золотых украшений оказалось невозможно. Девочки похвастались следовательно, что провернули это дело в другой раз. Когда не было подстраховки со стороны многоопытных матрон, делиться с ними было не нужно.

На долю несовершеннолетних воров выпало самое большое число краж — более 360. Братья Булыгины совершили 106 хищений, Наташа Губина — 118, Михаил Панасюк — 137.

Но сколько веревочке ни виться... В конечном итоге члены транспортного воровского сообщества были изобличены, 20 человек преданы суду и осуждены на различные сроки заключения. К остальным, в зависимости от тяжести совершенных преступлений, применили модные в те времена меры общественного воздействия. Несовершеннолетних по месту прописки поставили на учет в «детские» инспекции. В отдельное производство было выделено дело Н. Сорокиной, которая в интересах клана обучала детей воровству.

Итоги

К настоящему времени осужденные давно отбыли положенные им сроки. Хотелось бы верить, что люди вернулись в общество без позорящих кличек и преступных намерений. Сведения о дальнейшей судьбе воров отрывочны и неполны.

По освобождении уехала в Омск Надя Ищенко. В Омске она приделась, съездила на родину в Северный Казахстан. Некоторое время жила в Донецкой области. Борис Богатинский восстановил семью со Светланой. Четверо их детей выросли, стали коммерсантами, торговали в Самаре. Занялся торговлей и Анатолий Волохов, ездил в Москву за товарами. Воровал ли «Дрозд» в дороге, мы не знаем.

Бывшая штамповщица ВАЗа Наталья Губина жила в Челябинске и воспитывала своих ранее брошенных детей. По другим сведениям, эта 35-летняя обаятельная, следящая за собой женщина принялась за старое и «гастролировала» в поездах.

Татьяна Чернова нашла работу в Сочи. Родившая в тюрьме ребенка Ольга Ищенко вышла замуж за Николая Булыгина. Его брат сел за новые кражи, как и не вставшая на путь исправления Гаврикова.

Владимир Чубенко по отбытии срока работал на Новосибирском мелькомбинате. Имел намерение возвратиться в Керчь, откуда родом и где у него проживала престарелая родственница.

Отсидевшей срок Нине Балковой следователи помогли оформиться на работу на Новосибирский стрелочный завод и устроиться в общежитие. Нина вышла замуж, но через три года охота к перемене мест потянула ее на «жестянку». Там же майданничали Нестеренко и Буткова...

В поселке Бизь Свердловской области жил Владимир Колоткин с женой Наташей (до замужества Володаева). Ее мать М. Н. Володаева умерла. Умерло преступное сообщество, замешанное на «черной» романтике неприканных странствий, вокзальной грязи и христарадничества. Многие из тех, кто продолжил катиться по наклонной плоскости, умерли...

Жизнь изменилась, но пассажиры по-прежнему беспечны. На кратковременных остановках они сломя голову выскакивают из вагонов, оставляя деньги и ценности без присмотра. Воровских групп, использующих данные обстоятельства, много. В Московском регионе в 1990-х и «нулевых» годах нового века на транспортных кражах специализировалась орехово-зுவская преступная группировка. На Урале и в южных областях РФ «майданщики» имеют «гостевые дома», где по возвращении с «гастролей» проедают и пропивают ворованное. А затем — снова в «проход» по вагонам мимо подкупленных ответственных лиц. В Западную Сибирь воровские семьи не заглядывают. Очевидно, запомнилось расследование, некогда проведенное местными правоохранителями. Да и «сарафанное» воровское радио передает по линии, что на восток путь заказан. Поймали раз, поймут и другой!

Олег ПОМОЗОВ

ВОЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ

Тобольск, основанный в 1587 году и ставший на целых два века столицей Сибири, долгое время являлся не только административным, но и образовательным, культурным центром нашего региона. Поэтому не случайно в завершение двухсотлетнего периода безусловного лидерства в этом городе появилось первое периодическое издание Сибири, журнал с названием «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»¹.

Случается, что при стечении определенных обстоятельств, при собрании людей выдающихся качеств в одном месте в одно время вдруг происходит маленькое чудо. Начинает закручиваться вихрь невероятных событий, которые порой на десятилетия опережают свое время, воплощаясь в невероятные достижения, пускай даже в какой-то узкой области человеческой деятельности. Именно это произошло в конце 1780-х — первой половине 1790-х годов в Тобольске, столичном (к тому времени — неофициально столичном) и самом крупном городе тогдашней Сибири.

Обо всем этом мы сейчас расскажем подробнее. В каждом событийном ряду есть свой алгоритм, попробуем его выстроить.

Почему Тобольск

Как нам представляется, предпосылкой стало прибытие в Тобольск в марте 1787 года нового царского наместника² Александра Васильевича Алябьева³, человека просвещенного, вельможи екатерининской — в самом высоком смысле этого слова — формации. По свидетельству современников, «доброе и благорасположенное к добру» и оттого имевшего вид «привлекательный и при-

¹ В названии журнала слово «Ипокрена» печаталось именно так — с одной буквой «п», хотя в современной орфографии принято писать это слово с удвоенной согласной. Далее в тексте и сносках журнал будет сокращенно именоваться «Иртыш» или «Ипокрена».

² В 1782 году указом Екатерины II территория Сибири была поделена на три наместничества: Тобольское (Западносибирское), Кольванское (Среднесибирское) и Иркутское (Восточносибирское). Во главе их находились управители наместничеств (по-другому — наместники или губернаторы), чиновники гражданской службы. Кольванский наместник находился в подчинении у иркутского генерал-губернатора, а тобольский — у пермского. Возможно, перенос генерал-губернаторского центра из Тобольска в Пермь произошел вследствие того, что Екатерина Великая не забыла, как жители нескольких западных тобольских волостей в 1774 году присягнули на верность мятежнику Пугачеву, вставая на колени и поднимая над преклоненными головами двуперстный знак великого русского духовного раскола. Преподобный Сергей Радонежский крестился в свое время двумя перстами, а преподобный Серафим Саровский — уже тремя... Как их разъединить, а тем более расколоть в душе русского человека?

³ Отец известного композитора А. А. Алябьева.

ятный». Женатый на дальней родственнице Н. И. Новикова, он до ареста Николая Ивановича в 1792 году по подозрению в антигосударственной деятельности вел переписку с этим великим русским просветителем, что говорит о гражданских качествах нового губернатора.

Помимо того что новый наместник радел о делах материальных, развивая товарное производство, строительство и пути сообщения, аккуратно собирая налоги и прочие сборы, а также недоимки за прошлые годы, он проявил невероятное усердие на ниве просвещения. Не являясь уроженцем Сибири, за свой девятилетний губернаторский срок он сделал так много хорошего для сибиряков, что его вклад в развитие региона трудно переоценить. Именно при Алябьеве в Тобольске открылось в марте 1789 года главное народное училище — среднее общеобразовательное учебное заведение. Проводимая благодаря Александру Васильевичу грамотная фискальная политика позволила значительно увеличить в наместничестве средства приказа общественного призрения, заведовавшего образованием, здравоохранением и благотворительностью. Венцом просветительской деятельности наместника стало открытие в Тобольске в 1791 году первого сибирского профессионального театра.

При активнейшем участии Александра Алябьева в августе 1789 года в Сибири появилось первое периодическое издание — журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Что послужило основанием для столь эпохального для Сибири события?

Начнем с обстоятельств. Обстоятельство первое — был необходим печатный станок. Как известно, история расширения мирового информационного пространства прошла три основных этапа. Сначала возникла письменность и различного рода рукописные творения, на смену которым пришло книгопечатание, затем появились радио- и телекоммуникации, цифровые технологии и интернет.

Рукописные фолианты сибирского книгоиздания писались с первых лет присутствия русских на территории Сибири, однако эту литературу могли прочесть лишь немногие избранные, кому были доступны немногочисленные, порой в единичных экземплярах созданные манускрипты. Гораздо проще тиражирование книг посредством печатного станка.

Однако организовать типографское дело в Сибири оказалось не так просто. Митрополит Тобольский и Сибирский Филофей Лещинский в начале XVIII века обратился в Санкт-Петербург с просьбой привезти в Тобольск печатный станок. Но император Петр I не позволил открыть в столице Сибири друкарню (типографию). Не лучше складывались дела и в последующие десятилетия. Лишь в 1783 году благодаря указу Екатерины Великой на Руси случилось дело неслыханное. Было разрешено свободно покупать печатные станки и открывать, как тогда говорили, *вольные* типографии. Соответствующие государственные структуры нужно было лишь ставить в известность, получая от них официальный сертификат, как на любую другую предпринимательскую деятельность. Содержание печатной продукции подлежало обязательной, не очень строгой на первых порах цензуре в городской управе благочиния. Самым известным примером мягкости тогдашней цензуры является, конечно, история с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Эта книга, изданная посредством купленного самим автором печатного станка, была пропущена московским цензором с исторической фамилией Рылеев практически без единой купюры, а потом, прочитанная Екатериной II, чуть не вызвала у нее апоплексический удар своими слишком вольными мыслями...

Как свидетельствуют исторические источники, в России наступил книгоиздательский бум. В старой и новой российских столицах стало выходить великое множество книг и журналов. В 1786—1788 годах даже появились два провинциальных издания — газета в Тамбове и журнал в Ярославле. Третьим по счету провинциальным центром, который обратился к издательской деятельности, стал сибирский Тобольск. Стечением ли случайных обстоятельств или закономерным результатом предшествующих событий это объясняется, но в период Гражданской войны в России 1918—1922 годов именно Ярославль, Сибирь и Тамбовская губерния стали главными центрами эсеровского и социал-демократического сопротивления большевистской диктатуре. Получается, семена были посеяны еще в XVIII веке и постепенно пустили здесь глубокие корни.

«Кружок» Алябьева

Обстоятельство второе — в алгоритме любого событийного ряда немаловажную роль играет место встречи. Этим местом стала квартира тобольского наместника А. В. Алябьева, где в конце 80-х годов XVIII века собирался круг немногочисленной тобольской интеллигенции.

Вот как об этом кружке по интересам пишет Виталий Павлов в «Повести о Панкратии Сумарокове» (журнал «Урал», 2004 год, № 4—7): «Кроме молодых преподавателей, призванных трудиться в народном училище, Ивана Бахтина (главного прокурора Тобольского наместничества. — О. П.), в него входили штаб-лекарь (старший полковой врач. — О. П.) Иван Иванович Петерсон, его дочь Дарья Ивановна, ставшая вскоре женой Бахтина, вице-губернатор Иван Осипович Селифонтов, его супруга Александра Петровна и купец первой гильдии, хозяин первой в наших краях бумажной фабрики Василий Яковлевич Корнильев». Василий Корнильев исполнял еще и обязанности городского головы (мэра) Тобольска.

На этих посиделках присутствовал еще один немаловажный персонаж — посланный в Сибирь, лишенный дворянства бывший гвардейский офицер. Им был внучатый племянник одного из известнейших российских литераторов того времени А. П. Сумарокова 24-летний Панкратий Платонович Сумароков. Как пишут авторы фундаментального исследования «История литературы Урала», это свидетельствовало о формировании в рамках тобольского кружка губернского «культурного гнезда».

Теперь стоит подробнее рассказать о некоторых завсегдаях этого общества по интересам. Начнем с Панкратия Сумарокова, которого вслед за Александром Алябьевым принято считать одним из главных инициаторов создания журнала «Иртыш».

Панкратий Платонович Сумароков для избранного круга тобольской интеллигенции был «столичной штучкой», представителем известной литературной фамилии. Видимо, потому, несмотря на свою поднадзорность, он стал желанным гостем у Алябьевых. Вследствие тяжелой болезни его отец лишился возможности содержать жену и детей. Ребенка, рожденного в родовитой дворянской семье, в двенадцатилетнем возрасте отдали на попечение брата его бабушки, московского гражданского губернатора Юшкова. Благодаря этому юный Сумароков получил блестящее домашнее образование. Затем по протекции именитых московских родственников он был определен на службу в элитный Преображенский гвардейский полк, где на всю жизнь подружился со своим сверстником, будущим классиком русской литературы и исторической науки

Н. М. Карамзиным. Одновременно с получением первого офицерского чина Панкратий Сумароков начал публиковать свои первые поэтические сочинения. Однако с ним случилось несчастье, роковым образом изменившее его судьбу. Он оказался под следствием по делу о подделке бумажных ассигнаций. Статья, по которой он проходил, была, что называется, подрасстрельной, однако смертная казнь монаршей милостью императрицы Екатерины II была заменена двадцатилетней ссылкой в Сибирь.

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: ссылка, в которой Сумароков пробыл 15 лет (с 1787 по 1802 год), оказалась для Панкратия Платоновича не самым худшим поворотом судьбы, а для сибиряков — несказанной удачей. При содействии покровительствовавшего ему тобольского губернатора Алябьева бывший гвардейский офицер познакомился и вскоре обвенчался с Софьей Андреевной Козаб. На жизнь молодожены стали зарабатывать сначала частными уроками, а потом открыли небольшой частный пансион. Но для нас важнее то обстоятельство, что ссыланный Сумароков буквально с первого дня своего пребывания в Тобольске вошел как равный в кружок местной интеллигенции, избравшей своим салоном дом наместника. Здесь Панкратий Сумароков встретился и подружился с Иваном Бахтиным. В начале 1789 года они стали активно обсуждать вопрос издания в Тобольске литературно-просветительского журнала.

Иван Иванович Бахтин был по меньшей мере на десять лет старше своего единомышленника (фактически поднадзорного ему — губернскому прокурору — ссыланного преступника). Он родился в небогатой провинциальной дворянской семье, избрал военную службу, участвовал в Русско-турецкой войне, а потом вышел в отставку. В 1882 году Иван Бахтин перешел на гражданскую службу по судебному ведомству. Его отправили служить в Пермь, а затем перевели в Тобольск на должность губернского прокурора. Среди сослуживцев Иван Иванович слыл вольтерьянцем-вольнодумцем и, как сказывали, даже на службу ходил с томиком Вольтера. По зову души Бахтин еще в юности увлекся сочинительством.

Однако Бахтин, в силу занимаемой им высокой должности, не мог пойти в редакторы, Сумарокову возглавить редакцию планировавшегося литературного сборника не позволял статус ссыланного. Требовалось найти людей, которые имели возможность и официальное дозволение редактировать журнал. Выбор пал на молодых преподавателей Тобольского главного народного училища, выпускников недавно открытой Петербургской учительской семинарии. Самому старшему из них, Ивану Андреевичу Набережнину, было 25 лет, Тимофею Михайловичу Воскресенскому и Ивану Борисовичу Лафинову — по 22 года, а самому младшему, Василию Яковлевичу Прудковскому, едва исполнилось 20.

Недавно приехавшие в Тобольск из столицы выпускники в силу возраста были преисполнены энтузиазма и горели идеями народного просветительства. Находившийся в Тобольске с декабря 1790 по июль 1791 года А. Н. Радищев писал в одном из своих писем графу Воронцову: «Здесь есть казенное училище, и, к моему величайшему изумлению, я нашел в нем учителей, довольно хорошо образованных для сих мест». Молодые преподаватели с радостью откликнулись на предложение старших товарищей по организации в Тобольске литературного журнала и согласились стать его редакторами и авторами.

Молодые сибирские просветители придумали для своего нового детища имя «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». За основу было взято наименование

реки, на которой расположен Тобольск. Вторая часть позаимствована у древних греков, от коих берет начало проникшая к нам через прорубленное Петром окно европейская культура. По мнению начинающих журналистов, стоявший на «береге Иртыша» Тобольск, а за ним и вся Сибирь должны были стать второй Иппокреной — краем, возрожденным к просвещению музами науки, литературы и искусства (патетический слог вполне в традициях того романтического времени).

Другим препятствием на пути организации первого сибирского журнала стал вопрос об официальном издателе. На помощь к энтузиастам просвещения вновь пришел Александр Васильевич Алябьев. Воспользовавшись служебным положением во имя общественного блага, он уговорил Тобольский приказ общественного призрения взять на себя обязанности издателя «Иртыша» и договорился о финансировании этого проекта.

Последним обстоятельством, которое предстояло преодолеть нашим героям, стало отсутствие печатного станка. Ни одного станка на тот момент в наличии в Тобольске не было, и стоил он вместе с необходимыми шрифтами далеко не дешево⁴. И тут, то ли по щучьему велению, то ли по высшему соизволению, звезды над Тобольском в очередной раз, что называется, сошлись. Через несколько месяцев после начала организационных мероприятий, в апреле 1789 года, еще один участник алябьевских собраний — купец первой гильдии Василий Яковлевич Корнильев — объявил об открытии собственной *вольной типографии*.

Это была «лиха беда», которая явилась началом делу очень большому, поистине великому для Сибири. Поначалу это был чисто коммерческий проект. Дело в том, что Василий Корнильев помимо нескольких других предприятий владел и бумажной мануфактурой. Купив печатный станок, а по некоторым сведениям — даже два, Василий Яковлевич взял подряд на тиражирование из бумаги собственной фабрики всякого рода бланков и другой необходимой для административного управления печатной продукции. Это коммерческое предприятие должно было приносить Корнильеву не менее 600 тогдашних (около полутора миллиона нынешних) рублей чистого годового дохода. Впоследствии Корнильев заключил контракты на поставку бумаги в присутственные места других сибирских наместничеств, всего в 202 волости Западной, Средней и Восточной Сибири.

Видимо, не без протекции губернатора Алябьева получив столь выгодные договоры, Василий Корнильев согласился хотя бы на первых порах поучаствовать на благотворительных началах в издании «Иртыша». Летом 1789 года он передал на правах совладельца свою типографию сыну, Дмитрию Васильевичу Корнильеву⁵. Тот, по согласованию с отцом, взял на себя обязательство напечатать бесплатно четыре первых номера журнала, отказавшись от прибыли от продажи издания. На благотворительных началах на весь срок издания согласились участвовать в этом проекте и все остальные, сопричастные к творчеству члены кружка А. В. Алябьева. К концу лета были сверстаны готовые к публикации материалы, и 6 сентября 1789 года вышел в свет начальный номер самого первого сибирского журнала. Великое дело свершилось!

⁴ Приобретенные, например, в 1785 году для нужд Иркутского наместнического правления два типографских станка обошлись казне в 1683 руб., что-то около 4 миллионов на современные русские деньги.

⁵ Его дочь Мария своего последнего, семнадцатого ребенка, родившегося в 1834 году здесь же, в Тобольске, назовет в честь отца Дмитрием — это будет Дмитрий Иванович Менделеев, наш земляк, великий ученый.

Рождение «Иртыша»

Официально журнал издавался Тобольским приказом общественного призрения и был призван служить нуждам только что открывшегося главного народного училища, а также других учебных заведений города. За образец был взят опыт Петербургского главного народного училища, в 1785—1787 годах выпускавшего «ежемесячное сочинение» под названием «Растущий виноград». В предисловии к дебютному номеру сибирского журнала говорилось, что он издается с целью «доставить учителям свойственное званию их упражнение, посредством коего и среди исполнения возложенной на них почтенной должности, достигали бы они дальнейших способностей к вящему усовершенствованию столь изящного заведения».

Целью нового издания было в первую очередь просвещение учащейся молодежи и развитие у нее творческих способностей. В ряду авторов журнальных статей предполагалось видеть в том числе и тобольских школяров, в чем «Иртыш» преуспел. На страницах издания печатали свои материалы не только ученики народного училища, но и другие молодые авторы, делающие первые шаги в литературном сочинительстве.

Официальные обязанности редакторства взяли на себя преподаватели училища, однако неофициальным главным редактором являлся Панкратий Сумароков. Он и его новый друг и неофициальный соредaktor Иван Бахтин с самых первых номеров стали самыми часто печатающимися авторами «Иртыша, превращающегося в Ипокрену». Посильную помощь в работе Панкратию Сумарокову оказывали его сестра Наталья Платоновна, добровольно отправившаяся вместе с ним в ссылку, и жена Софья Андреевна. Они обе занимались переводами, а Наталья Сумарокова выполняла обязанности корректора. Журнал предполагалось издавать ежемесячно, объемом чуть более 60 страниц и наполнять его «всякого рода как сочинениями, так и переводами в стихах и прозе». Судя по слову «сочинения», основой журнала должны были стать и стали творения местных, тобольских и сибирских, авторов. В дополнение к ним в «Иртыше» предполагалось печатать переводы художественных, философских и научно-популярных произведений европейских писателей.

Кроме помощи в деле народного образования перед журналом ставились также задачи просвещения жителей Тобольска и Сибири. Поэтому «Иртыш» решено было не только распространять по подписке, но и пустить в свободную продажу. Роль организатора в деле популяризации «Иртыша» взял на себя безотказный Александр Васильевич Алябьев. В очередной раз воспользовавшись служебным положением, он обязал подчиненных ему градоначальников и столоначальников заниматься распространением журнала среди грамотного населения городов, уездов и волостей, а коллегам-губернаторам рекомендовал производить то же самое в других сибирских наместничествах. Тираж каждого номера составлял 300 экземпляров. В первый год из них по подписке расходилось 186. По теории наполовину полного (пустого) стакана это давало повод для дискуссий как почитателям, так и хулителям журнала⁶. Часть

⁶ К числу последних относились такие выдающиеся люди, как Петр Словцов и (уже позже, в веке девятнадцатом) Николай Ядринцев, упрекавшие редакторов «Иртыша» в безразличии к делам сибирским и в практически полном отсутствии на страницах журнала материалов о Сибири и сибиряках. Их оппоненты считали, что сам факт существования в Тобольске одного из первых в стране периодических изданий уже является свидетельством заботы редакторов, издателей и авторов о наиважнейших просветительских нуждах Сибири.

тиража безвозмездно передавалась в библиотеку главного народного училища, а также людям, причастным к изданию. Остальное пускалось в свободную продажу.

Если остановиться на содержании журнала, то его главная, литературная часть была представлена сочинениями местных сибирских авторов. Это были в основном стихи. Проза в качестве инструмента рассмотрения духовных, социальных и других проблем в то время была непопулярна. Поэтому первые сибирские литераторы выражали мысли и чувства в основном в поэтической высокохудожественной форме.

Ода вольнодумству

Первым среди доморожденных (хотя не коренных тобольских) поэтов стоит упомянуть Ивана Бахтина, еще в юности увлекшегося стихосложением и успевшего кое-что опубликовать до сибирского периода своей жизни. Все остальные плоды своего сочинительства (надо полагать, отвергнутые столичными издателями) Иван Иванович стал с большим удовлетворением публиковать в тобольском «Иртыше». Венцом его художественно-публицистического творчества явилась «Сатира на жестокости некоторых дворян к их подданным». В ней автор бичует пороки современной ему российской действительности, осудив главный из них — крепостное рабство титульной нации, русского православного народа. Если верить источникам, еще апостол Павел учил в своих посланиях к единоверцам, что христианину нельзя держать в рабстве христианина. Ну да что нам заповеди Отцов Церкви в христианском государстве, когда есть меркантильный интерес! Перед ним до сих пор все меркнет, и ему часто покоряются именно по-рабски.

Стиль и подача текста сложны для современного читателя. Однако попробуем напрячься и осмыслить небольшой отрывок из достаточно объемной «Сатиры» И. И. Бахтина:

А вы, что за скотов подобных вам приема,
Ни бедных жалобе, ни воплю их не внемля,
Употребляя власть, вам данную, во зло,
На всяк час множите несчастливых число!
Не сетуйте за то, что здесь изобразитесь,
И на самих себя, не на меня сердитесь.
Я первый приписать хвалу вам был бы рад;
Но стойте хулы; так я ли виноват?
Вы, вместо чтобы быть подвластным вам отцами,
Над ними злобствуя, как волки над овцами,
Преобразили в их мучителей себя.
(И так далее.)

Стихотворение было опубликовано в январе 1790 года, в пятом по счету номере набравшего обороты «Иртыша». Первые четыре номера журнала разошлись, что называется, на ура. Их реализация принесла «первопечатникам» Корнильевым 120 руб. чистой прибыли. Эту значительную по тем временам сумму хозяева типографии хотели выплатить в качестве гонорара Сумарокову и Бахтину, как неофициальным редакторам, но те отказались в пользу Тобольского главного народного училища. «Да, были люди в наше время»...

Итак, чиновник высокого ранга выступает в печати с критикой современных ему дворянско-помещичьих порядков⁷. Представить, чтобы нынешний российский прокурор публично позволил себе нечто подобное, немислимо и невозможно. Так что же это было? Комментаторы по-разному оценивают произведение. Одни расценивают лишь как дань тогдашней литературной моде. Другие видят в «Сатире» выражение внутренней оппозиции к крепостническому помещичьему строю. Такое действительно имело место. Вспомним А. Н. Радищева. Екатерина II, прочитав в 1790 году книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», зачеркнула в заглавии названия обеих столиц и со свойственным ей монаршим юмором написала на обложке: «...в Сибирь!» Примечательно, что через несколько месяцев после публикации бахтинской «Сатиры» в Тобольск etapом из Петропавловской крепости в Вилюйск прибыл несчастный автор «Путешествия», приговоренный к смерти, но помилованный императрицей Радищев. Возможно, только тогда тобольские «оппозиционеры» осознали, чем им грозит просветительский энтузиазм в дань вольтерьянской моде... Возможно, просто исписавшись, Иван Иванович Бахтин стал все реже и реже печатать свои стихи в «Иртыше», а потом на некоторое время ушел из журнала.

Как сказано в выше упоминавшейся книге «История литературы Урала», снижение творческой активности И. И. Бахтина в «Иртыше» совпало с выходом на местную литературно-публицистическую арену еще одного высокопоставленного чиновника. Председатель Тобольской палаты уголовного суда Георгий Христофорович Фризе с февраля 1790 года участвовал во всех номерах журнала и подготовил для него серию переводных статей из иностранных источников. Особенно примечателен вольный перевод сочинения шотландского философа-просветителя Генри Хоума лорда Кеймза «Очерк истории человека», дошедшего до России в немецком переводе, опубликованном в 1767 году в Лейпциге. Фрагменты этого сочинения печатались в «Иртыше» с марта по август 1791 года.

В «Истории русской журналистики XVIII—XIX веков» под редакцией А. В. Западова мы можем прочитать: «Теория естественного права является идеологической основой трактовки и природы человека в книге. И это сохранено в переводе Фризе. Все люди равны от природы: "...доброго поведения и хороших качеств человек, хоть и низкой породы, может всегда равное почтение иметь со знатным дворянином благородного поведения. Кто может погнушаться Кеплером, Невтоном (Ньютоном. — О. П.) и Роллином, что они не имели дипломов дворянства предков их?» В переводе осталась сохранена одна из основных идей книги Генри Хоума — подчеркнутый антимонархизм в осмыслении политических форм власти в их отношении к нуждам народа и к функционированию государства. Только республиканская форма правления способна с максимальной полнотой обеспечивать благополучие и процветание народа, ибо в республике граждане «более предприимчивые, нежели в монархическом правлении, потому что вольностью духа к тому поощряемы». В книге проводилась мысль о "...вытекающей из самой монархической системы власти склонности к злоупотреблениям»».

Идеи книги лорда Кеймза были достаточно популярны в России в среде прогрессивно мыслящей (очень правильная, на наш взгляд, терминология

⁷ «Одинаково с автором обличительных произведений достойным мужеством отличалась и цензура — Тобольская управа благочиния, — разрешавшая к печати произведения Бахтина, не щадившего крепостничество своими сатирами», — писал в 1891 году А. И. Дмитриев-Мамонов («Начало печати в Сибири»).

советских времен) интеллигенции. Еще в молодые годы, обучаясь в Лейпциге, с выводами указанного шотландского философа в немецком переводе познакомился А. Н. Радищев и, как полагают комментаторы, впоследствии положил их в основу своего «Путешествия». Время пребывания Александра Николаевича в Тобольске совпало с публикацией в «Иртыше» переводов Кеймза, сделанных Георгием Фризе, что наводит на мысль о косвенном, в качестве автора идеи, участии в первом сибирском журнале самого А. Н. Радищева.

Однако самое яркое воплощение сибирская внутренняя оппозиция нашла в лице молодого преподавателя философии Тобольской духовной семинарии 26-летнего Петра Андреевича Словоцова, в будущем автора двухтомного «Исторического обозрения Сибири» (1838 и 1843 годы). Уроженец горнозаводской части Тобольской губернии после получения академического духовного образования в Петербурге вернулся в 1788 году в Тобольск и занял должность преподавателя местной семинарии. Обладая обширными знаниями, остротой ума и даром слова, Петр Андреевич не только обратил на себя внимание в среде семинаристов и коллег, но и удостоился особого расположения со стороны архиепископа Тобольского и Сибирского Варлаама. Он приблизил Словоцова к себе, а с 1793 года стал доверять ему чтение воскресных и праздничных проповедей в кафедральном Софийском соборе.

Дважды в этих выступлениях Словоцов отошел от рукописного текста, утвержденного ректором семинарии. Как пишет К. К. Голодников («К биографии П. А. Словоцова»), 10 августа 1793 года молодой проповедник позволил себе несколько резких выражений насчет испорченности нравов современного ему общества и в особенности столичных вельмож. Увлечшись, он коснулся награждения их знаками отличия, называя последние «игрушками суетного тщеславия». Еще более вызывающей оказалась проповедь 10 ноября того же года по случаю бракосочетания наследника престола великого князя Александра Павловича. Торжественное слово начиналось с предостережения: «Я хочу сказать, чтоб из рук преемника не пал скипетр». Далее автор произнес сентенции, которые в год казни восставшим французским народом Людовика XVI, повергшей в шок правящую российскую элиту, звучали как неприкрытая крамола. Сначала: «Тишина народная есть иногда молчание принужденное, продолжающееся до толе, пока неудовольствия, постепенно раздражая общественное терпение, не прервут оного». И далее: «Правда, что спокойствие следует из повиновения; но от повиновения до согласия столько же расстояния, сколько от невольника до гражданина» и т. д.

Это было воспринято как политический вызов. В конце 1793 года в Санкт-Петербург ушло соответствующее секретное донесение, а уже в феврале 1794 года Петра Словоцова арестовали, препроводили под охраной в столицу и после следствия отправили на послушание — по сути, заточение — в Валаамский монастырь, юдоль печали многих поколений российских крамольников.

Закат журнала

О Петре Андреевиче Словоцове можно говорить много, но вернемся к журналу. К большому всеобщему разочарованию, после первых успехов в издании наступил спад, обусловленный отсутствием интересных материалов о Сибири. Номера журнала стали с трудом расходиться даже по подписке, цена по которой была гораздо ниже, чем при продаже в розницу. Перестали помогать даже губернаторские административные меры. Приказ общественного призрения,

оплачивавший все расходы по изданию, с пятого по последний, двадцать четвертый номер, нес непредвиденные финансовые издержки. Журналы не находили своего читателя. Ими стали премировать тобольских школяров, но это мало выправляло положение вещей. Еще долгие годы нереализованные экземпляры тиражей «Иртыша, превращающегося в Ипокрену» хранились в Тобольском приказе общественного призрения и со временем были списаны за ненадобностью...

Как напоминание о том, что провинциальная культура существует вопреки всему, по распоряжению тобольского наместника А. В. Алябьева несколько полных комплектов «Иртыша» в подарочных сафьяновых переплетах были отправлены в Санкт-Петербург и Москву в дар разным знаменитым особам. Среди избранных оказались такие известные в истории российской культуры личности, как Г. Р. Державин, Е. Р. Дашкова, М. М. Херасков и другие. Общая стоимость затрат на изготовление подарочных наборов составила 120 руб. Ровно такую сумму в виде чистой прибыли заработали Корнильевы на издании первых четырех номеров «Иртыша». Эти деньги поступили в Тобольский приказ общественного призрения на нужды народного училища. Таким образом, нецелевых расходов допущено не было, благотворительный кредит полностью сошелся с благотворительным дебетом.

Новые просветительские проекты

Что касается вольной типографии купцов Корнильевых, то после закрытия в декабре 1791 года «Иртыша» она еще несколько лет продолжала просветительскую деятельность. Осознав удаленность «Ипокрены» от нужд и проблем жителей Сибири, Дмитрий Васильевич Корнильев еще в 1790 году предпринял попытку издать собственный периодический орган печати «Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов». Таким образом он положил начало чисто сибирской краеведческой, «областнической» периодике.

Вот как об этом пишут авторы «Истории литературы Урала»: «Вынесенное на отдельный лист посвящение “Его превосходительству Александру Васильевичу Алябьеву, правящему должность Тобольского наместника”, уже четко обозначает *областническую* (курсив мой. — О. П.) цель издания. Подтверждает это и так называемое Обращение издателя, в котором специально подчеркнуты географические сюжеты: “о Сибири, Камчатке, Америке (Русской Америке, освоенной по преимуществу сибиряками. — О. П.), Азиатских народах, о произрастании удивительных в Китае деревьев, о знатнейших городах, островах, берегах и о коммерции оных с приобщением увеселительных повестей и анекдотов”. Следующая цитата: «“Исторический журнал” Д. Корнильева — первый в русской журналистике опыт издания специфически краеведческого типа. По сравнению с “Иртышом” меняется и жанровый состав журнала: на смену художественно-публицистическим и философским жанрам (как правило, элитарного содержания) приходят жанры научно-популярные и развлекательные, прежде всего историко-этнографической направленности».

Вышло в свет лишь два номера корнильевского «Исторического журнала». Скорее всего, это произошло по причине отсутствия у Дмитрия Васильевича Корнильева достаточного количества помощников. Узкому кружку тобольской пишущей интеллигенции вести сразу два журнала было не по силам. Однако

наш издатель не собирался оставлять сибирские культурно-просветительские дела без своего участия и занялся другим проектом — начал издавать труды сибирских ученых мужей научно-прикладной направленности.

Первым в списке авторов оказался упоминавшийся нами участник алябьевского кружка — старший полковой врач Иван Иванович Петерсон. Его монография объемом в 46 страниц под названием «Краткое описание болезни, в Сибири называемой ветреною или воздушной язвой»⁸ вышла в 1791 году. По всей видимости, в ней речь шла о печально известной сибирской язве. Деньги на данное издание, по мнению исследователей, выделила тобольская губернская администрация. Книга Петерсона имела у читателей большой успех. Тираж составил 300 экземпляров, от продажи издания было выручено 1490 руб. В качестве гонорара 1000 руб. выплатили автору⁹, 340 руб. получил приказ общественного призрения и 150 руб. — типография Корнильевых. Через три года, окрыленный первым успехом, Иван Петерсон за счет собственных средств напечатал еще одну книгу объемом в 190 страниц под названием «Краткое наставление как вспомоствовать <...> от насильственных или внезапных случаев».

В 1792 году издается историческое сочинение, авторство которого приписывается тогдашнему сибирскому архиепископу Варлааму (Петрову). Книга, вышедшая в издательстве Корнильевых, называлась «Краткое показание о <...> всех Сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского Государства, воеводах, губернаторах и прочих чинах». Она состояла из 84 страниц, заключала в себе перечисление имен сибирских управителей с 1581 (времени покорения Сибири) по 1791 год, а также упоминала о других заслуживающих внимания событиях из истории Сибири за 200 лет. Данное издание стало началом нового — печатного — этапа в сибирском историописании, поэтому для краеведов вдвойне примечательно и дорого. Материалами «Показания» пользовался П. А. Словцов при составлении своего «Исторического обозрения Сибири». Он находил в нем некоторые неточности, однако считал единственной дельной книжкой, напечатанной на тот период в тобольской типографии.

Годом позже поэтическое произведение, воспевающее развитие культуры, искусства и образования в крае, под названием «Ода Иртышу, превращающемуся в Иппокрену», отдельным изданием публикует бывший активный участник «Иртыша» — ученик выпускного 4-го класса народного училища, а на момент издания книги — сержант канонирского полка Иван Трунин. Вот два характерных четверостишия из той оды:

Цвети, Сибирь, и украшайся
Наук начальных сих плодом;
На степень славы возвышайся:
Нет малого сомненья в том,
Что ты струями Иппокрены
Премноги узришь перемены,
Возвысишь до небес свой рок,
В науках узришь совершенства.

⁸ Эта книга, в традициях того времени, имела длинное, почти в треть страницы, название, как и некоторые другие изданные отцом и сыном Корнильевыми труды сибирских авторов. Дабы не утруждать читателя такими объемными оборотами, приводим эти названия не полностью.

⁹ Неплохой заработок для провинциального автора — около двух с половиной миллионов рублей на нынешние деньги. Современному сибирскому писателю такие гонорары и во сне не приснятся. Впрочем, может, и к лучшему — здоровее будем.

В дальнейшем Иван Трунин стал печататься в столичных журналах и даже однажды вступил в литературоведческий спор с Н. М. Карамзиным. Знай наших!

В 1794 году выходит довольно солидное издание «Сельская экономия, или Нужнейшая экономические записки для крестьян <...> собранные из разных экономических сочинений Николаем Шукшиным». Автор его занимал должность губернского регистратора и, как полагают в «Истории литературы Урала», возможно, был предком Василия Макаровича Шукшина. Как было указано на титульном листе, книга печаталась «с дозволения Управы Благочиния в Тобольске в типографии у Василия Корнильева». Тираж составил 300 экземпляров. Книга, имевшая сугубо прикладные задачи, распространялась по инициативе А. В. Алябьева по сибирским городам и весям. Выручка от ее продажи составила 529 рублей, каковые деньги были «выданы приказом общественного призрения сочинителю».

Судьба редакторов и издателей «Иртыша»

После прекращения издания «Иртыша» Панкратий Сумароков так и не заинтересовался сибирской тематикой. Он решил издавать новый просветительский журнал, в основном рассчитанный на читателей Центральной России. Об этом в сентябре 1792 года потенциальные подписчики были уведомлены на рекламных страницах столичной газеты «Санкт-Петербургские ведомости». Журнал под названием «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» также печатался в типографии Корнильевых и издавался на средства Тобольского приказа общественного призрения. Главными и подчас единственными сотрудниками «Библиотеки» являлись члены семьи Сумароковых — сам Панкратий, его жена и сестра. Прежние авторы «Иртыша» участия в новом издании не принимали. Статьи журнала по большей части представляли собой переводы из иностранных источников. Расчет на привлечение массового читателя себя не оправдал. Рынок Центральной России по тем временам был перенасыщен печатной продукцией.

Новый проект Сумарокова оказался с коммерческой точки зрения неудачным и принес казне Тобольского наместничества лишь убытки. Как указывает В. Сафронов в статье «Первопечатники Сибири», на 3 марта 1802 года на складе Тобольского приказа общественного призрения хранились нереализованные журналы «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» в количестве 118 штук на общую сумму 432 руб. 80 коп. и «Библиотека ученая...» — 192 экземпляра на сумму 1008 руб. Однако, несмотря на эти издержки, учитывая выдающийся вклад Панкратия Платоновича Сумарокова в дело просвещения Сибири, по распоряжению губернатора Алябьева ему в конце 1794 года была выдана премия в размере 412 руб. ассигнациями. Темми денежными билетами, которые он якобы когда-то подделывал в Петербурге, но теперь искупил грех молодости праведными тобольскими издательскими делами...

Следующий, 1795 год начинается в нашей истории трагически: 31 января 1794 года умирает Корнильев-старший. Все коммерческие дела купеческого дома переходят в руки его сына Дмитрия Васильевича. По причине загруженности он был вынужден сократить свое участие в типографской деятельности. В начале 1796 года, получив генеральский чин действительного статского

советника, пост тобольского наместника покинул А. В. Алябьев. Новый управитель Тобольской губернии не проявлял интереса к делам просветительским, что отразилось на издательской деятельности в Тобольске. В довершение всего 16 сентября 1796 года Екатерина II, запуганная кровавой Французской революцией, специальным указом запретила деятельность вольных типографий в России. С этих пор выпускать печатную продукцию дозволялось лишь государственным друкарням.

Почти на шесть лет остановился в Тобольске корнильевский печатный станок. Лишь в начале 1802 года новый император Александр I вновь разрешил деятельность вольных типографий в стране¹⁰. По печальному стечению обстоятельств в том же году умирают две дочери Дмитрия Корнильева, в начале следующего года при родах гибнет его жена и новорожденная дочка. По воспоминаниям дальней родственницы семьи, Н. Губкиной, в результате этих потрясений Дмитрий Васильевич заболел воспалением мозга, «потерял память, не мог вести дел фабрик, состояние их пошатнулось, и они обеднели». Полностью пришло в упадок и типографское дело Корнильевых. Лишь доставшаяся по наследству еще одной дочери, Марии, матери Дмитрия Ивановича Менделеева, бумажная фабрика продолжила свою деятельность и помогла вырастить 17 детей, включая будущего гениального химика.

Заключение

Поскольку основная событийная канва, может быть, немного поверхностно, но выстроена, пора подводить итоги. Воспользуемся еще одной выдержкой из статьи В. Сафронова: «Типография Корнильевых сыграла свою роль в истории сибирской книжной печати: более 50 томов вышло в свет, при общем тираже в 15 тысяч экземпляров. В том числе — 11 наименований книг и три журнала, и это, согласитесь, немало даже по сегодняшним меркам. Но самое главное, что типографский станок вольно или невольно объединил людей, обладавших литературным дарованием, сплотил их, сделал единомышленниками.

Теперь попытаемся провести параллель между днем сегодняшним и временем правления императрицы Екатерины, названной Великой. И спросим себя: «Можно ли сравнить печатный станок и его роль в XVIII веке с современным компьютером? А издаваемые журналы и книги с сетью Интернет?» На наш взгляд, и то и другое дало возможность сделать литературное творчество доступным для многих читателей. Тогда как рукопись была доступна лишь автору и небольшому кругу его друзей, единомышленников. Произошел качественный скачок от летописания к массовым публикациям.

Через типографию Корнильевых слово, нанесенное на бумагу где-то в Европе или на западе России, доходило до азиатских окраин, делая мир более просвещенным, думающим, мыслящим. Новые идеи рождали новые вопросы, и каждый читающий человек мог ощутить себя гражданином мира».

От себя бы хотелось отметить, что высокоодаренные люди рождаются не на пустом месте. У каждого из них найдется предыстория в роду далеких предков. В этом смысле отличилась и сибирская «Ипокрена». Мы упоминали об однофамильце, а может быть, дальнем родственнике Василия Макаровича Шукшина Николае Шукшине, о Дмитрии Ивановиче Менделееве — внуке Дмитрия

¹⁰ В том же 1802 году получил полную амнистию и вернулся в Центральную Россию Панкратий Сумароков.

Корнильева. На страницах «Иртыша» печатал первые стихи кадет Сибирского драгунского полка Дмитрий Васильевич Дягилев — прадед знаменитого русского театрального и художественного деятеля, «гражданина Перми» Сергея Дягилева. В декабрьском номере «Иртыша — Ипокрены» за 1791 год опубликовал оду «Зима» учащийся Тобольской семинарии Матвей Мамин — дед писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка. В Тобольске написал музыку знаменитой песни «Вечерний звон» на стихи ирландского поэта Томаса Мура в вольном переводе Ивана Козлова сын губернатора Алябьева — Александр Александрович, заподозренный в связях с декабристами и сосланный сюда в 1828 году. Конечными строчками из этого бессмертного произведения позвольте закончить рассказ о вольной типографии и Сибири, превращающейся в Иппокрену:

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унывный надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

Сергей ИЛЬЧЕНКО

ЭКРАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАРМСКОГО СКАЗИТЕЛЯ

*Как и почему кинематограф и ТВ
полюбили прозу Алексея Иванова*

Популярному российскому писателю повезло. Хотя его отношения с кинематографом складывались по-разному (об этом мы еще расскажем), Алексей Викторович может быть доволен: шесть его романов перенесены на экран. К другим текстам пермского автора также приглядываются продюсеры и режиссеры. У его коллег по писательскому цеху картина отношений с десятой музой, мягко говоря, иная. Несмотря на премии, хвалебные отзывы и продвижение в медийном пространстве, многие громкие российские авторы имеют в активе максимум по одной экранизации. Среди них Захар Прилепин (роман «Обитель» стал сериалом) и Виктор Пелевин (по роману «Generation «П»» был снят одноименный фильм). Людмила Улицкая удовольствовалась превращением романа «Казус Кукоцкого» в одноименный сериал Юрия Грымова. На счету Дины Рубиной тоже одна киноверсия («Синдром Петрушки»). Гузель Яхина немало натерпелась из-за споров вокруг сериала «Зулейха открывает глаза». Без экранных версий книг пока остаются такие фавориты критиков, издателей и продвинутой читающей публики, как Евгений Водолазкин, Елена Чижова и Леонид Юзефович.

Посему имеет смысл проанализировать не только причины, но и результаты повышенного спроса на сочинения Алексея Иванова в отечественной кино- и телесреде. Начнем с самого первого романа нашего автора «Общага-на-Крови».

Не та «Общага»

На примере «Общага-на-Крови» мы сталкиваемся с одним из парадоксов отношений литературы и кино: самый ранний роман А. Иванова был перенесен на экран едва ли не позже всех. В основу дебютного фильма «Общага» (2021) режиссера Романа Васьянова положен дебютный роман 1992 года. Сочинен он был в 1987—1988 годах, когда автор учился в Свердловске (ныне Екатеринбург) в Уральском государственном университете. В книге описаны нравы и порядки, которые тогда царили в большинстве вузовских общаг. Дата завершения романа известна, однако опубликован он был лишь в 2006 году, когда Алексей Иванов обрел популярность благодаря «пармскому» циклу.

Тогда-то писатель и достал из ящика письменного стола давнишний текст о бурных временах студенческой молодости.

При первом чтении книга производит странное впечатление. Обыденности жизни в общежитии Иванов попытался придать метафорический смысл, начиная с «кровавого» названия и заканчивая идеалистической конструкцией повествования от лица некоего Отличника из комнаты № 214. Большинство прошлых и нынешних обитателей общаг тихо посмеются над наивным текстом Алексея Иванова, придавшего романтический флер обыденным интимным и бытовым проблемам и желаниям молодых людей, приехавших на учебу в чужой город и вынужденных жить под одной крышей с теми, с кем им жить не хочется. Хотя Владимир Маяковский призывал нас жить «единым человеческим общежитием», на практике это получается плохо. О чем и постарался 30 лет назад поведать Алексей Иванов.

Известный оператор Роман Васьянов вышеприведенные обстоятельства учел и потому пригласил в соавторы сценария самого писателя. Время действия его фильма — 1984 год, то есть апогей застоя. Место действия — Свердловск. Что четко обозначено стартовым титром. Во главе Свердловского обкома КПСС находится Борис Ельцин. Подобное смещение во времени кажется несущественным, но только не в этом случае. Как между выходом экранизации и книги 15 лет разницы, так и в романе Иванова действие происходит в другую эпоху жизни страны и жизни студенчества.

Замысел режиссера — нарисовать мрачную, а-ля Алексей Балабанов (кстати, автор «Братьев» — уроженец Свердловска), картину нравов в общежитии уральского вуза. Исходное событие соответствует завязке сюжета в романе: покончила с собой одна из студенток. В фильме «Общага» все указано документально точно. Начинаются разборки, бодро осуществляемые комсомольским активом совместно с комендантшей. Так закручивается фабула, в центре которой две парочки — пьющий поэт Ваня (в роли снялся Никита Ефремов) и Света (Марина Васильева), лихой фарцовщик Игорь (Илья Маланин) и Нелли (Ирина Старшенбаум). Непонятно, как в эту веселую компанию затесался младшекурсник Забела (Геннадий Вырыпаев). Понять характер сего молчаливого персонажа непросто: он мало говорит, но иногда решительно действует себе во вред. Кстати, тусовка в общежитии, с ее героями и антигероями, показана его глазами. Увиденное не может доставить радости никому, кроме тех, кто веселится вопреки всему и срывает цветы удовольствия, нарушая не только правила внутреннего распорядка общежития, но и нормы УК РСФСР.

Перед нами затянутое, но по-своему назидательное зрелище под слоганом «Не ходите, дети, никуда гулять!». Почему? Потому что в вузовских общежитиях пьют, хулиганят и пристают с непристойными предложениями. Во всяком случае, фильм «Общага» выглядит дидактическим очерком падения нравов. Для пушшего устрашения зрителей авторам пришлось существенно изменить первоначальную завязку истории о том, как «веселую пятерку» сначала выгнали на улицу, а затем пустили обратно. Сюжет крутится вокруг почти детективного мотива: поймают — не поймают.

В демонстрации того, как все ниже падает каждый из компании отверженных и изгнанных из общежития «рая», самое драматическое место определено Забеле. Это значительно усугубляет депрессивность картины, унаследованную от литературного первоисточника.

Два позитивных момента, которые может вынести из этой киноленты зритель, заключаются в том, что, во-первых, студенты образца 1984 года хотя и

пьют «горькую», но не закидываются «дурью»; во-вторых, мальчики любят только девочек и девочки любят только мальчиков. Даже комендантша не пристает с интимными намерениями к студентам. Хотя кино снято про родной город Алексея Октябриновича Балабанова и напоминает его самые жесткие картины, оно не наследует ряд тем, производивших шокирующее впечатление на зрителей. Рискну утверждать, что после просмотра экранизации книги Алексея Иванова вряд ли кому-либо захочется прочесть сам роман.

Зачем географ глобус пропил?

Картина Александра Велединского «Географ глобус пропил» (2013), с успехом прокатившаяся по большинству российских кинофестивалей, стала первым прорывом прозы Иванова на экран, к широким зрительским массам. Только перечисление полученных наград может занять несколько абзацев. Сам писатель участия в ее создании не принимал, но, когда понадобился дополнительный текст для одного из эпизодов, требуемый текст сочинил. Консультировал он и съемочную группу при съемках на натуре, в тех местах, где жил сам в разных районах Перми.

Однако, когда фильм «Географ глобус пропил» вышел на экраны, придирчивые поклонники пермского автора не могли не заметить, что авторы картины перенесли время действия из 1995 года в «наши дни». И это первый, но не последний случай внесения изменений при экранизации текстов пермского сказителя.

Экранным творцам пришлось пожертвовать некоторой частью романа, включая детские воспоминания главного героя, с тем чтобы уложить хронометраж фильма в одну серию продолжительностью не более двух часов. Принципиальным был и выбор исполнителя главной роли — незадачливого провинциального интеллигента Служкина, уволенного из какого-то НИИ, в результате чего ему пришлось искать другую работу. Этот внешне никчемный персонаж достался Константину Хабенскому, вернувшемуся к современным героям после попыток расширить собственную фильмографию за счет исторических персонажей.

Рефлексию и сарказм, которые отличали Служкина (именно от его лица ведется повествование) в тексте Иванова, Хабенскому вполне удалось сохранить. Но некоторая развязность или, если угодно, пофигизм главного героя не может не вызывать сначала удивление, а потом раздражение зрителя. В истории со сплавом по бурной реке с группой школьников, когда обстоятельства не позволяют ерничать и требуют решительных действий и мужских поступков, Служкин-Хабенский преображается. Но это, в соответствии с сюжетом романа, не спасает его от начальственного гнева и возмездия.

Стоит отметить, какие приключения, связанные с рукописью романа, пережил сам Алексей Иванов. Не секрет, что текст основан на впечатлениях и воспоминаниях о тех годах, когда писатель трудился на ниве школьного образования. Сначала уборщица школы, где работал автор, выкинула рукопись будущего бестселлера при уборке. Повторно Иванов лишился текста «Географа», когда у него украли сумку с восстановленным вариантом. Добавим к этому споры автора с издательством «Вагриус», которое первым издало роман. Иванов настаивал на авторской редакции текста, которая была напечатана гораздо позже, в 2003 году, в другом издательстве.

Не затрудненная сложными конструкциями интонация искренности, теплые воспоминания о пережитом... Роман открывал для широкой читательской аудитории современного автора из классической русской провинции. Поэтому дух провинциализма ощутим как в книге, так и в ее экранной версии.

В фильме Велединского предпринята небезуспешная попытка дать портрет современного героя из провинции, который мечется в поисках не только работы, но и смысла жизни. Поэтому при просмотре ленты «Географ глобус пропил» в подсознании зрителей поколения 50+ возникают ассоциации с «художественным знаменем» поколения заплутавших в развитом социализме — лентой Романа Балаяна «Полеты во сне и наяву». Трудно предположить, что Александр Велединский и Константин Хабенский не видели этого легендарного фильма. Некоторые эпизоды выглядят прямыми цитатами из картины, которой на момент выхода «Географа» было 30 лет, а сегодня на 10 лет больше.

Аутентичность фильму придавали виды Перми, в которой снималось большинство эпизодов «городской» части сюжета. По-своему эффектной выглядит история со сплавом школьников на плоту. Она снята в стилистике сцен из прозы Алексея Иванова, где наличествуют эффектные описания буйных и бурных уральских рек, стремительно несущих свои воды через отроги и перекаты тех самых гор, которые делят могучую Евразию на две части.

Словом, сдвиг по времени действия фильма по сравнению с литературным первоисточником не повредил восприятию его метасюжета, но обострил сквозную тему творчества пермского сказителя: человек в противостоянии не только с теми, кто рядом и вокруг, но и со стихийными силами природы.

Если не принимать во внимание скандальное увольнение со службы, для Служкина в книге и фильме все заканчивается более-менее благополучно. Взгляд главного героя на окружающую действительность эти перипетии вряд ли изменили. В чем и заключается основное сходство портрета современника из романа с героем нашего времени из кинокартины. Недаром после выхода фильма обложки большинства изданий романа Алексея Иванова «Географ глобус пропил» украсил портрет Константина Хабенского из одноименной картины.

«Сердце Пармы»: история или фэнтези?

Поставленный по одноименному роману фильма Антона Мегердичева «Сердце Пармы» — самое «свежее» экранное зрелище по мотивам прозы Алексея Иванова. Парадокс заключается в большом разрыве по времени между первой публикацией важнейшей книги писателя (2000) и премьерой кинокартины (2022).

Именно после появления текста об уникальности истории Пермского края за писателем закрепилась слава адепта Перми Великой. К этому тексту примыкают «Тобол» и «Золото бунта», хотя хронологически обе книги касаются разных периодов в истории Урала и Сибири в XVIII веке. Иванов ярко и сочно живописал борьбу православного христианства с язычеством коренных жителей сурового края вогулов, а также противостояние Москвы и Пармы. Именно роман «Сердце Пармы» в конце прошлого столетия открыл любителям литературы имя нового талантливого автора, чьи романы столь непохожи на привычные изыски столичного модернизма. Поэтому в новом веке отечественный кинематограф не смог не экранизировать тексты Иванова.

Репутация режиссера как мастера яркого постановочного кино («Метро», «Движение вверх») внушала надежду на создание зрелищного эпического

полотна. Тем более сценаристами картины значились такие опытные мастера исторических сюжетов, как Сергей Бодров-старший и Илья Тилькин. Основная фабула литературного первоисточника вращается вокруг событий XV века, когда Московское княжество стремилось подчинить себе гордое и независимое княжество пермяков на севере Урала.

Но всего этого досужие зрители не обязаны знать. Они настроены смотреть историческую драму. Это обещали анонсы и плакаты, а также соответствующие сетевые ресурсы. Хотя нет-нет да проскальзывало определение жанра будущей эпопеи как «фэнтези».

В конечном счете это оказалось справедливым форматированием зрительских впечатлений. Ибо в картине Мегердичева отсутствуют ссылки на время и смысл противостояния таежных язычников и православных русских, осваивавших многие века назад эти суровые края. Изредка мелькающие на экране титры, обозначающие место, выглядят как условность. В отличие от исходного текста, в фильме не так важен реальный исторический контекст, как то, что вожди русских княжеств и племен шли друг на друга под общим лозунгом объединения русской земли. В картине «Сердце Пармы» прослеживается не только тема единения. Нашлось место и рефлексированию на темы причудливости человеческих чувств. Благодаря этому зрительское восприятие уносится прочь от исторических фактов на просторы неземной страсти, замешанной на колдовстве.

Между тем в романе Алексея Иванова процесс противостояния религий и регионов на Руси XV века четко датирован и мотивирован действиями враждующих сторон. Каждая из них блюдет собственный интерес, но аргументирует решения исходя из своего понимания воли и веры. Центральным героем фильма, как и книги, является пермский князь Михаил в исполнении Александра Кузнецова. Перед актером стояла многотрудная задача сыграть воина и мужчину, который готов положить жизнь за свою любовь и свою землю. Конфликт между долгом и чувством очевиден, ибо предмет любви вогулка Тиче (Елена Ербакова обольстительно хороша в роли возлюбленной) оказывается ведьмой. Вот так история оборачивается новыми смыслами.

Режиссер не жалеет экранного времени и подробностей, чтобы произвести на публику впечатление демонстрацией диких (с точки зрения христиан) верований и обрядов коренных обитателей Пармы. Это добавляет трагических красок в и без того сложное положение князя Михаила, отстаивающего, как сказали бы сегодня, региональный суверенитет в противостоянии с Москвой и вогулами. Столь непростые отношения большинства персонажей требуют более плавного изложения событий. Но авторы фильма торопятся обострить конфликт между участниками исторического метасюжета, чтобы явить эффектно снятые и экспрессивно смонтированные массовые сцены локальных битв и схваток в антураже XV века.

Антон Мегердичев в этом преуспел. Его опыт и талант позволили переключить зрительское внимание с нюансов противостояния двух этносов на масштабные батальные эпизоды. Они буквально погружают зрителя в середину кровавой схватки, где в опасной близости свистят мечи и стрелы, а копья и боевые топоры кромсают людскую плоть. Кульминация ждет зрителей, когда воины Пармы встают против многочисленного войска московского воеводы Федора Пестрого (актер Василий Кищенко). Не на шутку разгулявшаяся фантазия режиссера-баталиста заставляет почтенную взыскательную публику вспоминать не только эпическое полотно «Война и мир» Сергея Бондарчука, но и батальные сцены из «Спартак» Стэнли Кубрика. Натуралистические подробности формируют

настолько затягивающий в себя образ битвы не на жизнь, а на смерть, что выглядят из ряда вон даже для выдавшей кровавые медийные виды публики. Таков был век, и таков был трагический ход истории. В фильме «Сердце Пармы» кровавый хруст религиозных конфликтов и региональных междоусобиц не только громко слышен, но и виден наяву.

Но даже среди этих битв, погонь, штурмов и казней в фильме можно разглядеть яркие и запоминающиеся характеры. Главная удача фильма — стражник Полюд в ярком исполнении Сергея Пускепалиса, будто попрощавшегося со зрителями перед своей смертью.

Финал исторической экранной эпопеи отличается от развязки романа Алексея Иванова. Мотив смирения и де-факто капитуляции пермского князя перед московским противником в экранизации не выглядит логичным и эмоционально обоснованным ни в части актерской игры, ни со стороны режиссера. Зрителям предложено как данность воспринять факт отказа князя Михаила от сопротивления и возвращение, так сказать, «на мирные рельсы». После всех показанных на экране кровавых баталий главный враг Русского царства на Урале неестественно легко соглашается уйти под его правящую длань.

Вполне вероятно, в реальности 600 лет назад все происходило гораздо страшнее и трагичнее. Текст выдающегося романа Алексея Иванова дал повод кинематографу предъявить нам современную версию исторических событий. Роман «Сердце Пармы» навсегда остался уникальным явлением литературы. Тогда как экранизация сумела извлечь из него выигрышные сюжетные коллизии.

На изломе времени

Премьера сериала Сергея Урсуляка «Ненастье» по мотивам одноименного романа Алексея Иванова от 2015 года состоялась на канале «Россия 1» в 2018 году. При просмотре экранной версии складывается впечатление, что режиссер прочел совсем другую книгу. В телесериале обнаруживаются не только сюжетные, но и смысловые различия.

Авторы «телемыла» обезопасились от критики дисклеймером «по мотивам». Еще более их спасло имя писателя в качестве соавтора сценария. Сам Иванов публично признавался, что не очень вмешивался в сюжетные ходы сценария. Поэтому вместо горестного исповедального текста о том, как простой работяга не совладал со временем и окружающей его постсоветской действительностью и задумал побег в Индию своей мечты, получилось то, что получилось — то есть натужно растянутое на одиннадцать серий зрелище мелодраматически-авантюрного жанра с героем-размазней.

Бывшего «афганца» Германа Неволлина по прозвищу «Немец» режиссер доверил сыграть Александру Яценко. Однако, глядя на него, не веришь, что такой рохля решился на ограбление инкассаторской машины и воевал в Афганистане, где советский «ограниченный контингент» присутствовал с 1979 по 1989 год. Странноватое для водителя увлечение фиксировать происходящее вокруг на видеокамеру выглядит как задуманный самим режиссером постмодернистский прием изображения образа времени. Сюда же следует отнести и надоедливую датировку времени действия того или иного эпизода. Режиссер так лихо обращается с датами, что не успеваешь переключаться и перестаешь различать, где личные воспоминания, а где основной сюжет, разворачивающийся в декабре 1999 года. Что очевидно настраивает на финал, который — вы догадались! — происходит 31 декабря того же года на фоне покаянного выступления едва не

пропившего доверенную ему страну главы государства, который уходит, потому что устал.

Замысел сериала вычерчен отчетливо и настойчиво: речь о тех самых 1990-х. Однако даты и подробности быта мало что говорят молодым людям, не ведающим подробностей этого периода жизни нашей страны. И споры «афганцев» о том, будет ли через 20 лет в Саранске чемпионат мира по футболу, выглядят на экране творческой пошлостью. Зато членов так называемого афганского братства Сергей Урсуляк превратил в главных персонажей собственной киноверсии романа. Для режиссера война в Афганистане едва ли не самый «настоящий» период жизни большинства героев. На этом фоне роковые 1990-е превращаются в некий морок, мутную пелену, о которой вспоминать как-то неловко и стыдно. Однако с высоты нынешнего времени ясно, что «афганская идея» о боевом братстве способствовала трансформации сообщества мужиков с общим боевым прошлым в банальную ОПГ (организованную преступную группу). Вот и весь сказ.

Грустно, что в этой системе сюжетных координат теряется главный герой, «Немец». Книга недаром была названа «Ненастье». Это не только название дачного поселка, но состояние души героя, которому очень неуютно в нашей жизни. Воспоминания из прошлого в тексте скорее обозначены, чем показаны. Тогда как в сериале все наоборот. Прошлое стало главным, отодвинув в сторону выигрышную для Сергея Урсуляка тему авантюры «Немца».

К счастью, в сериале есть куда более сильные и выразительные персонажи — глава организации «афганцев» Сергей Лихолетов (Александр Горбатов) и ее член Виктор Басунов (Александр Голубев), превратившийся в наемного убийцу. Горбатов отобразил то, что недоиграл Яценко, — жизненную драму человека, которого раздавило время. Голубев, плотно оседлавший тему частных охранников, готовых на все (это после Алеши Карамазова!), талантливо отыграл трансформацию заслуженного «афганца» в бандита без стыда и совести. Именно такие, судя по сериалу, выдержали тот излом эпох, который случился с нами и со страной в «бурлящие» 1990-е...

А что же «Немец»? Странная, невнятная история любовных метаний и страданий по поводу девушки Тани не помогает понять мотивы его действий и поступков, включая роковой трюк с грабежом. Сама актриса тоже не смогла выручить партнера, так и оставшись персонажем-загадкой под стать влюбленному в нее Герману. Этакая экранная пара чудиков, существующих вне быта и времени.

Напомним, что в 1998 году Сергей Урсуляк снял замечательный фильм «Сочинение ко Дню Победы» в жанре реалистичной фантазии. В нем зрители увидели 1990-е как бы из будущего, как иллюстрацию сочинения девочки-школьницы на заданную тему. В «Ненастье» (2018) зрители увидели совсем другую историю про те самые девяностые. Она выглядит как экранный миф, телелегенда, киносказка про «афганцев» и их близких, но не как попытка разобраться, почему наступило это душевное ненастье, кто стал его жертвой, а кто выиграл у суровой действительности поединок за место под солнцем.

На просторах вымысла, в дебрях истории

Самым «свежим» текстом Алексея Иванова, за который взялись кинематографисты, стал исторический роман «Тобол». Премьера одноименного сериала режиссера Игоря Зайцева на «Первом канале» в 2018 году сопровождалась скандальными обстоятельствами.

Первоначально сценарий сериала был заказан автору книги. Однако, прежде чем начались съемки, сценарий подвергся суровой адаптации под телевизионный формат восьмисерийного фильма. Плюс велись долгие бесплодные поиски исполнителей ключевых ролей. Вовсе странная история случилась тогда, когда отснятый материал оказался смонтирован в двухсерийную версию для кинопроката и выпущен «на волю». После чего Алексей Иванов выразил неудовольствие результатами экранизации и заявил, что убирает из титров свое имя. Параллельно он опубликовал двухтомную версию романа, первая часть которого имеет подзаголовок «Много званых», вторая — «Мало избранных».

Вся эта телесериальная кухня оказала пагубное влияние на конечный кинопродукт. Слишком напористая реклама породила завышенные ожидания публики, особенно той, что знакома с текстом романа. Основные сюжетные линии «Тобола» авторам кинопроекта, хоть и в неполном объеме, удалось сохранить. Значение иных оказалось неестественно выпяченным. Например, линия отношений Петра Первого (Дмитрий Дюжев) с сибирским губернатором Гагариным (Евгений Дятлов). В результате к экранному царю-реформатору возникло слишком пристальное внимание. Дюжеву пришлось постараться, чтобы превратить роль-функцию в живой, хотя и противоречивый характер.

Про других героев разыгранного в данном кинополотне сюжета известно немного, поэтому актерам оставалось достаточное пространство для творчества. По этой причине иные характеры вышли на экране мощными и яркими, склоняющими внимание зрителей в свою сторону. Таким получился Семен Ремезов в колоритном исполнении Дмитрия Назарова, будто дорвавшегося до игры в предлагаемых обстоятельствах. Его архитектор и строитель Тобольска в буквальном смысле «ведет» за собою центральный сюжет, где пересекаются разные пути-дороги иных персонажей. Прежде всего тех, которые являются членами его семьи. Небезынтересна тема младшего сына Ремезовых Петра (Павел Табаков), отправившегося в поход вместе с российским войском. История про любовь дочери Маши (Юлия Макарова) к поручику Ивану Демарину (Илья Маланин) становится одной из главных пружин сложносочиненной истории про запутанные военные и политические игры и сражения на восточных рубежах Российской империи.

Если напрямую спросить: «О чем рассказывает сериал “Тобол”?» — ответ очевиден: о чести и долге перед державой. Другое дело, что каждый понимает эти слова и отношения по-своему. Отсюда и возникает в сериале тема судьбы коренных жителей Сибири, с опаской и боязнью встречавших пришествие к ним России. Именно в контексте столкновения двух цивилизаций и случились основные фабульные «потери», включая рассказ про пленных шведов, оказавшихся «во глубине сибирских руд». Один из них, некто Йоханн (Андрей Бурковский), становится оппонентом поручика Демарина в понимании чувства долга перед своим государством. Пленный швед ради любви к соотечественнице Бригитте (Агата Муцениеце) готов на все, вплоть до предательства.

Таким образом, многослойность тем и сюжетов сериала порождает ощущение событийной чересполосицы. В результате повествование меняет пространственные и хронологические координаты. Чтобы зрители не запутались, краткая просветительская лекция в прологе каждой серии напоминает, отчего и почему в эпоху Петровских реформ и войны со Швецией на противоположном краю Русского царства случились излагаемые события. Режиссер Игорь Зайцев имеет достаточный опыт воссоздания на экране антуража разных исторических эпох («Великая», «Диверсант. Конец войны»). Поэтому в «Тоболе»

его версия событий выглядит убедительной и радующей взор, а неточности в деталях воспринимаются как творческое допущение. Например, Ямышевская крепость, воздвигнутая русским войском на границе с Джунгарским ханством, здесь переименована в крепость Кара. Также непонятно участие князя Гагарина в вынесении приговора царевичу Алексею перед тем, как буквально в следующем эпизоде происходит арест самого Гагарина.

Судить о соответствии показанных на экране событий реальной истории могут только профессиональные историки. Зрители не обязаны сверять увиденное с подлинным. Наверное, поэтому прозаик Алексей Иванов предусмотрительно выпустил книгу, в которой изложил использованную им при написании сценария историческую фактуру. Первоначальное ее название — «Дебри» — отражало сложности творческого процесса. Главное, в итоге зрители увидели бескрайние и завораживающие просторы (пусть с использованием компьютерных технологий) земли Сибирской и то, какой ценой их покорение доставалось нашей державе всего три столетия тому назад.

Именно «Тобол» резко обозначил проблемные места, отмеченные при разговоре о киноверсии «Сердца Пармы». Изложение отечественной истории в исполнении Алексея Иванова настолько своеобразно и ярко, что требует бережного отношения, хотя и допускает использование традиционных жанровых форматов.

Пионер — всем вампирам пример

Написанный в 2018 году мистический роман «Пищеблок» на сегодняшний день самый поздний перенесенный на экран текст Алексея Иванова. Премьера одноименного сериала состоялась в 2021 году.

В какой-то мере писатель живописал свою пионерскую юность. Все события книги датированы с необычайной для столь нереалистичного по сути произведения точностью. Место действия — пионерский лагерь на берегу Волги. Время действия — июль — начало августа 1980 года, время московской Олимпиады. По сути — это ностальгические воспоминания, а по смыслу — неоднозначное, но притягательное произведение. Первоначально в «Пищеблоке» вырастает во всех сатирических подробностях знакомая многим читателям категории 40+ жизнь обычной смены в советском пионерском лагере. Писатель не спешит раскрывать все карты, наматывая на стержень сюжета витки всех и всяческих коллизий между обитателями лагеря.

Сатирическая индукция, возникающая от подобного авторского своеволия, порождает в сознании читателя удивительную психологическую смесь. Не то добрая ирония о времени пубертатного развития личности советского школьника, временно запертого на территории лагеря в относительно свободном полете на лоне природы, не то реверанс в сторону эпохи, которую нынче принято именовать застоём. Каковой те, кто жил в те достославные времена, вовсе не ощущали.

Точность бытовых деталей поражает и восхищает. Алексей Иванов в этом большой мастер. Еще большее удивление вызывает стиль изложения, тот пионерский подростковый сленг, на котором изъясняются как подростки, так и порой вожатые. Только ради подобного лингвистического буйства фигур речи, пословиц, присказок и рифмовок стоит прочесть роман «Пищеблок». Писателю Иванову удивительным образом удается соблюсти баланс между нормами русского языка, когда речь идет о внутренних размышлениях героев, и вербальными

богатствами языка тинейджеров образца 1980 года. Если вы читали «Тобол», то удивитесь тому, насколько разнятся эти тексты, будто сочиненные разными авторами.

Алексей Иванов на страницах своих книг умеет выстраивать сюжет и точно подготавливать внезапные его повороты. В «Пищеблоке» нет эпического размаха «Тобола» или фабулы авантурных походов персонажей «Блуда и МУДО». Зато присутствует идущий по нарастающей жанровый переход от бытописательства к авантюрно-философской структуре, связанной с миром Тьмы и потусторонних сил. История про жизнь пионеров и вожатых трансформируется в столь обожаемый иными почитателями мистической прозы рассказ о том, как люди Света сражаются против людей Тьмы, вампиров и их главаря с титулом «стратилат».

Писатель Иванов не пытается доказать, что кровопийцы, которые в изрядном количестве начинают проявляться в романе, есть реальность, исчезающая с восходом солнца. Он настолько серьезен в описании подробностей и трудностей житья-бытья пьющих кровь, что какие-нибудь «Сумерки» в сравнении с «Пищеблоком» могут показаться детской сказкой про Колобка. И все же ближе к развязке этого пионерлагерного кошмара читающего не покидает устойчивое ощущение скрытой литературной полемики автора романа с подобными текстами отечественных и зарубежных авторов от Сергея Лукьяненко до Стивена Кинга. Впрочем, книгу Алексея Иванова можно воспринять и как привычную историю о ста днях после детства. О том, как подросток Валерка Лагунов взрослеет за одну смену в пионерлагере, а его соратник в борьбе с кровососущими человекоподобными пионервожатый Игорь Александрович сражается за любовь к своей коллеге.

Все это присутствует и в сериале «Пищеблок» режиссера Святослава Подгаевского, имеющего опыт сотворения отечественных «хорроров». Но он так и не смог полностью передать двойственность литературного первоисточника. С одной стороны, очевидную ностальгическую составляющую, с другой — ее полную противоположность, фабулу борьбы против «пиявцев»-вампинов. В данном контексте сериал «Пищеблок» — не лучший эфирный продукт. Если с точки зрения ностальгии по пионерскому прошлому эстетические приметы и фабульные ходы в изложении отношений персонажей очевидны и узнаваемы, то с «хорророподобной» составляющей в сериале все сильно запутано. Здесь разобраться, кто кому вампир и кто кому из кровососущих подчиняется, не так просто.

Тем не менее режиссер свое дело в части сотворения экранных «хорроров» знает. Он умеет печь эти горячие пирожки с острой и внезапной жанровой начинкой не хуже авторов «ужастиков» из-за океана. Не вдруг, от серии к серии, в кадре нагнетается атмосфера тайны и ожидания ужаса. Атмосфера пионерского лагеря «Буревестник» начинает все более напоминать антураж какой-нибудь «Битвы экстрасенсов».

Стартовав как ностальгическая мелодрама, сериал «Пищеблок» мутирует в сторону отечественного фильма ужасов. Ожидание схватки Света и Тьмы постепенно становится психологической доминантой, а жанровые приемы в своей совокупности являют образец того самого «хоррора». Тем более очевидно, что вполне бытовая развязка, обусловленная окончанием в пионерлагере смены, не вписывается в стилистику предыдущего, жанрово измененного повествования. Все начиналось со знакомых проблем отношений между подростками, а

закончилось всеобщим унынием, не говоря уже о летальных исчезновениях ряда ключевых персонажей.

По-своему спорной выглядит и линия воспоминаний старика-ветерана Серпа Ивановича Иеронова (Сергей Шакуров), решенная в черно-белой стилистике. Она расширяет «масштаб бедствия» с вампирами, снабжает сюжет экскурсом в прошлое. Но это принципиально ни на что не влияет, зато выглядит как способ добрать метраж до восьми серий.

«Пищеблок» рассчитан как сериал на один сезон, и его стиль завязан на реалиях пионерского прошлого людей 50 лет и старше. Очень ярко показаны такие типажи, как старшая пионервожатая Свистунова (Ирина Пегова) или директор лагеря (Николай Фоменко). Присутствуют и узнаваемые образы пионервожатых. Однако главный фабульный бенефис в сериале достается киноборцам за Свет против сил Тьмы — пионеру Валерке Лагунову (Петр Натаров) и пионервожатому Игорю Александровичу (Даниил Вершинин). Оба героя выглядят полнокровными, не лишены страхов и сомнений, но находящими в себе силы бороться с «пиявцами». Временами эта борьба порождает комический эффект, что позволяет зрителям «выпустить пар» от нагнетаемого в сериале эмоционального напряжения. Добавили от себя авторы сериала и фигуру старшего брата Валерки (Илья Коробко), некогда расставшегося с жизнью при загадочных обстоятельствах. Он имеет отношение к силам Зла, но является как воображаемый собеседник младшего брата, что рождает новые вопросы к авторам сериала. Например, кого из персонажей они определили в сторонники вампиров, а кого — в отряд добропорядочных граждан Советского Союза образца 1980 года?

Несмотря на то, что смена закончилась, финал сериала остается открытым. В книге Алексея Иванова на заключительных страницах остаются вопросы относительно будущей судьбы симпатичных автору героев — Валерки и Игоря. В телесериале не только нет таких вопросов, но и сами персонажи выглядят так, как будто их пришибла судьба-злодейка. Хотя мы-то с вами знаем, кто во всем виноват.

Промежуточные итоги

Проанализировав весь набор экранных версий сочинений популярного и яркого уральского прозаика, понимаешь, что в нем находят наши кино и ТВ. Во-первых, яркие и незаезженные сюжеты из исторического прошлого и настоящего. Во-вторых, не менее сочные самобытные характеры персонажей. В-третьих, живописные места и края, где происходят авантюрные события. И последнее, но не менее важное: книги Алексея Иванова отличаются не только всем вышеупомянутым, но и блистательным насыщенным стилем, свидетельствующим о писательском даре, который и помогает творить истории, имеющие все шансы стать экранными зрелищами.

Денир КУРБАНДЖАНОВ

ДА ЧТО ВЫ ПОНИМАЕТЕ В КОЛБАСНЫХ ОБРЕЗКАХ?

О книге Александра Павлова «Плохое кино»

В издательстве «Горизонталь» вышла книга философа Александра Павлова «Плохое кино». На мягкой обложке довольно толстой книги, оформленной под американский комикс, красуется четверка культовых героев, из которых российскому зрителю, пожалуй, неизвестен лишь один — Джон Истлэнд из фильма «Мститель 2» (1984) в красной маске сварщика с огнеметом в руках. Ядовитозеленого Ти-Рекса из комедии «Тамми и динозавр» (1994), скорее всего, примут за Годзиллу. Оставшиеся двое навевают теплые воспоминания о молодости и пиратских VHS-кассетах. Это смазливый Патрик Суэйзи из боевика «Дом у дороги» (1989) и брутальный Сильвестр Сталлоне из «Кобры» (1986). Как можно понять, речь в этой книге пойдет о «плохом кино» — самом вульгарном, помоечном, сумасшедшем и бестолковом.

Предвещая риторические вопросы «Зачем это смотреть?» и «Для чего писать об этом целую книгу?», автор делит исследование на две части. В первой заботливо проводит читателя по истории понятия, подчеркивает существенную разницу между медийным и академическим дискурсом «плохого кино» и наглядно демонстрирует, насколько эта тема актуальна. Вторая часть представляет собой список топ-100 «плохих» фильмов в алфавитном порядке, к каждому из которых прилагается короткая статья-обзор. Вариант беспроблемный. С одной стороны, уникальный культурологический анализ «обратной стороны» кино, с другой — путеводитель по антидостижениям мирового кинематографа, к которому можно возвращаться, чтобы сверить ощущения.

С «хорошим» кино все ясно. Куда ни плюнь, наткнешься на понятные топы шедевров. «Хорошее» кино может перевернуть судьбу, потрясти, вдохновить. На крайний случай — выполнить развлекательную функцию. Вряд ли возникнут сомнения по поводу эталонных картин, например «Гражданин Кейн» Орсона Уэллса (1941) или «Зеркало» Андрея Тарковского (1974). Не вызовет удивления коммерческий успех шпионских боевиков класса «Миссия невыполнима». А вот с фильмом «Побег из Шоушенка» Фрэнка Дарабонта (1994) уже начнутся разночтения. «Маленькая Вера» Василия Пичула (1988) вызовет ожесточенные споры, перетекающие в драку, а лента «Акулий торнадо» Энтони Ферранте (2013) одним названием указывает на принадлежность к «плохому» кино. Говорят, о вкусах не спорят. В то же время, о чем спорить, как не о вкусах? Здесь кроются главные проблемы определения статуса художественного произведения.

Правовед, философ, культуролог и кинокритик Александр Павлов, пожалуй, единственный в России, кто производит художественные ярлыки «хороший» и «плохой» на публичном, доступном уровне. Однако остаются вопросы, насколько они объективны и имеет ли право на жизнь лишь официально признанное «хорошим».

Стоит отметить, что автор в данном контексте не пользуется словом «хороший» — он заменяет его на прозаическую характеристику «обычный». Связано это с тем, что понятия «хорошее кино» в киноведении не существует. Термин «плохое кино» (bad movies) пусть условно, но охватывает несколько разнородных явлений. Как отмечает Александр Павлов, цель его книги «...через описание конкретных фильмов предложить целую мозаику “плохого кино”».

Данная мозаика складывается из нескольких ключевых категорий:

1. «Худшие фильмы», которые принято ненавидеть и «также над ними часто насмеваются в особо жестокой форме» — например, «Ночь в супермаркете» (2012).

2. «Такие плохие, что даже хорошие фильмы» — «...такие, — отмечает автор, — некомпетентность и нелепость которых вызывает у зрителей веселье, а иногда — восторг. Такое кино не ненавидят, но над ним принято смеяться». В качестве примера Павлов приводит маргинальную, неумело сделанную ленту «Комната» Томми Вайсо (2003), которая со временем стала культовой.

3. «Хорошие плохие» фильмы — жанровое кино, которое не претендует на премии или пристальное внимание критиков, но выделяется тем, что развлекает зрителей лучше, чем другие жанровые фильмы. Мы можем над ним смеяться, но мы его любим, несмотря ни на что. Например, это триллер «Страх» (1996).

4. Просто «Плохие фильмы», которые обычно отождествляются с трешем, «эксплуатационным кино» и т. д., то есть те, которые намеренно сделаны «плохими».

Подобная типология выглядит, мягко говоря, неубедительно, поскольку еще больше размывает видение «плохого кино». Автор с этим согласен, оговариваясь, что о точных ориентирах говорить сложно. Штамп качества на картину чаще всего ставят массмедиа, но у каждого «плохого фильма» свой путь к признанию и известности. Рейтинги, премии, авторитетные критики, андеграундные журналы, интернет-шоу выступают как увеличительное стекло, под которым киноманы рассматривают это странное явление.

Судя по приведенной Павловым медийной историографии, понятие начало формироваться в 1960-х с подачи американских кинокритиков Сьюзен Сонга и Полин Кейл. В 1970—1980-х массово выпускается разнокалиберная литература о «плохом кино», создаются антипремии, происходит переоценка многих провальных фильмов. В результате выяснилось, что всякого рода треш, эксплуатационное месилово, фильмы «категории В» оказали гигантское влияние на большое кино. Любят этот балаган не меньше, чем сложносочиненные полотна, а серьезными авторами могут считаться не только режиссеры вроде Альфреда Хичкока или Орсона Уэлса, но и Эдвард Вуд или Джордж Ромеро.

Александр Павлов с упоением рассказывает о том, как вырвавшийся с задворок мейнстрима ураган поносил казавшиеся крепкими устаревшие эстетические конструкции. Сотни зарубежных киноведов, кинокритиков, журналистов и философов внесли вклад в понимание этого культурного феномена — «плохое кино». К сожалению, большинству отечественных читателей эти имена ничего не скажут — их работы не переведены на русский язык. По сути, Павлов в одиночку осуществляет рецепцию зарубежной традиции рассуждений

о «плохом» кино и делает это преимущественно на американском материале. Хотя в список ста худших фильмов затесался российский ремейк «Кавказской пленницы» 2014 года, больше отечественной киноиндустрии автор не касается. А жаль — ведь в 1980-х и 1990-х мы разжились собственным трешем про каратэ, братков и голых женщин. Читать критику знакомых, близких россиянам картин было бы интереснее и плодотворнее, чем разборы экзотических иностранных киноизделий. Тем более что для Александра Павлова это не единственная работа, посвященная кино. В 2014 году увидело свет исследование «Постыдное удовольствие: философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа», а в 2017 году вышла книга «Расскажите вашим детям: сто одиннадцать попыток о культовом кинематографе». База для нового исследования сформирована — осталось обратить взор на недавнее прошлое.

Что касается книги «Плохое кино» Александра Павлова, то она стала событием для российской кинокритики. Как минимум потому, что открывает рядовому читателю и зрителю новые пути взаимодействия с «плохим» кино. Над ним можно смеяться, его можно любить или даже анализировать на предмет идеологических шифров, как это делает словенский культуролог и социальный философ Славой Жижек. Как производное от определения «плохой», такая «плохость» может стать частью киноязыка — достаточно вспомнить Квентина Тарантино или Сиона Соно. Главное — не воротить нос и снобистски не отворачиваться от этой причудливой части киномира. Данный феномен скрывает в себе слишком много энергии, чтобы его игнорировать.

Валерий КОПНИНОВ

ТОНКОСТЬ НЕРАССКАЗАННЫХ ОЩУЩЕНИЙ

Художник Наталья Красикова о времени и о себе

Спрашивать меня, о чем фильм, так же бесполезно, как спрашивать художника о вкусе яблок, которые он рисует.

Альфред Хичкок

На восемь миллиардов человек, населяющих земной шар, приходится семь тысяч сто пятьдесят один язык. Впечатляющая цифра! Огромная. И вместе с тем — недостаточная. Этим семи тысяч ста пятидесяти одного языка человеку недостаточно, чтобы выразить то, что тонко, будто паутинка, передать то, что невесомо, как туман, поделиться тем, что неуловимо, словно ветер...

В этом случае художник берет кисти, краски и холст, замешивает краски на белесых клоках тумана, наполняет кисти вольным ветром и плетет тонкую кружевную паутину композиции на холсте... Ведь только с помощью живописи возможно в непрерывном неконтролируемом движении скоротечной жизни остановить «прекрасное мгновение» и зафиксировать его для вечности.

Живопись — один из уникальных доступных человеку-творцу способов поведать о жизненной правде языком правды художественной. А стало быть, живописцы становятся носителями особого, не учтенного лингвистами, языка. Именно таким носителем и в определенной степени создателем собственного языка является барнаульская художница, мастер натюрморта Наталья Красикова. Натюрморт не сразу стал любимым жанром Натальи, впрочем...

Первые шаги

Впрочем, начинать знакомство правильнее не со зрелости и осознанных предпочтений, а с детства. Именно там кроются истоки любой личности, тем более личности творческой.

Наталья Красикова родилась в 1955 году в Белоруссии, но вскоре семья переехала в Казахстан. Принято считать, что художниками не рождаются, а становятся. В случае с Натальей Красиковой это утверждение следует признать как минимум спорным. В маленькой деревне неподалеку от Семипалатинска, где Наталья жила вместе с родителями, не было никакой художественной среды (как модно сейчас говорить — от слова «совсем»). Приблизительные знания об этом направлении искусства девочке давали только школьные уроки рисования да цветные журналы «Огонек». Там печатались небольшие репродукции, среди которых маленькая Наташа неосознанно отдавала предпочтение картинам талантливых живописцев: Поля Гогена, Винсента Ван Гога.

Еще школьницей полюбив работу с карандашом, Наталья много рисовала с натуры, начиная познавать живопись на практике, что называется, «от печки». Пытаясь передать естественную красоту природы, до конца не познаваемую жизнь растений и вовсе непознанную жизнь предметов, юная художница стремилась уловить их взаимосвязь с человеком. Эти первые, но такие верные шаги через поиски и реализацию художественного образа впоследствии привели ее к творческому осмыслению реальности.

Вот что Наталья вспоминает о самых ярких картинках детства: «Я помню первые живописные впечатления — папа привез сосновые дрова, и вот эта кора золотая, солнышком подсвеченная, придавала некий особенный блеск обычным поленьям — я была просто в восхищении, в восторге. А еще у нас гуси были, белоснежные... До сих пор помню щедрое золото сосновых дров и белоснежных гусей, важно шагающих между рассыпанных поленьев. Невероятное сочетание белого и золотого... Потом я стала замечать, что у нас какие-то кочки на реке выразительные, читать отражения в лужах... Красота, от природы идущая, красота в простом и привычном, которую удалось заметить, разглядеть, — она особенная. Не от картин, а от природы идущие впечатления — в них воспитание характера и вкуса художника, мотивация и исходная точка рождения образа».

Сравнительно небольшой опыт рисования с лихвой компенсировался внутренним стремлением к красоте, умением видеть ее в окружающем мире и просто в обычных бытовых предметах. Наверное, поэтому, когда пришло время выбора жизненного пути, вчерашняя школьница Наташа Красикова сделала решительный рывок навстречу мечте — поступила на художественно-графический факультет Семипалатинского государственного педагогического института. К своему удивлению, она сдала все экзамены на пятерки.

Преподаватели на курсе были разного уровня, и среди них сколько-нибудь значительных не случилось. Овладение профессией требовало собранности и самодисциплины. В начале 1970-х годов студенты только-только образованного художественно-графического факультета варились в собственном соку, пробуя себя в разных направлениях и жанрах, сами искали, делали выводы, выбирали...

«Нам говорили на занятиях, — вспоминает Наталья, — пишите мазочками, пишите мазочками! А что, почему? Я, наоборот, стала писать гладко. Больше всего на меня повлиял предмет “История искусства”, сформировал отношение к живописи...»

Творческое становление

Но именно учеба на худграфе, а после защиты диплома в 1976 году многолетнее преподавание в родном институте на кафедре ИЗО стали судьбоносными для Натальи, определили путь творческого развития.

«Я всю жизнь преподаю, — поясняет Наталья. — Когда я закончила институт в Семипалатинске, меня оставили там работать, и двадцать лет я преподавала на кафедре рисунок, живопись и композицию. Для меня работа в вузе не просто “Я преподаю”. Ты прежде всего находишься в процессе понимания как искусствовед, как художник и как практик. Педагогика, в моем понимании, не только и не столько для того чтобы преподавать, а чтобы разобраться во всем... А еще мне очень нравилось заниматься так называемой научной работой, то есть искусствоведением. Статьи писала и публиковала, на стажировки ездила в Москву, в Ленинград. Приходилось много читать, и это я тоже делала с удовольствием. У меня параллельно шло два направления — я преподавала и оставалась при этом художником. Когда в 1995 году я приехала в Барнаул, тоже

пошла преподавать. Последнее место работы — в Алтайском политехническом институте (сейчас Алтайский государственный технический университет. — *Ред.*) на факультете архитектуры и дизайна. Для меня это стало важным — ты пишешь картины и параллельно осмысливаешь художественный процесс. Эта параллель помогала мне творчески развиваться, быть все время в движении...»

После всего вышесказанного самое время вернуться к натюрморту — наиболее почитаемому Натальей Красиковой жанру изобразительного искусства. Его история насчитывает не более трех с половиной веков — с точкой отсчета в Голландии XVII века.

За привычным в своей кажущейся простоте (опереточно-легким или даже кремово-бисквитным) термином «натюрморт» (*nature morte*) стоит фатально-материалистический дословный перевод с французского языка: «мертвая природа». Существует и благостно-идеалистический вариант — *still life* (англ. «неподвижная жизнь»). Материализм в данном случае не противоречит идеализму. Более того, их соединение создает некий разумный баланс в человеческой жизни и в природе (антитеза *life — morte*), насколько мы их оцениваем и понимаем. В нем видится если не гармоничное, то как минимум психологически верное позиционирование человека и предметов, его окружающих.

«Я люблю натюрморт, но не люблю сюжеты, — признается Наталья. — Я сразу поняла: сюжет — это не мое, жанровые картины меня не привлекают. Пейзаж я разлюбила, потому что в нем чаще всего подражание природе. Мол, природа сама все скажет, нужно только максимально достоверно перенести это на холст. Поэтому если у меня пейзаж, то в нем не должно быть подражания природе. К примеру, пейзаж “Ночь в городе”. Там изображен уголок города и вид на театр кукол. От этого места исходила энергия боли. Я чувствовала ее, и деревья здесь — как вздетые руки. Когда я писала, то понимала: они вот такие и другими для меня быть не могут. Как оказалось, это расстрельное место, там людей расстреливали. И я увидела все по-другому... Это хорошо, когда ты можешь увидеть все по-другому. Даже не увидеть, а... уловить между слов, между предметов.

Мне больше нравится тонкость нерассказанных ощущений. Матисс говорил о натюрморте: “Выразительность для меня заключается не в страсти, которая вдруг озарит лицо или проявится в бурном движении. Она во всем строе моей картины; место, занимаемое предметами, промежутки между ними, их со отношения (именно так написано у Матисса: «со отношение». — *В. К.*) — вот что имеет значение”. И натюрморт, он такой — в нем очень трудно рассказать о чем-то, в нем больше чувства, настроения. Для меня предметы в натюрморте — они как люди, что-то с ними происходит, и мне интересно с ними разговаривать. И как раз интересно, потому что они молчаливые и непонятные. С человеком все более-менее понятно — этот хороший человек, этот плохой, этот такой, этот другой, а предметы — это вообще космос. Они тоже сделаны людьми, но они... какие-то странные связи между ними бывают. В натюрморте есть своя жизнь, своя тайна, что-то до конца необъяснимое, что мне и в поэзии нравится. Вот, к примеру, Бродского читаешь, стихи — как стихия:

Джон Донн уснул, уснуло все вокруг.
Уснули стены, пол, постель, картины,
уснули стол, ковры, засовы, крюк,
весь гардероб, буфет, свеча, гардины.
Уснуло все. Бутыль, стакан, тазы,
хлеб, хлебный нож, фарфор, хрусталь, посуда,
ночник, белье, шкафы, стекло, часы,
ступеньки лестниц, двери. Ночь повсюду...

Стихия навалится, накроет, и вроде все просто, а при этом — магически необъяснимо... А еще — парадоксально формалистично. Хотя я люблю формализм в хорошем смысле слова. Часто формализм понимают буквально, как нечто поверхностное. На самом деле все состоит из внутренней формы. Та же живопись — это не просто срисовать картинку с природы, там тоже свой язык, а он формальный. Цвет — это что такое? Это форма, формальный язык. Цвет, свет, пропорции и прочее. И натюрморт я вижу через такой формализм. Поэтому я люблю натюрморт. Здесь нет сюжета — он не мешает мне. Без сюжета художник свободен и во времени, и в пространстве. Взять, к примеру, мою работу «Здравствуй, Моды» — это натюрморт с пейзажем за окном и с картинкой Модильяни, как будто я ему приветик такой шлю. Ну это, конечно, не высокомерие, а какой-то флюид от него пошел... В этом — преемственность, общий культурный код...»

Работа Натальи Красиковой «Здравствуй, Моды» весьма показательно подтверждает, что в рассуждениях Натальи нет кокетства, ее слова не расходятся с делом. В заданном пространстве картины «формалистическая» мера тончайшим образом сочетается с неизмеримой глубиной красоты и целесообразности. Причем не в статике, а в движении — от простоты к непознаваемым величинам. Натюрморт написан открыто, располагаяще. Он выполнен в духе неагрессивной экзистенциальности, где миру внутреннему и миру внешнему отведены равные гармоничные части. Комната — мир внутренний, ограниченный. Картинка Модильяни — впечатление, отзвук мира внешнего, его познание. Пейзаж за окном — мир внешний. Там знакомые и понятные дома расширяют жизненное пространство (за каждым окном такой же внутренний мир — мир другого человека), а за спинами домов — бесконечность неба. Связь между двумя мирами (ключ к пониманию одного мира другим) — именно картинка Модильяни.

Таким образом, натюрморт «Здравствуй, Моды» — ответ, обратная связь художника с внешним миром. Ответ, где понятны не только слова, но и то, что между слов.

Живопись как формула любви

Натюрморт — это жизнь, что застыла на мгновение, показав одну из граней своего смысла. Если говорить о смыслах, то, наверное, только с помощью натюрморта можно выразить отличие стакана, что наполовину пуст, от стакана, который наполовину полон. Где наполненная часть стакана — смысл, а пустая — «тонкость нерассказанных ощущений».

«Я люблю натуру, — утверждает Наталья Красикова, — и это не дает пуститься в свободное плавание абстрактных идей. Для меня объекты — верхушки айсбергов, точка опоры, спасательная лодка, удерживающая на плаву. Вероятно, это необходимо моему организму.

То, что я пишу, не выносит удовольствия привычного сходства и любования виртуозной легкостью мазка, потому что значительно. Неважно, одуванчик это, обычная чашка или чье-то лицо — все оттуда. Когда в знакомом проступают следы другой возможности и наоборот, в этом пространстве “между” неведомым образом возникают живописные идеи, которые хочется воплотить.

Люблю цвет и линию в их единстве. Сплавленные вместе, они освобождаются от суеты лишнего. Краску вымешиваю долго, до тех пор, пока не получится тот звук, который чувствую. Когда поймал этот флюид — что-то получается.

Работы для меня — это некие формулы любви, которые преподносят нам жизнь и искусство».

АВТОРЫ НОМЕРА

Агалаков Александр Викторович родился в Томске в 1960 г. Окончил Томский государственный университет. Филолог, преподаватель, журналист. Работал на руководящих должностях в пресс-службе региональной транспортной милиции. Публиковался в журналах «Звезда», «Новосибирск» и др. Автор нескольких книг, соавтор трех сборников публицистики. Живет в Новосибирске.

Бабанская Алена родилась в г. Кашире. Окончила филологический факультет Московского педагогического государственного университета. Публиковалась в журналах «Арион», «День и ночь», «Крещатик», «Интерпоэзия», «Волга», «Сибирские огни» и др. Автор четырех книг стихов. Живет в Москве.

Бакирова Наталья Викторовна родилась в 1975 г. в Заречном Свердловской области. Окончила Уральский государственный университет. Работает преподавателем в технологическом колледже. Публиковалась в изданиях «Новая Юность», «Причал». Лауреат литературных конкурсов, в том числе международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (2022 г.). Рассказы входили в межавторские сборники. Живет в Заречном.

Ильченко Сергей Николаевич родился в Ленинграде в 1957 г. Окончил театроведческий факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии. Доктор филологических наук, кандидат искусствоведения. Трудился в органах государственного управления культуры города. С 2001 г. работает заведующим кафедрой радио и телевидения СПбГУ. Главный редактор газеты «Культурный Петербург». Публикуется в различных петербургских и российских изданиях по вопросам культуры, литературы, медиа. Живет и работает в Санкт-Петербурге.

Колеватов Олег Иванович родился в 1965 г. в с. Власково Яшкинского района Кемеровской области. Учился в Томском инженерно-строительном институте и Высшей школе бизнеса при Томском государственном университете. Работает менеджером. Ранее не публиковался. Живет в Томске.

Копнинов Валерий Павлович родился в 1963 г. в Барнауле. Окончил Алтайский институт культуры и ГИТИС. Автор книг «Сукины дети», «Двенадцать затмений луны», «День чистой воды». Публиковался в журналах «Север», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Работает режиссером телевидения. Член Союза писателей России и Союза театральных деятелей РФ. Живет в Барнауле.

Курбанджанов Денир Илхомжонович родился в 1997 г. Кинокритик. Публиковался в газете «Культура», «Литературной газете», на порталах «Нож», «Перемен», «Свободная пресса», «Ваши новости». Живет в Новосибирске.

Луговая Евгения Александровна родилась в 1996 г. в Оренбурге. Ныне учится в г. Невшатль (Швейцария) по направлению «медицинское право». Автор романов «Над серым озером огни» (диплом «За яркий литературный дебют» Германского международного литературного конкурса «Лучшая книга года») и «Я не верю крикам птиц». Печаталась в журналах «Смена» и «Рассвет», участвовала в

первой Литературной школе журнала «Юность» в Перedelкине и Комарове.

Помозов Олег Алексеевич родился в Томске. Окончил в 1991 г. Томский государственный университет по специальности «история». Независимый исследователь, краевед. Автор книг: «День освобождения Сибири», «Дни освобожденной Сибири», «Рассвет над Искером», а также поэтического сборника «Солнечный полдень». Живет в Томске.

Роевский Константин родился в 1987 г. в Красноярске. Окончил Сибирский федеральный университет. Ранее не публиковался.

Солодов Юрий Владимирович родился в Кемерове в 1963 г. Сменил множество рабочих профессий. Окончил Кемеровский политехнический институт, Литературный институт им. А. М. Горького, Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Публиковался в журналах «Север», «Огни Кузбасса», «Искусство кино» и др., в антологиях, сетевых литературных журналах, сотрудничал как журналист с изданиями «Литературная газета», «Кузнецкий край» (Кемерово), «Огонек». С 2000 г. работает как сценарист. Живет в г. Пушкино Московской области.

Татаренко Юрий Анатольевич родился в 1973 г. в Новосибирске. Поэт, член Союза писателей России, автор четырех книг стихов. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Байкал», «Южная звезда», «Огни Кузбасса», «Бийский вестник», «Литературная учеба», «Начало века», «Ликбез», «Красная бурда», в «Литературной газете» и других изданиях. Живет в Новосибирске.

Чолокян Владимир Тигранович родился в 1994 г. в Пензе. Окончил историко-филологический факультет Пензенского государственного университета по специальности «английский язык». Публиковался в «Сибирских огнях». Роман «Железный повод» вошел в длинный список премии «Нацбест» в 2021 г. Живет в Пензе.

Шелленберг Вероника Владимировна родилась в 1972 г. в Омске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Арион», «День и ночь», «Урал», «После 12», «Сибирские огни» и др. Автор десяти стихотворных сборников. Лауреат ряда литературных премий, в том числе им. Леонида Мартынова, им. Леонида Мерзликина, им. Н. Я. Самохина, им. Игнатия Рождественского, международной премии «Детское время». С 2017 г. — председатель Омского регионального отделения Союза российских писателей и редактор альманаха «Складчина». Живет в Омске.

Щукин Михаил Николаевич родился в 1953 г. в с. Мереть Сузунского района Новосибирской области. Окончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Работал журналистом, в т. ч. собственным корреспондентом журнала «Огонек» и газеты «Литературная Россия» по Сибири. С 1995 г. — главный редактор журнала «Сибирская горница». С 2014 г. — главный редактор «Сибирских огней». Автор более 40 книг — романов, повестей, сборников рассказов. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Новосибирске.

МАГАЗИН продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:
антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630099, г. Новосибирск, ул. Чаплыгина, 25, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 21.02.2023. Дата выхода № 3 за 2023 г. в свет 24.03.2023.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 11,82. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.